

SAINT-PETERSBURG STATE UNIVERSITY
RESEARCH CENTRE OF LEXICOGRAPHY
named B. A. Larin

HISTORICAL LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY

Since 1972

I s s u e 8

Main editor *O. A. Cherepanova*

St. Petersburg University Faculty of Philology
St. Petersburg
2010

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ
им. проф. Б. А. ЛАРИНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Издается с 1972 года

В ы п у с к 8

Ответственный редактор *О. А. Черепанова*

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2010

УДК 81.373
ББК 81.411.2
И90

Редакционная коллегия: канд. филол. наук, ведущий науч. сотр. Института лингвистических исследований (ИЛИ) РАН С. С. Волков (С.-Петербург); доктор филол. наук, проф. КазГУ К. Р. Галлицин (Казань); доктор филол. наук, проф. СПбГУ Е. И. Зиновьева; канд. филол. наук, доцент СПбГУ И. С. Лутовинова; доктор филол. наук, ведущий науч. сотр. Института лингвистических исследований (ИЛИ) РАН И. А. Малышева (С.-Петербург); доктор филол. наук, проф. Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН А. М. Молдован (Москва); канд. филол. наук, доцент Северо-Западной академии государственной службы (СЗФГС) Г. Ю. Смирнова (секретарь) (С.-Петербург); доктор филол. наук, проф. ВГПИ Г. В. Судаков (Вологда); доктор филол. наук, проф. СПбГУ О. А. Черепанова (отв. редактор); канд. филол. наук, сотр. Межкафедрального словарного кабинета СПбГУ А. С. Щекин.

Редакционный совет: доктор филол. наук, ведущий науч. сотр. Института лингвистических исследований (ИЛИ) РАН А. А. Бурькин; канд. филол. наук, доцент СПбГУ Е. В. Генералова; канд. филол. наук, ведущий науч. сотр. Института лингвистических исследований (ИЛИ) РАН В. Н. Калиновская; доктор филол. наук, проф. СПбГУ В. В. Колесов; доктор филол. наук, проф. ПГПУ Л. Я. Костючук (Псков); канд. филол. наук, доцент СПбГУ О. С. Мжельская; доктор филол. наук, проф. МГОПИ О. В. Никитин (Москва); канд. филол. наук, доцент СПбГУ М. Н. Приемьшева; доктор филол. наук, проф. СПбГУ Т. С. Садова; доктор филол. наук, проф. СПбГУ Г. Н. Скляревская; доктор филол. наук, доцент ВГПИ С. Н. Смольников (Вологда); канд. филол. наук, доцент СПбГУ О. А. Старовойтова; доктор филол. наук, проф. ТюмГУ Л. В. Трофимова (Тюмень).

Рецензенты: доктор филол. наук В. М. Круглов, канд. филол. наук Ф. Н. Двигятин.

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета С.-Петербургского государственного университета*

И90 Историческая лексикология и лексикография: межвуз. сб.
Вып. 8 / отв. ред. О. А. Черепанова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. — 236 с.
ISBN 978-5-8465-1069-2

Сборник содержит статьи по истории формирования и функционирования лексического состава русского языка в широкий исторический период XI–XIX вв. Основное внимание уделено времени становления русского национального языка, при этом авторы обращаются прежде всего к изучению делового языка.

Выпуск 8 выходит с измененным названием — «Историческая лексикология и лексикография» (выпуски 1–7 имели название «Русская историческая лексикология и лексикография», 1972–2008), что обусловлено задачей расширения поля научных проблем и фактографической базы исследований.

Для специалистов в области русской и общей исторической лексикологии и лексикографии, историков русского языка, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами исторической филологии.

ББК 81.411.2

© Коллектив авторов, 2010
© Филологический факультет СПбГУ, 2010
© С. В. Лебединский, оформление, 2010

ISBN 978-5-8465-1069-2

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. С. ВОЛКОВА

Святослав Семенович Волков (1921–1996) — выпускник филологического факультета Ленинградского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, в 1960–1983 гг. сотрудник кафедры русского языка и Межкафедрального словарного кабинета на филологическом факультете ЛГУ. Основная область научных интересов — историческая лексикология: лексика и фразеология деловой письменности Московской Руси XVI–XVII вв. и «разговорников», подготовленных европейцами для своих соотечественников руководств для изучения обиходно-разговорной русской речи. Автор двух монографий: «Лексика русских челобитных XVII века» (Л., 1974) и «Стилевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII века» (1980; опубликована в 2006 г.), а также ряда статей и рукописного словаря «Словарь полнозначной лексики актов „Слова и дела“ первой трети XVII века» (2-я часть диссертации на соискание степени кандидата филологических наук, 50-е гг. XX в.). По поручению профессора Б. А. Ларина в течение 60–70-х гг. руководил в Межкафедральном словарном кабинете проектом «Словарь обиходного русского языка Московской Руси», потратив много сил и времени для создания материальной базы Словаря. Картотека готовилась усилиями студентов филологического факультета и сотрудников Межкафедрального словарного кабинета (в последние годы жизни С. С. Волков передал в Кабинет для пополнения картотеки свое обширное собрание выписок из памятников письменности XVII в., принадлежавших различным жанрам). В работах С. С. Волкова и его учеников на основе положений, сформулированных Б. А. Лариным, уточнялись теоретические положения будущего Словаря и складывались практические приемы описания лексики и фразеологии. 1-й выпуск этого словаря вышел в свет уже после кончины С. С. Волкова — в 2004 г.

С. С. Волков принял участие в качестве автора и одного из редакторов в другом проекте, осуществленном в Межкафедральном сло-

варном кабинете в 60–70-х гг. прошлого века, — «Лексика и фразеология „Моления“ Даниила Заточника» (Л., 1981; переиздано: Словарь «Моления» Даниила Заточника. Репр. изд. СПб., 2007).

В рамках темы «Словарь обиходного русского языка Московской Руси» С. С. Волков руководил дипломными сочинениями студентов и диссертациями аспирантов, консультировал исследования, подготавливаемые на соискание ученой степени доктора филологических наук. Он организовал и был руководителем секции «Историческая лексикология и лексикография» на ежегодной научно-методической конференции, проходившей на филологическом факультете ЛГУ. С. С. Волков основал настоящий периодический сборник научных докладов «Русская историческая лексикология и лексикография», который выходит в свет с 1972 г.

Вниманию читателей предлагается статья С. С. Волкова, которая является переработкой доклада, прочитанного им 20 марта 1987 г. на XVI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов филологического факультета ЛГУ.

С. С. Волков

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА
ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ XVII в.**

Подготовка к публикации О. С. Мжельской

Аннотация

Частные письма («грамотки») XVII в. имели определенную языковую нормированность: постоянно повторяющуюся внутреннюю структуру, набор устойчивых выражений, в которые оформлялось то или иное сообщение, и разнообразную лексику, выражавшую вежливость, почтение, заботу, ласку. Все эти языковые средства были традиционны и служили выражению эмоций и экспрессии. Сказанное не позволяет воспринимать частную переписку XVII в. (письма родственников, друзей, знакомых) как нечто такое, что непосредственно отражает разговорную речь русских людей XVII в.

Ключевые слова: грамотки XVII в., историческая лексикология, русская разговорная речь XVII в.

**EMOTIONALLY EXPRESSIVE MEANS
OF PRIVATE CORRESPONDENCE OF THE 17th CENTURY**

Summary

Private messages («gramotki») of the XVIIth century had a certain linguistic normalization (constantly repeating internal structure, a set of stable collocations which resulted in one or another message) and diverse vocabulary that expressed courtesy, respect, care, caress. All these language means were traditional and served as an expression of emotions and expressiveness. Conclusions mentioned above don't allow to interpret private correspondence of the XVIIth century as something which directly reflects informal speech of Russian people of the XVIIth century.

Key words: gramotki (private messages) of the XVIIth century, historical lexicology, informal speech of Russian people of the XVIIth century.

Формирование русского национального языка в его устной и письменной формах находит свое отражение во всех разновидностях памятников письменности XVII в.: от высокой книжности до бытовой переписки. В 1964–1984 гг. сектором лингвистического источниковедения Института русского языка АН СССР были изданы новые материалы по истории русского языка XVII — начала XVIII в., деловые документы массового использования, в значительной своей части содержащие *грамотки* — письма этой поры¹. Материалы были названы их издателями и первыми исследователями источниками по истории народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в. и отнесены к той разновидности письменных памятников Московской Руси, которая наиболее полно отражала общенародную разговорную речь той эпохи. Материалы частной переписки «доносят до нас старинную устную речь, представленную в письменном отражении, в наиболее непосредственном виде по сравнению с иными категориями письменных источников»².

Опубликованные под общим названием «грамотки» источники не едины по своему характеру. Среди них представлены: а) материалы частно-деловой переписки (вотчинной, поместной, торгово-предпринимательской), которые по своей форме и языковым особенностям совпадают с соответствующими актами официально-деловой письменности (отписки, наказы, челобитные и др.); б) некоторое сравнительно небольшое количество писем лиц, связанных служебными отношениями и переписывающихся в частном порядке по служебно-деловым вопросам (письма сослуживцев, отчеты и сообщения мирских выборных ходатаев по делам общества и т. п.), и, наконец, собственно бытовая эпистолярная письменность — в) материалы семейной и дружеской переписки родственников, друзей, знакомых, соседей, лиц разного социального положения³. По своему характеру и языку, по ис-

¹ Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). М., 1965; Московская деловая и бытовая письменности XVII века. М., 1968; Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969; Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край. М., 1984.

² Котков С. И. Русская частная переписка XVII–XVIII вв. как лингвистический источник // Вopr. языкознания. № 6. 1963. С. 107–116.

³ До 1964 г. были опубликованы лишь семейные письма царствующих особ (Алексея Михайловича, Петра Алексеевича) и членов их семей, если не считать берестяных грамот-писем XI–XVI вв.

пользуемым ими языковым средствам, в частности экспрессивно-эмоциональным, эти три разновидности отличаются друг от друга, хотя и опираются на одни и те же основания: обиходно-разговорную общенародную складывающуюся национальную речь, официально-деловую письменность и высокую книжность.

Как бы ни стремились некоторые историки русского литературного языка изыскать доводы, чтобы отказать деловой письменности и частной переписке в литературности, грамотки XVI–XVII вв. следует относить к *литературно-письменной* речи, поэтому не нужно воспринимать частную переписку, семейные письма-грамотки как нечто такое, что непосредственно отражает разговорно-бытовую речь русских людей того времени.

Анализ представленных в указанных изданиях собственно частных писем (семейно-дружеская переписка) показывает, что для них характерна определенная языковая нормированность (грамматическая, лексико-фразеологическая), хотя письма не только провинциальных, но и некоторых столичных грамотеев, профессионалов и непрофессионалов не отличаются твердой орфографией. Но письма-грамотки имеют строго определенный формуляр — набор тех устойчивых формул, в которые облекается, посредством которых передается то или иное сообщение. В грамотках широко используются этикетные элементы. Именно эти формулярные и этикетные языковые средства и их конкретное лексическое наполнение и несут эмоционально-экспрессивную нагрузку.

Собственно частным грамоткам свойственно выражение *особенного почтения, вежливости, внимательности* адресанта к адресату не только тогда, когда это письмо младшего к старшему или же стоящего на более низкой ступени общественного положения к находящемуся на более высокой ступени, но и тогда, когда адресант обращается к адресату письма с какой-либо просьбой (одолжить, например, семян на посев, присмотреть за кем-либо и т. д.). Адресанты выражают чувства нежности, ласки, заботы, беспокойства (особенно в письмах жен, матерей по отношению к мужьям, детям). Такова эмоциональная тональность грамоток, которая в подавляющем большинстве случаев сознательно выразительно подчеркивается во всем тексте письма.

Письма XVII века:

Гсдю моему Ивану Васильевичу Сенька Шукоцкой челом бьет даи гсди ты гсдрь мои здрав был на множество лѣт з гсдрнею моею сестрою

Анною Андрѣвною изволите гсдри мои спросит о моем художестве и моему окаянству Хсъ терпит августа по 26 де<нь> с Оксинею и с робятки жив пожалуи гсдрь мои Иван Васильевич прикажи к нам писат о своем многолѣтном здорвье и гсдрни моя сестры Анны Андрѣвны а я слышети о вашем многолѣтном здравии всегда жаден млсти прошу у тебя гсдря моего поклонися гсдрю моему брату Власию Григоревичу за сем тебѣ гсдрю моему и гсдрни моеи сестре Анне Андрѣвне вси премного челом бьем (Пам. Влад., с. 266, XVII в.).

Гсдрю моему Ивану Семеновичю Петрушка Хова <нский> челомъ бьетъ пожалуи гсдрь мои вели ко мнѣ писать о своемъ здор<овье> какъ тебя гсдря моего млсрдьи влдко хранит а пожалуешъ гсдрь мои по млсти своеи изволишь вѣдать про меня и я по указу великихъ гсдреи и пошел на их великих гсдреи службу в Киевѣ февраля по 10 де<нь> до воли Бжии живъ а впред уповаю на ево ж создавшего праведную волю сего гсдрь числа поѣхаль в Синбирскъ знакомецъ мои Яковъ Иванъ снъ Стечкинъ прошу млсти твоєї пожалуи гсдрь мои буди к нему млстивъ и о чемъ у тебя гсдря моего станеть млсти просит млстивно призри по томъ тебѣ гсдрю своему всяких блгъ желая премного челомъ бью (ИНРЯ, с. 64, 1694 г.).

Структура и формуляр.

Грамотка имеет следующие части, для которых характерны определенные формулы.

1. Вводная часть, включающая:

а) Указание на адресата в дательном падеже (минимум — имя, отчество), адресанта в именительном падеже (имя, фамилия) и челобитье — *кому кто бьет челом* 'приветствует, почтительно кланяться': *Гсдрю моему Ивану Ивановичю... Митка Яблочков* премного челом бью (ИНРЯ, с. 19, 1691 г.); *Гсдрю моему* и другу сердешному *Ивану Семеновичю женишка твоя Дашка* премного челом бьет (ИНРЯ, с. 65, 1696 г.).

Формула 'адресат — адресант — челобитье' может заменяться в письмах родителей или духовных лиц благословением *от кого кому* (или *чье кому*) благословение: *От Василя Бѣлина сну моему Ивану Василевичю блгословение и невѣстушке Анне Андрѣвне и мнуке Марюшке* (Пам. Влад., с. 253, XVII в.); *Старицы Софьи Кастѣвы гсдрю моему Ивану Василевичу [Белину] блгословение* (Пам. Влад., с. 265, XVII в.).

Наконец, возможно использование вместо указанных начальных формул именительного падежа обращения (имя и отчество как минимум): *Млстивои гсдрь Иван Ивановичь...* (ИНРЯ, с. 23, 1698 г.); *Блгдтль мои Иванъ Семеновичь...* (ИНРЯ, с. 69, XVII в.).

б) Далее следует примыкающее к начальной формуле пожелание здоровья: Гсдрю моему Ивану Семеновичю Ивашко Хованской челом бьет *здравствуи благодѣтел мой на многие лѣта* (ИНРЯ, с. 64, 1694 г.); Гсдрю моему и другу сердешному Ивану Семеновичю женишка твоя Дашка премного челом бьет *здравствуи друг мой сердешной Иван Семеновичъ на множество лѣтъ в млсти Бжии* (ИНРЯ, с. 67, 1696 г.); Блгодетел мой гсдрь Иванъ Ивановичъ *многолѣтно гсдрь и блгополучно и радосно здравствуи на многия лѣта* с Марєю Дмитревною и с Василемъ Ивановичем (ИНРЯ, с. 19, 1691 г.).

в) Затем адресант обращается к адресату с просьбой сообщать о своем здоровье: *Прошу млсти братецъ гсдрь Иван Ивановичъ прикожи ко мнѣ писат про свое многолѣтноѣ здорове и про здорověе невестушкино и Василя Ивановича* (ИНРЯ, с. 20, 1692 г.); *Пожалуй прикажи писатъ про свое многолѣтняя здорovia а нам бы слышавъ про твое здарovia о Хрстѣ радоватися* (ИНРЯ, с. 25, 1697 г.); *А ко мнѣ друг извол писат о своемъ многолѣтномъ здорове чего я [жена] о тво-емъ блгоздравии по вся чсы слышати со усердиемъ желаю* (ИНРЯ, с. 65, 1696 г.).

г) Адресант упоминает о себе и своих близких, где они находятся и здоровы ли они: *А про меня [двоюродного брата] гсдрь изволиш по млсти своей воспоменут и я в мешеской своей вотчины в дрвни Конской ноября въ де (так!) обретаюс в живых* (ИНРЯ, с. 20, 1691 г.); *А млстиво гсдрь учинишъ про меня убогова братишка своево напаметуешъ млстию своею. И я гсдрь братецъ на службѣ великихъ гсдреи сентября до 2-го числа обретаюся в живыхъ. А вперед уповаю на Христа* (ИНРЯ, с. 20–21, 1692 г.); *А пожалуешъ друг мои изволишъ о мнѣ вѣдат и я на Москвѣ с Катюшкою и с Парашенкою июня по 9-е число в добромъ здорове, ей, ей все в добромъ здорове* (ИНРЯ, с. 65, 1696 г.).

2. Центральная часть письма.

Вежливое сообщение о событии, происшествии, деле, послуживших причиной написания письма. Оно начинается со слов *вѣстно (вѣдомо), тебѣ чиню* ‘извещаю, сообщаю’: *Прежде сего я убогии чинил тебѣ гсдрю вѣсно что в Помесном приказе по дѣлу выписка готова... а мнѣ убогому того дѣла без млсти твоеи вершит и о том бит челом невозможно и я тебѣ гсдрю вѣсно чиню* пожалуй по прежней и по сеи вѣдомости приѣзжай к Москвѣ не мешков (ИНРЯ, с. 23, 1698 г.); *Да послал я члвка своего Трифутку къ Москвѣ и ты пожалуй не покин ево а я на милость твою надежан во всемъ* (ИНРЯ, с. 25, 1697 г.); *Да вѣдомо тебѣ чиню брата Никифора Конкова женили маяя ж въ 21 де<нь> на бывшей твои своячине Даре* (Пам. Влад., с. 254, XVII в.).

3. Заключительная формула.

Грамотку завершает заключительная формула, в которую включается челобитье, прощание и нередко извинение адресанта за то, что редко пишет письма: *За симь Митка Яблочков премного челом бью* (ИНРЯ, с. 19, 1691 г.); *По тому тебѣ друг мои премного челом бью* (ИНРЯ, с. 66, 1696 г.); *О сем писавьи Кирюшка Брусенцав премного челом бьет* (ИНРЯ, с. 23, 1698 г.); *Пожалуй гсдрю братецъ Иван Иванович не гневись что тѣбѣ гсдрю мало пишу а много челом бью. братишко твои Тимошка Кирѣвской* (ИНРЯ, с. 20, 1692 г.); *А преж сего не писал еи еи недосужно было* (ИНРЯ, с. 23, 1698 г.).

Во всех своих частях письмо XVII в. использует различные эмоционально-экспрессивные, семантические, лексико-фразеологические и грамматические средства. Одни из них проходят через весь текст, другие включаются только в определенную его часть.

Во-первых, это этикетные экспрессивно-эмоциональные обращения и приложения к личному имени адресата и упоминаемых членов его семьи или заменяющему его в тексте письма личному местоимению — *государь мои* (*государыня моя, государи наши, свет мой и друг мой сердечный* (в женских письмах)), которые последовательно употребляются во всем тексте письма: *Свету моему гсдрю князю Василию Василевичу Иванова женишко <Стрешнева> Наска челом бьет здравствуи свѣт мои* на многие лета а ко мне прикажи писат о своем здорове как тебя *свѣта моего* Христос своею млстию хранит а про нас *свет мои* изволиш ведат и мы августа въ 13 де<нь> все дал Бгъ здоровы а впред уповаю на млсть Бжию по сем буди *свет мои* Бгом храним (МДБЦ, с. 30, 1677 г.).

Существительные *государь* (*государыня*) как почетный титул и форма обращения пришли в письма из официальной письменности, но в сочетании с местоимением *мой* они характерны только для частной переписки. Слово *свет* как ласковое обращение 'самое дорогое, равное по цене жизни' использовалось в житийных текстах и светских памятниках с XII в. и тесно связано с живой народной речью: *Увы мнѣ, увы мнѣ, како заиде, свѣте мои*, не суцу ми ту, да быхъ понѣ самъ чьстьное твое тѣло своима рукама съпрятялъ и гробу предалъ (Житие Бориса и Глеба); *И рече ему Буи Туръ Всеволодь: Одинъ братъ, один свѣтъ свѣтлыи — ты, Игорю!* (Слово о полку Игореве); *У свѣта моеи у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жилъ во дворѣ* (Житие Аввакума)⁴. Приложение *государь мой* в формуле

⁴ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 5. М.; Л., 1978. С. 94.

адресата дополняется усилительно-определятельными именованиями: *благодетель, добродетель, благожелатель, приятель*, последнее употребляется в значении ‘доброжелатель, заступник, оказывающий кому-либо покровительство’, и в сочетании с прилагательным *милостивый* акцентирует чувства почтения, уважения, благодарности адресанта к адресату письма. Нередко такие слова выстраиваются в цепочку, усиливающую воздействие на читающего письмо: *Благодетель мои* гдсрь милостивои *приятел* Иван Иванович (ИНРЯ, с. 19, 1691 г.).

Далее, во-вторых, присутствует сознательное умаление собственной личности автором письма, также способствующее возвышению личности адресата: адресат именуется полным именем и отчеством, а адресант полуименем и фамилией, а в письмах близких родных только полуименем; термины родства выступают здесь в уменьшительно-уничижительной форме: Гсдрю моему брату Ивану Васильевичу *братишко* твои *Фетка Бѣлинъ* челом бью (Пам. Влад., с. 250, XVII в.); Гсдрю моему кнзю Василю Василевичю *женишка* твоя *Дунка* много челом бьет (МДБП, с. 22, 1677 г.). В концовке письма: За симъ писавьи *Митка* Яблочков челомъ бьетъ (ИНРЯ, с. 25, 1697 г.).

В-третьих, это использование в тексте письма эмоционально-экспрессивной лексики, прежде всего прилагательных и глаголов. Отметим серию эпитетов — прилагательных и наречий: *многолѣтний* и *многолѣтно*, *благополучный* (~ пребывание) и *благополучно*, *счастливый* и *счастливо*, *радостный* и *радостно*, *праведный* и *утешительный* (~ послание), *милосердный*, *благочестивый* (~ дом), *всесильный* (~ Бог), *премногий* и *премного* и многие другие, либо прямо называющие то или иное чувство или состояние, в котором находится кто-либо, или выражающие пожелание кому-либо, либо положительно характеризующие лицо. К эмоционально-экспрессивным элементам частной переписки относится и ряд глаголов, таких как *пожаловать* ‘оказать милость’, *изволить*, *поволить*, *похотеть* ‘выразить желание, проявить волю’, *многолѣтствовать* ‘жить долго’, *вспомануть*, *взыскать* ‘проявить, обнаружить что-либо’ и других, не только называющих определенное действие, но и выражающих отношение к нему.

Не буду останавливаться на экспрессивной функции религиозной лексики и фразеологии и на многих других аспектах письма той поры, создающих его специфическую эмоционально-экспрессивную тональность (употребление частицы *ей-ей*, инверсии, использование восклицательных, побудительных предложений с частицей *да* и

без нее, ритмическое построение фразы и части текста и мн. др.). Рассмотрю лишь обычные в письме разного рода тавтологические повторы слов и словосочетаний как одно из ярких средств выразительности, сознательно используемое автором (писцом): *Многолѣтъно* гсдрь и блгополучна и радосно здравствуи на *многия лѣта* (ИНРЯ, с. 19, 1691 г.); *Многолѣтъно* и блгополучно о Христе Бзе на *веки* здравствуи (ИНРЯ, с. 25, 1698 г.); Челомъ бью за твою премною к себѣ *заочную млсть* что *пожаловал* и *заочно млстию своею* взыскал (ИНРЯ, с. 23, 1698 г.); О чемъ у тебя станет человекъ мой о милости просит и тебе *пожаловат* *одолѣжит* *своимъ жалованьемъ* меня (ИНРЯ, с. 102, XVII в.); Гсдрю моему *млстивому* ко *мнѣ* *приятелю* Ивану Василевичю *искател* *твоего млстиваго* к *себѣ* *приятства* Стенка Воронин челом бью (Пам. Влад., с. 255, XVII в.); Прошу у тебя друг мой Иванъ Семеновичь *млсти* Гда ради... [друг] мои *не пѣчался* во всемъ уповай на *млсть* Бжию и *пожалѣи* *мѣня* и *детокъ* своих а у нас толко и радости что ты друг мои Бга ради *не пѣчался* (ИНРЯ, с. 65, 1696 г.).

Все сказанное показывает, что уже на начальном этапе формирования национального русского литературного языка его эмоционально-экспрессивному арсеналу были свойственны большие возможности не только в высокой книжности, переводной литературе, бытовой повести, но и в такой, казалось бы, периферийной сфере литературно-письменной речи, как эпистолярная письменность. Эмоционально-экспрессивные средства семейных, бытовых грамоток весьма разнообразны, включают элементы различных языковых уровней.

Сокращения

ИНРЯ — Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII–начала XVIII века. М., 1964.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.

Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край. М., 1984.

Г. В. Судаков

РУКОПИСНАЯ АЗБУКА XVII в.

Аннотация

В работе рассматривается рукописная азбука конца XVII в. из Великого Устюга как лингвистический источник. Оценивается ее лингвистическая содержательность: характеризуются палеографические особенности, лексико-фразеологический состав и разнообразные типы текстов.

Ключевые слова: азбука рукописная, история лексики и фразеологии, палеография, тип текста.

MANUSCRIPT ABC-BOOK OF THE XVIIth CENTURY AS A LINGUISTIC SOURCE

Summary

Manuscript ABC-book of the end of the XVIIth century is appraised as a source of the Russian written language history. The ABC-book is from Great Ustug. There were analysed paleographic peculiarities, text types and its lexical and phraseological filling.

Key words: manuscript ABC-book, linguistic source, paleography, language history, text types, vocabulary and phraseology.

В русском рукописном наследии XVI–XVII вв. особое место занимают рукописные азбуки, созданные и функционировавшие на территории вологодских земель. Общее количество их наверняка было больше ныне известного, причем каждая такая *азбука* или *буквница* имела особую структуру и не повторяла другие.

Вероятно, самой древней является «Буквница рекше Азбука», датированная 1592 г., входящая в состав одного из рукописных сборников Российской государственной библиотеки (ф. 173, ед. хр. 235, л. 130–235). Ее автор — монах Павел из Ворбоземского Благовещенского монастыря, находившегося близ Белого озера. Павел писал эту

азбуку «в дому Тимофея дьякона Якова сына важенина». В составе азбуки есть прописи (таблицы букв и слогов), таблица падежных форм прилагательных и причастий, в каждом слове проставлено ударение.

Вторая азбука называется «Азбука-пропись» — 1643 г., самая большая по объему. В начале XX в. она была издана, причем для каждого печатного оттиска был изготовлен такой же деревянный футляр, в котором хранится архивный экземпляр. В первом разделе азбуки представлены алфавит, прописи букв, слогов и отдельных слов, во втором — материалы для чтения и переписывания, образцы деловых бумаг (челобитной, кабалы), образцы писем, таблица буквенного обозначения чисел. Замечательны образцы пословиц, включенные в азбуку: Учение — свет, а неучение — тьма; Аще хто хоцет много знати, подобает ему мало спати; Аще хто не упивается вином, тот крепок бывает умом.

Практически неизученной является «Азбука языка словенского», хранящаяся в Отделе рукописных книг Вологодской областной универсальной научной библиотеки, — великоустюгская. О ней и пойдет речь в статье.

Рукопись хорошо сохранилась, она была помещена в фонд редких книг, считалась печатной книгой неизвестного происхождения, дата издания не была установлена. К ней не обращались ни сотрудники библиотеки, ни читатели, ни столичные ревизоры. Блок размером 320 × 203 мм имеет кожаный переплет, общий объем — 72 листа. Нумерация страниц — поздняя, выполнена карандашом. На первом листе кроме названия, выполненного художественной вязью, в самом низу страницы есть владельческая запись «Николая Фортунатова» и тем же почерком проставлен номер «227». Фамилия Фортунатовых в Вологодском крае известна с XIX в.

В соответствии с традицией на первой же странице указано назначение книги: «Се неразумных и младоумныхъ учнцех которые обучати себе стаго писания ко учителемъ приходятъ безо тцания же и без ратдения и без внимания учение проходя не точию же оне не получив разума от учителей отходят но и гневъ бжий на себя приводятъ». На обороте л. 1 эта идея продолжена: «Аще кои ученицы без тцания по многимъ учителемъ поучаются немногии бо от них навычеи известного разума являются понеже ленивы и о себе нерадиви обретаются».

По структуре рукопись очень содержательна, в ней представлены разнообразные тексты.

Л. 2–33 занимают прописи букв, слогов и отдельных фраз, причем автор дает образцы 38 букв: кроме общеупотребительных — кси, пси — используются фертъ и фита, иже, ижеи и ижица, зело и земля, юс малый. Все названия букв приведены с ударением. Ударение проставлено последовательно и во всех текстах азбуки.

На л. 34 написана молитва Господня.

На л. 35–38 приведены евангельские цитаты, на л. 39–53 — христианские заповеди. Приведем одну показательную цитату: «С разумомъ всякимъ вино пии занеже силнии гневливи суть вина же премудрии да не пиятъ, да не како напився забудуть премудрость, и право судити немощнымъ не возмогутъ понеже вино отъемлетъ разумъ от премудрых и крепость силных сокрушаетъ, и творитъ печаль нестерпиму дши и безумие сердцу и трясение телу, но дай же вино нищимъ и в печали пребывающимъ и в скорби мнозе да забудуть убожия нищеты и печали, страстей не вспомануть к тому и прославятъ бга всему промысленника и тебя блгословятъ напитавашаго ихъ» (л. 38).

На л. 54 выписан полный титул царя Петра Алексеевича, далее на л. 67 приводится титул великих государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича. Эти данные могут быть первым аргументом для датировки рукописи.

Л. 56–64 занимают упражнения в прописях и варианты инициалов.

Л. 65–66 занимают «епистолии и предисловия» — это образцы начала писем к разным лицам духовного звания и к светским лицам: к брату, сестре, другу, отцу и т. д.

Л. 69 занимают заповеди.

На л. 70–71 выполнены графические композиции из художественно выписанных букв.

Для изучения эпистолярного стиля эпохи представляют интерес образцы зачинов писем к разным лицам, приведенные на л. 65–66. Воспроизведем их в упрощенной передаче, пользуясь средствами современной графики (сокращения сохраняются; при необходимости сокращаемые фрагменты слова воспроизводятся в скобках).

«К брату родному. Иже от едиnorodнныя утробы произшедшаго и от едиnorodнныя гсдрни ншей матери рождышаг и из небытия в бытие сотворшаго и от тмы во светъ пришедшаго брату едиnorodному совету и сокровеннымъ сердцемъ и тайнамъ хранителю гсдю моему брату.

К сестре родной... Люблениа ради члвческаго от небытия в бытие сотворшиа и от тмы во светъ пришедшиа и от едиnorodнныя гсдрни ншей,

матере рожденныя и от едиnorodныя утробы произшедшия, горлице и единыя ластовице златообразныя, гсдрне моеи, сестрице имркъ.

От оца к сыну. Се от иже рождаго тя естеством возрастившаго от и научившаго же изволениемъ и попечениемъ паче же млсти бжия совещениемъ и како от каме и железа сии речъ о двою сражении вожженной искре. о ественных недръ моихъ, и о матерня ложа рождшему ся сыну моему и подпоре и жезлу старосте моеи имркъ миръ и блгословение рожденному от утробы моея и многогрешными рукама моима воспитанному и во блгоденствии посреди винограда Хрстова возрастившему сну моему от мене рожденному имркъ и блгословение.

К воину. Орлу высокопарному и равному, разуму острому воину в храбрости почтенному во оружии преизящному в победе преславному, гсдрю моему тому.

К посацкому члвку. Живущему в тишине и во блгоденствии и во всей блгодобродетели, цветущему истинныя православныя христианския веры насыщающыя гсдрю моему имркъ.

К мудрому члвку. Филосовского высокого учения всех в разуме удивляешь ритрского ж любомдрия до конца навикшему преизящнаго и бжштвеннаго учения рачителю премдрому и логофету преизящному гсдрю моему.

К мастеру. Крепоумному смыслу и непоколебимому разуму художеством от бга почтенному, риторского и философского любомудрия до конца извыкшему гсдрю моему тому» (л. 65 об.).

«Бгомъ избранному бгомъ определенному прпдбному и блгоговеиному гсдину имркъ стья чстныя обители во трце славимаго бга прчстному игумену моя же худости млстивому отцу и блгодеятелю желая всякаго блгаго и блгополучнаго в трце пребывания по дши и телу отца всдержителя и блгословения и млтвь твоихъ стых требуя всемирно кланяюся безмерныя убо радости о священная главо дша моя грешная и срдце исполнено бысть о сицеваго прчстнаго достоинства получения сподобившуся мне видети у млстиваго отца ншего иерея чстнаго гсдна имркъ писание твое хрстоподражателныя кротости исполнено якоже бо светъ восплаемый искреннею ко бгу любовию святящъ внешними и внутренними бгугодных твоихъ добродетелей исправленми яко свещницу сицеваго глю руководителства возвелся еси да ими же всемъ руководствуемымъ тобою дшевне и телесне светиши о трипо (?) опасного света не средствовати о сицевомъ блгополучии» (л. 66).

«К другу книжному а по столикихъ и прорчскихъ и прочихъ бжштвенных догматъ доброподражателному и сладкословесному рачителю и по бжштвенных заповедех ревнителю винограду плодовитому и мнозих плодовъ подающему всехъ блгоплодныхъ овощейемъ негиблющаго брашна насыщателю медоточнымъ и сладкослышателнымъ напоениемъ предобру веселителю и блгохвалному гсдрю моему, другу имркъ.

К другу и приятелю. Златыя отрасли ветви позлащеннеи грозду зрелому древу многолиственному посреди винограда хрстова цветущему и

всехъ млстию своєю удивльшему гсдрю моему другу и приятелю и заочному добродее имркъ.

Ко другу в полкъ. Ревноусердною своєю храбростию и оружиемъ зело пребыстраго орла высокопарнаго летания достигающу мученическакия же и свтыя крови ревнителю, и за православную хрстіянскую веру в различныхъ битвахъ различными язвами учащенному, гсдрю моему другу имркъ.

От мужа к жене обретателному сокровищу веселию моему, по закону бжию и по преданию свтыхъ апостол и по блгословению оца ншого дховнаго священноерея имркъ жене моей.

...От жены к мужу... сладостному моему милосердому другу любовь твоя снаедаетъ утробу мою, совету моему и блгодателю гсдрю моему имркъ мужу моему кормилцу законъ бжии восприемшу.

Ко другу спесивому и гордому фарисейскимъ величаниемъ возносителю и фараонскою злобою отягченному любозрительнаго учения уклонителю и ненача..нымъ своимъ учениемъ философиши и мдръствуеши и мятешися и безумие свое в миръ вусеваеви» (л. 66 об.).

В рукописи имеются чистые не пронумерованные страницы. Судя по некоторой хаотичности структуры, можно предположить, что страницы заполнялись в разное время и непоследовательно. Возможно допустить, что некоторые записи в текстах заповедей выполнены другим почерком (другими почерками).

Азбука имеет несколько особенностей, решительно отличающих ее от уже известных исследователям подобных образцов учебных руководств.

1. Автор азбуки — искусный каллиграф. На листах рукописи, где приводится алфавит, каждой букве посвящен отдельный лист. При этом дается большое число вариантов написаний буквы. Практически л. 2–33 — это бесценный для нас палеографический альбом, содержащий множество вариантных написаний букв русского алфавита той поры.

2. Человек, создавший великоустюгскую азбуку, имел развитый художественный вкус. Выполненные им тексты имеют несколько графических особенностей: 1) каждая строка имеет не два уровня: строчные и выносные буквы, как было тогда принято писать, но ниже основной строки используется и нижний, третий ряд, т. е. выносные буквы и слоги пишутся не только над строкой, но и под строкой, при этом безукоризненно выдерживается горизонталь строки; 2) автор, пожалуй, первым в русской писцовой практике использует миниатюрное письмо: при высоте букв в строке от 1 мм и более он некоторые строки пишет буквами высотой не более 0,5 мм. При первом взгляде

ния этого текста: писец родился в Великом Устюге в январе 1663 года, а текст писал в 1696 году. Ниже исследуемой записи тем же почерком написано имя «Григорей». Возможно, это имя автора азбуки.

4. Предварительное исследование филиграней (использован каталог: Филиграния XVII века по рукописным источникам ГИМ. М., 1988) дало следующие результаты: в книге использована бумага иностранного производства двух образцов: 1) незначительное число листов бумаги имеет знаки под номером 145 (1692 г.); 2) преобладающее число листов — бумага с филигранями под номером 882 (лев в двойном овале) — это 1696 г. В том и другом случае филигрань сопровождается тремя латинскими буквами CDG (или CDC).

5. Расшифровка и исследование рукописи продолжаются, в наши задачи входит издание рукописи фототипическим способом с расшифровкой текста, подготовка комментария к изданию, поиски дополнительных доказательств датировки текста.

А. С. Герд

К ТИПОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Аннотация

В статье на широком фоне французских, английских, немецких словарей рассматриваются типы современных исторических словарей.

Ключевые слова: словарь, типология словарей, виды исторических словарей.

TYPES OF THE HISTORICAL DICTIONARIES

Summary

In the article on the wide background were analysed different types of the historical dictionaries.

Key words: dictionary, kinds of the historical dictionaries.

Поскольку обсуждение проблемы типологии словарей, по-видимому, вполне может составить предмет отдельной монографии, остановимся ниже только на вопросе — каковы те типы словарей¹, из которых сегодня, в начале XXI в., мы можем узнать историю слова.

В любом учебном пособии по лексикографии можно найти разделение словарей на словари исторические и словари современного

¹ В статье термины *тип* и *вид словаря* условно употребляются как синонимы. В статье не рассматриваются этимологические, диалектные и энциклопедические словари. Статья не ставит своей целью обзор теоретических работ по русской и зарубежной исторической лексикографии (см., например: История русской лексикографии / отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1998). Хотя, естественно, что упоминаемые в статье переводы на русский язык названий иностранных словарей не передают их точно; во всех этих случаях слово *словарь* в названии условно пишется с большой буквы. В статье не рассматривается внутренняя структура словарных статей разных словарей.

языка². В то же время в литературе встречается и более детальное разделение исторических словарей на те или иные типы. Так, в специальном словаре Р. Хартмана и Г. Джеймса (Hartmann, James) находим отдельные статьи «Historical dictionary» и «Chronological dictionary», и выделен тип словарей отдельных хронологических периодов. Широко известно высказывание Л. В. Щербы: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение» (Щерба, с. 90).

По разным основаниям (по отношению к хронологическому периоду, отражаемому словарем, по отношению к типу подъязыка (функционального стиля), по форме представления данных) выделяется ряд видов реально существующих сегодня исторических словарей.

По отношению к хронологическому периоду, отражаемому словарем, отметим:

- сводный исторический словарь разных эпох;
- словарь того или иного хронологического периода;
- словарь к одному отдельно взятому тексту, памятнику письменности.

По отношению к типу подъязыка (функциональному стилю):

- словарь к разным текстам того или иного типа (жанра);
- диалектный словарь с историческими данными.

По форме представления данных:

- алфавитный толковый словарь;
- словари идеографические, тематические;
- словоуказатель, индекс, конкорданс к текстам.

Рассмотрим виды этих словарей подробнее.

По отношению к хронологическому периоду.

1. Сводный исторический словарь эволюционного типа показывает историю слова по разным векам и источникам до какого-то определенного периода в истории того или иного конкретного языка. Таков Исторический словарь французского языка под редакцией А. Рея (DHist), Словарь шотландского языка XII–XVII вв. (DST). Именно такие словари хорошо представлены в славянской и русской

² Из последних обобщающих учебников см.: Лексикография русского языка / под ред. Д. М. Поцепни. СПб., 2009.

исторической лексикографии. Это «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (Срезн.), известный «Словарь по памятникам сербской письменности» Д. Даничича (Даничић), «Старочешский словарь» (SSĀ), «Словарь русского языка XI–XVII веков» (СлРЯXI–XVII), «Исторический словарь белорусского языка» (ГСБМ).

2. Словарь, репрезентирующий определенный отдельно взятый избранный хронологический период в истории данного языка, чаще всего отражающий, как правило, один-два века в истории языка. По своему типу это синхронные исторические словари. Таковы словари верхне- и нижненемецкого языков разных периодов, «Словарь древневерхненемецкого языка» (ANDW), «Словарь средневерхненемецкого языка» (WMHD), «Словарь средненижненемецкого языка» (MNDW), «Словарь французского языка XVI века» (DLFss), «Словарь французского языка XVII–XVIII веков» (Furetière), «Словарь среднеанглийского языка» (MED). В истории славянской лексикографии стоит особо отметить словари, созданные в Польше. Это «Словарь старопольского языка XIII–XIV веков» (SSP), многотомный «Словарь польского языка XVI в.» (SP XVI) и «Словарь польского языка XVII — первой половины XVIII в.» (SJP XVII–XVIII), «Словарь польского языка» (SJP–KKN). Следует назвать также «Словарь русского языка XVIII в.» (СлРЯXVIII), «Словарь древнерусского языка XI–XIV веков» (к сожалению, не до конца опубликованный).

Сюда же относятся словари языков, признаваемых мертвыми, лучшие из которых приближаются к тезаурусу как сокровищнице лексики этого языка, как, например, «Словарь латинского языка» (LTL). Несмотря на сложную историю старославянского (древнеболгарского) и церковнославянского языка и его роль для разных современных славянских языков и прежде всего для русского языка, словари церковнославянского языка также, по-видимому, относятся к словарям мертвых языков. Таковы капитальный пражский Словарь старославянского языка (SJS), а также Словарь Л. Садник и Р. Айцетмюллера (SA), однотомный Старославянский словарь (ССЯ, 1994) и словари старославянского языка, представленные как словари отдельных его редакций: хорватской (RCH), македонской (PЦM), русской (СИ).

Для истории языка понятие «мертвый язык» весьма относительно, так может быть назван язык любого памятника древней письменности или язык, которому как системе не соответствует современный говорящий коллектив. В конечном счете практическая историческая лексикография ориентируется не на разделение языков на мертвые

или живые, а на создание словарей, отражающих язык прошлых эпох, как правило, предшествующих современному национальному языку.

3. Словарь к отдельно взятому тексту, памятнику письменности той или иной эпохи, периода.

Во всех странах мира это прежде всего словари к Ветхому и Новому Завету (см., например: Гильтебрандт). В истории русской лексикографии здесь почетное место заняли Словарь «Слова о полку Игореве» (ССПИг) и Словарь «Моления» Даниила Заточника (СМДЗ).

К словарям отдельных литературных памятников древней письменности близки словари языка, идиолекта писателя, автора. Толковые словари языка писателя, поэта, ученого по существу — типичные исторические словари автора, представляющие язык его эпохи. Так, в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге к 200-летию со дня рождения М. В. Ломоносова разрабатывается полный словарь произведений М. В. Ломоносова как исторический синхронический словарь идиолекта ученого и писателя; см. также детальный анализ и обзор английских словарей языка писателя: Кагорова, 2004.

По отношению к типу подъязыка (функционального стиля).

1. Словари к текстам того или иного типа (жанра).

Таковы, например, словари, ориентированные на обиходно-разговорный язык, на памятники деловой письменности. Так, Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина в Санкт-Петербурге разрабатывает сводный «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ). В Петербурге подготовлен проект толкового словаря языка житий русских святых XV–XVIII вв. (Герд, 2007). Сюда же относятся, например, русскоиноязычные словари-разговорники XVI–XVII вв.: Ларин, Ковтун, 1975, Ковтун, 1983.

2. Диалектный словарь с историческими данными.

Особый класс словарей составляют диалектные словари исторической направленности. Таковы в региональной лексикографии словари немецких и итальянских диалектов. Так, итальянский Словарь диалектов Бергамо (VB) приводит фиксации слова в разных источниках начиная с VIII в.; Словарь неаполитанских и тосканских диалектов (VNT) — начиная с XI в.; Словарь Пьемонта (DP) — с XIV–XV вв.; Словарь венецианских диалектов (DV) — преимущественно с XVII–XVIII вв.; десятигитомный словарь Каталонии, Валенсии и Балеарских островов (DCVB) указывает этимологию слова и источ-

ники его фиксации начиная с конца XIII в. Большинство словарей при этом приводят параллели из греческого и латинского языков.

Широко и последовательно принцип историзма представлен в словарях немецких диалектов. В Словаре кёльнских диалектов (Wrede) приводятся не только старокёльнские, древне- и средневерхненемецкие, нижненемецкие, но и греческие, латинские, готские, а также австрийские и баварские параллели. Последовательно отмечаются употребления слов в древних текстах начиная с XII в. и слова, вышедшие из употребления. В Словаре нижнесаксонских диалектов, переизданном в 1965 г. (NW), приводятся примеры слов из источников XVIII в. Словарь рейнских диалектов, начатый еще в 1928 г., указывает фиксацию слов в древне- и средневерхненемецком (RW).

В славянской лексикографии примером словарей такого рода может служить пока только не оконченный фундаментальный сводный «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС), в котором в конце словарных статей после материала из современных псковских говоров приводятся все данные из памятников псковской деловой письменности XV–XVIII вв. В последнее время в русской исторической лексикографии широкое распространение получили региональные исторические словари, ориентированные, как правило, на памятники деловой письменности XVI–XVII вв., например «Словарь пермских памятников XVI–начала XVIII в.» (СПП)³.

По форме представления данных.

1. Ярким примером тематического терминологического словаря исторической направленности являются Словарь Бурнашева (Бурнашев), Терминологический словарь Кочина (Кочин), Словарь названий пресноводных рыб СССР (Линдберг, Герд, 1972), Словарь морского языка (Солнышкина) и Словарь золотого промысла (Борхвельдт). Идею исторического тематического словаря русского языка относительно недавно развила С. Чернышева (Чернышева, 2006).

2. Издание старых текстов, снабженных словоуказателями. Такие словоуказатели с полными адресами всех словоформ в тексте рукописи, изделия, помещаемые в последнее время в Интернет, — один из основных источников любого нового исторического словаря. Сюда же примыкают конкордансы к собраниям поэтов.

Разные исторические словари различаются подходом к подаче исходных форм слова, вариантов, грамматических характеристик,

³ Полный список таких словарей см.: СОРЯ. Вып. 1.

системных отсылок. Как показывает опыт французских, немецких или польских и русских исторических словарей, оригинальный исторический словарь академического типа всегда стремится к полноте списка источников, к возможному максимуму цитат на каждое значение и употребление.

В принципе в идеале и к историческим словарям, по-видимому, вполне применима сетка лексикографических параметров, введенная Ю. Н. Карауловым (Караулов); см., например, задуманный С. Г. Шулежковой в Магнитогорске проект фразеологического словаря старославянского языка (Шулежкова).

Однако история слова представлена не только в собственно исторических словарях. История лексикографии знает целый ряд толковых словарей, задуманных авторами в виде словарей современного им языка, однако с ярко выраженной общей исторической ориентацией. Выделяется большой класс толковых словарей современного языка, в которых в том или ином виде последовательно указываются этимология и хронология слова и приводятся источники разного времени, в которых это слово зафиксировано. Таков прежде всего Большой Оксфордский словарь английского языка (OED). Краткий Оксфордский словарь английского языка (ShOED) не только указывает язык-источник или приводит французские, старофранцузские и латинские параллели к слову, но и то, как, каким путем это слово образовано, а также источники, в которых оно ранее употреблялось (преимущественно с XVIII в.). Уже словарь немецкого языка братьев Гримм (Grimm) последовательно приводит древневерхненемецкие, новонижненемецкие, старофранцузские варианты, этимологию и указания на источники, преимущественно с XV–XVI вв. Многотомный Большой словарь современного итальянского языка (GDLit) при каждом значении указывает примеры употребления, начиная с произведений Данте, Бокаччо. Словарь современного итальянского языка (GDLit dell' uso) последовательно отмечает, с какого времени фиксируется слово и из какого языка оно пришло.

Все словари французского языка, начиная со Словаря Французской Академии (DAF), всегда уделяли больше внимания истории слов. В Словаре Годефроя (Godefroy) приводится много примеров на каждое значение из разных источников (с XV в.), включая и поэзию (с XV в.). В Словаре французского языка Е. Литтре (Littré) хронологически, по векам, приводятся источники, в которых встретилось слово. В словаре французского языка «Большой Робер» (GR),

переработанном и переизданном под редакцией Алена Рея в 2001 г., в словарной статье выделен специальный справочный отдел, в котором отмечается, с какого времени известно это слово.

Огромный Словарь нидерландского языка (WNT), упоминавший еще Л. В. Щербой (Щерба), приводит этимологию, начиная от греческого и латинского, источники, фиксацию слова с указанием хронологии источников; в ряде случаев расширены элементы энциклопедизма (см. статьи *асасiа*, *абгiсоос* и т. д.).

В истории польской лексикографии сюда относится словарь Линде (Linde). Многотомный словарь сербохорватского языка (RHSJ), выходящий в течение десятилетий, отмечает употребление слова преимущественно с XIV в. и позже, включая топонимы и личные имена.

В хронологическом отношении во многих из таких толковых словарей современного языка исторический компонент заранее сознательно задан через определение того периода (как правило, достаточно длительного) в истории языка, который и призван отразить словарь. Такой словарь строится на максимальном привлечении как современных источников, так и различной литературы всего этого периода в целом, но уже не показывает, как правило, источники более раннего времени. Таким путем во многом шла как раз русская лексикография: это Словарь Академии под редакцией Грота–Шахматова (Сл. Грота–Шахматова), Словарь русского литературного языка в семнадцати томах (БАС-1) и новый Большой академический словарь русского языка (БАС-3). Таковы Словарь польского языка (SJP) и Словарь украинского языка (СУМ), включающие материалы начиная со второй половины XVIII в.; Словарь сербохорватского литературного языка (РНКJ), Новый словарь болгарского языка (РБЕ), опирающиеся на источники с начала XIX в.

Многие из таких словарей задуманы некогда как словари современного для их авторов (по характеру их языкового сознания) языка, которые со временем превращаются в идеальные исторические словари своей эпохи. Из перечисленных выше словарей это: Словарь немецкого языка братьев Grimm (Grimm), Словарь французского языка Литтре (Littré), Словарь сербохорватского языка (RHSJ), а также Словарь нидерландского языка (WNT). В истории русской лексикографии это Словарь Академии Российской (САР), Словарь Академии 1847 г. (Сл. 1847).

Принцип историзма в толковых словарях современного языка отражается также и в порядке расположений значений слов и иллю-

страций — от исторически первичных к более поздним, вторичным, в наличии особых помет и справочных разделов. Итак, в том или ином виде принцип историзма присущ почти всем большим толковым словарям современных европейских языков.

Таким образом, в мировой лексикографии определенно выделяется еще один особый тип словаря — фундаментальный большой словарь современного языка исторической направленности. То есть абсолютное разделение словарей на словари исторические и словари современного языка условно. Между собственно историческими словарями и словарями современного языка находится широкая зона исторически ориентированных словарей современного языка. По существу все большие академические словари русского языка и представляют собой этот основной тип.

Сокращения

- БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–14. М.; СПб., 2005–2010.
- Борхвельдт — *Борхвельдт О. В.* Словарь золотого промысла Российской империи. М., 1998.
- Бурнашев — *Бурнашев В. П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1–2. СПб., 1843–1844.
- Герд, 2007 — *Герд А. С.* Словарь языка житий русских святых XVI–XVIII веков. Проект. СПб., 2007.
- Гильтебрандт — *Гильтебрандт П. А.* Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету. Т. 1–6. München, 1988–1989.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Т. 1 / ред. А. Журавский. Мінск, 1983 ; т. 27 / ред. А. М. Булыка. Мінск, 2007.
- Даничић — *Daničić С.* Рјечник из књижевних старина српских. Т. 1–3. Београд, 1863–1864.
- Караулов — *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Ковтун, 1975 — *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. М., 1975.
- Ковтун, 1983 — *Ковтун Л. С.* Азбуковники XV–XVII вв. Старшая разновидность. М., 1983.
- Кочин — *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней Руси. М.; Л., 1937.
- Ларин — *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.

- Линдберг, Герд, 1972 — *Линдберг Г. У., Герд А. С.* Словарь названий пресноводных рыб СССР и сопредельных стран. Л., 1972.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–19. Л.; СПб., 1967–2008 (издание продолжается).
- РБЕ — Речник на българския език. Т. 1–13. София, 1977–2008 (издание продолжается).
- РЦМ — Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција. V. 1. Скопје, 2000; V. 7. Скопје, 2004 (издание продолжается).
- САР — Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794. Репр. изд. / под ред. Г. А. Богатовой. Т. 1–6. М., 2001–2006.
- Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб., 1806–1822.
- СИ — Szótár index. Словарь-индекс русской редакции древнеболгарского языка конца XI–начала XII веков. Т. 1. Szeged, 1989; Т. 2. Szeged, 1992; Т. 3. Szeged, 1993.
- Сл. 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Т. 1–4. СПб., 1847. Репр. изд.: Т. I–II. СПб., 2001.
- Сл. Грота–Шахматова — Словарь русского языка, составленный II Отделением АН / ред. Я. К. Грот, А. А. Шахматов. Вып. 1–24. 1891–1922.
- СлРЯXI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008 (издание продолжается).
- СлРЯXVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–17. Л.; СПб., 1984–2007 (издание продолжается).
- СМДЗ — Словарь Моления Даниила Заточника. Л., 1981. Репр. изд. / подгот. А. С. Герд и С. С. Волков. СПб., 2007.
- Солнышкина — *Солнышкина М. И.* Словарь морского языка. М., 2005.
- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1–3. СПб., 2004–2010 (издание продолжается).
- СПП — Словарь пермских памятников XVI–начала XVIII в. / сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001.
- Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. М., 1958.
- ССПИг — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В. Л. Виноградова; под ред. Б. А. Ларина, Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева. Вып. 1–6. Л., 1965–1984.
- ССЯ, 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
- СУМ — Словник української мови. Т. 1–11. Київ, 1970–1980.
- Чернышева, 2006 — *Чернышева М.* Исторический тематический словарь русского языка // Български език. 2007. № 2.
- Шулежкова — Фразеологический словарь старославянского языка: (проспект) / под ред. С. Г. Шулежковой. М.; Магнитогорск, 2006.

- Щерба — Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.
- ANDW — Althochdeutsches Wörterbuch. B. 1. Berlin, 1952; B. 10. Berlin, 2006 (издание продолжается).
- DAF — Dictionnaire de l'Académie française. Les huit éditions originales de 1664 à 1935 Version 1. 2. Redan, 2001.
- DCVB — Diccionari Català — Valencià — Balear / red. Mn. A. M. Alcover, Er. Francesch de B. Moll. V. I–X. Palma de Mallorca, 1930.
- Dhist — Dictionnaire historique de la langue française : contenant les mots français en usage et quelques autres délaissés, avec leur origine proche et lointaine Dictionnaires Le Robert / red. A. Rey. Paris, 1992.
- DLFss — *Hugue E.* Dictionnaire de la langue française du seizième siècle. V. 1. Paris, 1925; V. 7. Paris, 1967.
- DP — *Sant'albino V. di.* Gran Dizionario Piemontese-Italiano. Torino, 1976.
- DST — A Dictionary of the older Scottish Tongue from the twelfth century to the end of the seventeenth / W. a. Craigie, LLD, D, Litt, F. B. A. V. 1. Chicago; London, 1974 / M. G. Dureau, L. Pike, H. D. Watson. Chicago, 2002.
- DV — *Boerio G.* Dizionario del Dialetto Veneziano. Venezia, 1856.
- Furetière — Le dictionnaire universel d'Antoine Furetière. Le Robert. V. I–III. Paris, 1978–1984.
- GDLit — Grande dizionario della lingua italiana. V. I–XXI. Torino, 1970–2002.
- GDLit dell' uso — Grande dizionario italiano dell' uso. V. 1–6. Torino, 1999.
- Godefroy — Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle / Par Frédéric Godefroy. V. 1–12. Paris, 1881–1902.
- GR — Le grand Robert de la langue française / Rey A. V. 1–6. Paris, 2001.
- Grimm — *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. 1-е изд.: Leipzig, 1854–1954; переизд.: Leipzig, 1983 (издание продолжается).
- Hartmann, James — *Hartmann R. R. K., James G.* Dictionary of lexicography. London; New York, 1998.
- Karpova, 2004 — *Karpova O.* Author's lexicography with special reference to Shakerspear dictionaries // Historical Dictionaries and Historical dictionary Research. Lexicographica. B. 1.2.3. Tübingen, 2004.
- Linde — *Linde S. B.* Słownik języka polskiego. T. 1. Lwów, 1854; T. 6. Lwów, 1860.
- Littre — *Littre E.* Dictionnaire de la langue française. V. 1 Paris, 1885; V. 4 Paris, 1889.
- LTL — Lexicon totius latinitatis / Ab aegidio Forcellini, Iosepho Furlanetto, Francisco Corradini et Ioseph Perin. V. 1–6. Bolonia, 1926–1940.
- MED — Middle English dictionary / T. A. Knott, H. Kurath and oth. V. 1–14. University of Michigan Press, 1952–2001.
- MNDW — Mittel Niederdeutsches Wörterbuch von K. Schiller und August Lübben. B. I. Münster; Bremen, 1875; B. 6. Bremen, 1891.
- NW — Niedersächsisches Wörterbuch / Red. W. Jungandreas, H. Wesche. B. 1. Neumünster, 1965; B. 8 Neumünster, 2007.

- OED — The Oxford English Dictionary V. I–XX. Oxford, 1989.
- RCH — Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije. Sv. 1. Zagreb, 1991; Sv. 6. Zagreb, 1996.
- RHKJ — *Benešič J.* Rječnik hrvatskoga književnoga jezika od preporoda do I. G. Kovačića. Sv. I. Zagreb, 1988; Sv. II. Zagreb, 1990.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knj. I. Zagreb, 1880.
- RW — Rheinisches Wörterbuch / Red. J. Müller. B. 1. Bonn, 1928; B. 9 (bearb. H. Dittmaier). Berlin, 1964–1971.
- SA — *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslawischen Texten / C. van Schoneveld. S-Gravenhage, 1958.
- ShOED — Shorter Oxford English Dictionary on historical principles. V. 1–2. New York, 2007.
- SJP — Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. T. 1. Warszawa, 1958; T. 10. Warszawa, 1968.
- SJP XVII–XVIII — Słownik języka polskiego XVII–1. połowy XVIII wieku. T. 1. Kraków, 1999; T. 5. Kraków, 2004 (издание продолжается).
- SJP–KKN — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. 1–VIII. Warszawa, 1952.
- SJS — Slovník jazyka staroslovenského. T. 1–4. Praha, 1958–1997. Репр. переизд.: Словарь старославянского языка. Т. 1–4. СПб., 2006.
- SP XVI — Słownik polszczyzny XVI wieku. T. I–XXXII. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1966–2004.
- SSČ — Staročeský slovník. Díl 1, 4. Praha, 1970, 1984.
- SSP — Słownik staropolski. T. 1. Warszawa, 1953–55; T. 11. Kraków, 1995–2002.
- VB — *Tiraboschi A.* Vocabolario dei dialetti Bergamaschi antichi e moderni. Parte I–II; Appendice. Bergamo, 1873–1879.
- VNT — Vocabolario Napolitano–Toscano domestico di Arti e mestieri del R. d’Ambre. Napoli; Bologna, MD CCCLXXIII.
- WMHD — Wörterbuch der Mittelhochdeutschen Sprache / auf der Grundlage der B. Kirschtein und U. Schulze; erarbeitet von S. Ohly und D. Schmidt. B. I. Berlin, 1944; B. II. Berlin, 2007.
- WNT — Woordenboek der nederlandsche Taal. Deel I–XXIX / Red. A. M. T. J. Moerdijk; bewerkt door M. de Vries en L. A. Te Winkel. S’Gravenhage en Leiden, 1882–1998. + Aanvullingen / A. M. T. J. Moerdijk. Deel. I–III. S’Gravenhage en Leiden, 2001.
- Wrede — *Wrede A.* Neuer Kölnischer Sprachschatz. B. 1. Köln, 1956; B. 3. Köln, 1958.

Г. Ю. Смирнова

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация

Статья посвящена трудностям в представлении числительных в исторических словарях русского языка и в толковании их значения без учета математического знания.

Ключевые слова: историческая лексикология и лексикография, числительные, история русского языка, история математики.

REPRESENTATION OF NUMERALS IN THE HISTORICAL DICTIONARY OF RUSSIAN LANGUAGE IN THE LIGHT OF MODERN MATHEMATICAL KNOWLEDGE

Summary

Article deals with the difficulties in the representation of numerals in the historical dictionaries of Russian language and the interpretation of their significance, based on advanced mathematical concepts.

Key words: historical lexicology and lexicography, numerals, the history of the Russian language, history of mathematics.

Числительные в языке — самая многочисленная и, пожалуй, неохватная группа слов. Однако лексикографы традиционно представляют в словарях количественные числительные ряда единиц, десятков и сотен (исходя из десятичной системы счисления), соотносительные с ними порядковые числительные и собирательные числительные, ограниченные числительным *десятеро*.

В исторические словари составители, как правило, включают имена числительные (или счетные имена), встретившиеся в источниках словаря.

Итак, количественные числительные в словарях, как правило, представлены в двух значениях: 1) в значении абстрактного (мате-

матического) числа и 2) в количественном значении, обычно сопровождаемом цифровой записью: «Количество 7 (60, 800)».

Круг текстов с числительными в первом значении сильно ограничен (в основном это тексты арифметических руководств, азбуконников, пасхалий, как правило, не ранее XVI–XVII вв.). На первый план выходит количество, причем обозначенное не только при помощи числительного, но и с помощью цифрири, с XVII в. — с помощью арабских цифр. Встречается и соединение на письме числительного и цифрового знака: «А дан(а) в лѣт(о) 6000 девятсотное в девяносто первое. АСВР II,516, 1482»¹.

Толкуют числительные исходя из состояния нашего математического знания — представления о количественности, счете, простейших способах математических действий. Самым легким для составителей словарей оказываются простые числительные, называющие ряд единиц. При толковании их значения прибегают к обозначениям с помощью цифр.

А вот при передаче в словаре сложных количественных числительных могут возникнуть (и возникают) проблемы, первая из которых — проблема «монолитности». Если числительные ряда десятков давно лексикализованы и их лемматизация не вызывает вопросов, то числительные ряда сотен эксплицируются графически как в раздельном, так и в слитном виде. Знание математики оказывает существенное влияние, ибо мы можем воспринимать математическое число (или количество), выраженное как одним числительным, так и несколькими. Например, исходя из количественного значения составители СлРЯХVIII объединяют в одну словарную статью числительные *двѣстѣ* и *двѣ стѣ* и ставят при заголовочном слове помету — *и раздельно*.

В СлРЯХI–XVII раздельное или слитное написание становится причиной отнесения числительных в разные словарные статьи. Например:

«А дали есмя на томѣ селѣ и на деревняхъ **двѣстѣ** рублевъ». Арх. Стр. — иллюстрация к словарной статье **ДВЕСТИ** (вып. 4). «Островъ великый ... в широту еже ест(ь) врьстѣ **двѣ стѣ**». Козм. Инд., 293. 1495. — иллюстрация к словарной статье **СТО** (вып. 28).

В приведенных выше примерах с числительными указывается какой-то объект и в количественном отношении наблюдается равенство ($200 = 2 \times 100$). Но предположим, что последняя цитата (гипотетически — единственная) может быть представлена и в словарной

¹СлРЯХI–XVII. Вып. 3.

статье **ДВА (ДВЪ)**. Исходя из знаний элементарной арифметики легко можно отметить, что 2 и 2×100 (200) не одинаковые величины. В этом и подобных случаях представляется не только уместной, но и необходимой помета употребления — *в составных числительных при указании количества сотен (тысяч)*.

Такого принципа придерживаются представители ларинской школы лексикографии. В дальнейшем числительные, называющие сотни, в русском языке лексикализовались, и мы на современном этапе имеем сложное числительное, которое выносится в словаре как заголовочное. Что касается составных числительных, то они в словарях не отражаются. Таким образом, приведенную ниже цитату мы можем поместить как в словарной статье **ВОСЕМЬ**, так и в словарной статье **ВОСЕМЬДЕСЯТ**: «Отъ Бориса Григорьевича Бухвостова **восемьдесятъ восемьъ** памятей всяких». Ворон. а., 271, 1670 г.²

В математике существует понятие именованного числа, т. е. числа с указанием объекта счета, что на языковом уровне означает сочетание имени числительного (называющего количество) с объектом счета, выраженным существительным. Ясно, что 80 (*восемьдесят*) в количественном отношении не равно 88 (*восемьдесятъ восемьъ*). В таких случаях обязательна характеристика — *в составных числительных*. Причем в зависимости от того, в какую статью попала иллюстрация, пометы могут быть разные, например: **Восемь**: — в составных числительных при указании на количество единиц (8); **Восемьдесят**: — в составных числительных при указании на количество десятков (8). Вряд ли пример с составным числительным «восемьдесят восемь» попадет в словарную статью **ВОСЕМЬ**, поскольку достаточно примеров с числительными, называющими ряд единиц. Что касается второго толкования, то под влиянием математического знания мы почти бессознательно произведем арифметическое действие умножения 8×10 .

В большинстве случаев, конечно, в словарях представлены примеры употребления слова, совпадающего с заголовочным (числительным ряда десятков, единиц, сотен). Приведенные в качестве иллюстраций составные числительные очень редки.

Истории составных числительных посвящена работа С. М. Глускиной³. Исследовательницей отмечены способы союзного и предложного соединения компонентов, называющих разряды сотен,

² СлРЯХІ–ХVII. Вып. 3.

³ Глускина С. М. К истории составных числительных в русском языке // Ученые записки Псков. гос. пед. ин-та. 1955. Вып. III. С. 111–134.

десятков и единиц. В ходе истории составные числительные приняли современный вид вследствие «нанизывания» (по терминологии Л. Д. Чесноковой) компонентов.

Что представляют собой образования типа *на двести на сорок на восемь рублей, к двадцати ко шести четям, двадцатеры рукавицы да шестеры*, компоненты которых соединены союзами или грамматически согласуются? Поскольку изначально считали, как и читали (не случайно один и тот же корень *-*чѣт*) вслух, то и в письменной речи могли отразиться этапы счетной операции, в данном случае — сложения. Перед нами линейная запись математического способа сложения, аналогичная линейной записи с помощью цифр. Это экспликация арифметического действия сложения без подведения итога.

Кроме того, заметим, что в истории русского языка известны примеры соединения двух числительных, которые могли давать новые количественные образования, демонстрируя нам примеры счета. Так, например, редуцированное **Два-два** «по два, по двое»: «Подражающе убо члцы земнии, добрый чин иже есть на нбсѣх, идут два два». Скрижалъ, II, 121. 1656 г.⁴ Следует добавить и примеры, приведенные С. П. Обнорским: *трипять* — 15, *двадцать десять* — 30⁵, пресловутое *тридцать* и ставший хрестоматийным пример из «Конька-горбунка» П. П. Ершова — *два-пять шапок серебра*. Эти примеры демонстрируют нам арифметическую операцию (умножения или сложения). Итог может быть не эксплицирован, хотя в «Коньке-горбунке» он представлен: «*То есть это будет десять*».

Процесс счетной операции (или его реликты) демонстрируют нам в русском языке числительные с компонентом *полъ-*. Составителями СлРЯХІ–ХVII широко представлены в словарных статьях образования, похожие на количественное числительное (*полдва, полшестъ*), на порядковое (*полтретья, полшеста*), на собирательное (*полодиннадцатеро, полтретьяцатеро*). Все эти числительные в указанном словаре толкуются в количественном значении.

При наличии параллельных образований с количественным числительным (*полтри, полдва, полшестъ*) и порядковым (*полтретья, полсема*) закономерным становится вопрос, почему все они толкуются через количественное значение. В образованиях с порядковыми числительными мы склонны видеть реликты счетного процесса. Например, *полътретья сорока* — это последний перед итогом этап

⁴ СлРЯХІ–ХVII. Вып. 4

⁵ Обнорский С. П. Заметки по русским числительным // Академия наук СССР. XLV. Академику Н. Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 327–332.

счета (отсчета, подсчета) с порядковым числительным: *первый сорок, другъ (вторъ) сорок*, но только *половина третьего сорока (полтретья)* с опущением объекта счета. Последний объект в счетном ряду указывает и на общее количество всех объектов. На языковом уровне, вероятно, для места в счетном ряду и общего количества служили разные слова — *полтретья* и *полтри* соответственно⁶.

В современном языке остались только количественные *полтора* и *полтораства*, а с формантой *пол-* обозначения времени *полвторого*, *полседьмого* и пр. На наш взгляд, образования с *пол-* в русском языке демонстрируют нам перспективный счет в отличие от ретро-спективного (ср. *рус.* *полседьмого* и *англ.* *half past six*).

Счет половинками — уникальный русский счет, с математической точки зрения счетом не являющийся, т. к. арифметический счет — это увеличение на единицу. Примеры числительных с *полъ-* демонстрируют и возможный порядок следования числительных от одиннадцати (11) до двадцати (20) вообще. Так, например, по словарным статьям СлРЯХІ–ХVII можно установить такой порядок следования: *полсемнадцата, полъ-осемнадцата, полдевятнадцата* и далее *полдесятьнадцата* (при отсутствии *полдвадцата* или *полдвадесята*). Не это ли укрепляет позиции примера С. П. Обнорского *двадцать десять* (30), на который смотрят снисходительно. Перед нами не что иное, как эксплицирование счетной операции: *девятнадцать, десятьнадцать*, а далее переход на другую ступень, ступень второго десятка — *двадцать*. В этом случае нам кажется уместной аналогия с русскими счетами. Как только на проволочке оказывается 10 счетных косточек, происходит сброс и на проволочке выше откладывается одна косточка⁷.

Начиная с числительного *двадцать* числительные с компонентом *полъ-*, в своем составе имеющие название десятков и сотен, демонстрируют нам тягу русского счета к счету с основанием 5 (пятеричному), в котором 5 представляется круглым числом⁸. Как показывают данные

⁶ Вполне возможно, что итог счета со второй частью слова — собирательным числительным (*полсемнадцатеро*) также становится результатом, показывающим совокупность одинаковых (рядоположенных) счетных объектов.

⁷ Можно напомнить пример «бухгалтерского» решения с помощью счетов в отношении числительного «тридевять» в статье: Виленкин Б. Я. Тридевятое царство, тридесятое государство // Русская речь. 1981. № 4. С. 157–158.

⁸ Об этом подробнее см.: Айрапетян В. Русские толкования. М., 2000. С. 50–62; Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста-80. М., 1980. С. 3–58.

Национального корпуса русского языка, в сознании современных носителей сохраняются реликты пятеричного счета (с «круглым» числом 5): «Пятилетие станут поминать без особой охоты, потому что по достижении этой минимально **круглой даты** прежняя успешливость стала все более изменять правителю». Максим Соколов. Раздавливающая держава // «Эксперт», 2004; «Но ничего не поделаешь — сорок пять лет, **круглая дата!**» Татьяна Тронина. Русалка для интимных встреч (2004); «В 2002 году, например, было 85 лет со дня. **Круглая дата**, хороший информационный повод». Сергей Баймухаметов. Кто погубил прежнюю Россию? Нация самоубийц? // «Вестник США», 2003.11.12; «Сегодня совпадало два юбилея. Три плюс два — пять. Пять — **круглая дата**». Анатолий Гладилин. Большой беговой день (1976–1981)⁹.

В примерах с *поль-* язык может дать подсказку математикам относительно развития счета вообще и в русской культуре в частности. Для исторической лексикографии лемматизация образований с *поль-* — дело непростое, тем более что в текстах встречаются случаи не только слитного, но и раздельного написания части *поль-*. Что же касается толкования, то ничего не остается, как представлять эти числительные в количественном значении.

Следует обратить внимание на математическую подоплеку при составлении словарной статьи с собирательными числительными. В современном литературном языке ряд собирательных числительных ограничивается числительным *десятеро*, ограничена и сочетаемость этих числительных с существительными. Их употребление в современном языке напрямую связано с вопросами речевой культуры¹⁰.

Собирательные числительные в текстах древнерусской письменности встречаются очень часто, они активно употребляются особенно в деловых бумагах: в кабальных и закладных записях, в приходно-расходных книгах и пр. Мы наблюдаем невозможные в современном литературном языке образования типа *восьмидесятеры*, *стотеро*,

⁹ С другой стороны, ср.: «Апрель нынешнего года связывается в музыкальной жизни России со 130-летием Сергея Васильевича Рахманинова. В этом году нам в Музее захотелось отметить эту, пусть и не **«круглую», юбилейную, дату** не помпезными концертами и выставками, а событиями, на наш взгляд, не менее интересными и значительными, приблизив их к типу семейных праздников». К 130-летию С. В. Рахманинова // «Российская музыкальная газета», 2003.01.15 (НК).

¹⁰ О вопросах образования собирательных числительных и их употребления см.: Смирнова Г. Ю. Что хранит в себе *и т. д.* (Как продолжить ряд собирательных числительных) // Русская речь. 2008. № 4. С. 61–63.

упомянутые выше *пол-одиннадцатеро, полтретьяцатеро*. Очень часты сочетания собирательного числительного со словами *pluralia tantum* или существительными, называющими парные предметы: «Восьмеры портки»; «А дверей нижнихъ двенатцетеры»; «Одиннадцатеры сапоги»; «Трицатеры ноговицы»; «Куплено рукавиць голыхъ двоенатцатеры»; «Восьмидесатеры верховеньки». Впоследствии благодаря появлению слова *пара* роль собирательных числительных заметно снизилась.

В большинстве случаев толкование собирательных происходит по аналогии с количественными числительными, либо с отсылкой, например: *То же, что восемнадцатъ*. Но в количественном отношении (в штучном) *восьмидесатеры верховеньки* превосходят вдвое *восмьдесатъ памятей*. Между лексикосемантической и математической репрезентациями нельзя поставить знак равенства. Нами предлагается в дефиниции сделать обязательным указание на **совокупность** предметов в таком-то количестве (или при парных — *в количестве стольких-то пар*).

Таким образом, пренебрежение математическими манифестациями в языке в виде числительных может привести к погрешностям в толковании их семантики в исторических словарях. Современное математическое знание позволяет как избежать неточностей в лексикографии, так и пролить свет на образование и функционирование некоторых числительных в истории русского языка.

Сокращения

СлРЯХІ–ХVІІ — Словарь русского языка ХІ–ХVІІ вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008 (издание продолжается).

СлРЯХVІІІ — Словарь русского языка ХVІІІ в. Вып. 1–17. Л.; СПб, 1984–2008 (издание продолжается).

НК — Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Приложение

ПРИМЕРЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ¹¹

Два, *м.* и Двѣ, *ж.*, *колич. числ.*

- ◆ Количество, равное двум единицам (2).

¹¹ В качестве иллюстраций использованы материалы Картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков», хранящейся в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина СПбГУ.

А пашни у них две сохи с четвертью. А И-Волокол. м., 127, 1534 г. — В составном числительном, в том числе как показатель количества сотен (тысяч).

А крестьянъ больши дву тысячь человекъ. О. Новг. мит. Кипр., 13, 1627 г. Не дошедъ до Нижнего больши дву сот верст. АХБМ1, 143, 1650 г. — В постпозиции как показатель приблизительного количества.

Версты на двѣ и больше длиною. Арс. Сух. Проск., 11, 1651 г. Сидѣль Арсеній часа съ два. Т. ж., 4. — В знач. сущ. Обычно при противопоставлении к **один**.

Одинъ горюеть а два воюють. Симони. Послов., 139, 17 в.

Двадцать, *колич. числ.*

◆ Количество, равное двум десяткам, двадцати (20).

Дати ми Вещняку Палицыну двацетъ алтынъ. АРГ, 254, 1525 г. — Для указания приблизительного количества (приближающегося к двум десяткам) с названием объекта счета в препозиции.

Се язъ Сенка Михаиловъ сынъ, прозвище Самулка, лѣтъ въ дватцать. Новг. каб. зап. 1, 75, 1595 г. Разсыльчиковъ человекъ по дватцать. МАМЮ, 377, 1637 г. — Как компонент составного числительного, обозначающего количество ряда десятков.

К дватцати ко шести четьям. РД-4, 120, 1672 г.; А в саду дватцать пят деревец. МДБП, 180, 1619 г. — С названием числовых разрядов «тысяча», «миллион» для обозначения неопределенно большого количества.

Боле двадесяти тысяць сицевых воров обретшесе по мнозе времени. Сказ. Авр. Пал., 108, н. 17 в. От Москвы, чаю, тысяць будет с двадцать за Сибирь. Авв. Кн. бесед, 125, 1675 г. — В составе словосочетания с количественным значением «21», в котором второй компонент выражен объектом счета.

Рукоположен во дьяконы двадесяти лет с годом. Ж. Авв., 60; Держав нас здеся дватцать недель с неделю, а ныне посылает нас в село. Ст. сп. Воронцова, 31, 1556 г. — В составе порядкового числительного при указании даты.

Въ 203м году декобрия въ двадесят седмый ден он Гришка... збѣжал. МДБП, 120, 1694 г.

Вар. **двадесят, двадесять.**

Двести, *колич. числ.*

◆ Количество, равное двум сотням (200).

Фефил отнял у сна моего двесте теревеи. Южн. челобитные, 93, 1640 г. — В составном числительном (в том числе количественный показатель тысячного разряда).

*Двѣсте восемьдесятъ семь ядеръ желѣзные. Моск., 94. Есть хоро-
санецъ Меликтучаръ бояринъ, ино у него рати двѣсте тысячъ.
Х. Аф. Н.* — В постпозиции при обозначении приблизительного
(округленного до двух сотен) количества.

*По обе стороны стояли с оружемъ человекъ з двести. Ст. сп. Пи-
семского, 137.* — С названиями сотенного и тысячного разрядов для
обозначения большого (неопределенно-большого) количества.

*Будетъ паникадилъ по сту, и по двѣстѣ и по триста, и больше у
одной мечети. Арс. Сух. Проск., 16, 1651 г.* — В составе порядкового
числительного при указании даты.

Двесте перваго году апреля... Моск. письм., 335, 1693 г.

Двадцатеро, собир. числ.

◆ Совокупность двадцати (20) объектов (в количестве двадцати
объектов).

*Двор скотной крытой, в немъ 3 хлева, дватцатера коров, дватца-
теро овец, восьмеро коз. Ист. хозз., 342, 1719.* — С названиями пар-
ных предметов.

*Дватцатеро подошев да шуба боранья. Сл. Ворон., 87, 1676 г.; Дват-
цатеры вареги. Сл. Смол., 69, 1673 г.*

С. П. Праведников

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
БЫЛИННОЙ ЛЕКСИКИ
(НА ПРИМЕРЕ КЛАСТЕРА «ЕДА И ПИТЬЕ»)**

Аннотация

Достойное место в «Словаре языка русского фольклора», создаваемого курскими лингвофольклористами, займет описание фольклорных диалектов. В статье представлена характеристика лексического состава эпических произведений с точки зрения территориальной дифференциации, предпринята попытка выявить специфику регионального и локального характера на примере кластера «Еда и питье».

Ключевые слова: язык фольклора, фольклорный диалект, лексикология, лексикография, кластер «Еда и питье».

**TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF EPIC LEXICON
(ON AN EXAMPLE OF CLUSTER «MEAL AND DRINK»)**

Summary

The description of the folklore dialects will occupy the worthy place in the «Dictionary of the language of the Russian folklore» created by the Kursk linguistic researches of the folklore.

In this article the characteristic of lexical structure of epic texts from the point of the territorial differentiation is presented. Also an attempt is made to reveal a specificity of the regional and local features is undertaken on an example of cluster «Meal and drink».

Key words: language of folklore, folklore dialects, lexicology, lexicography, cluster «Meal and drink».

На протяжении достаточно длительного времени в центре внимания фольклористики находятся темы, идеи и образы произведений народного творчества, и в силу этого представляется очень важным, как они выражаются средствами языка. Еще в середине прошлого

века С. Г. Лазутин писал: «Все компоненты фольклорного произведения, в том числе и его язык, фольклорист рассматривает как форму эстетического отражения объективного жизненного содержания» (Лазутин 1959, с. 69). Ни одна составная часть содержания фольклорного произведения не может быть глубоко раскрыта, если не будет учтена специфика его лингвистического выражения, сам характер его языковой материализации.

Эту непростую задачу призван решить словарь языка русского фольклора, над созданием которого ведут работу курские лингвофольклористы под руководством профессора А. Т. Хроленко. Цель словаря — дать ответы на вопросы, напрямую связанные с традициями народной культуры, русской ментальностью, духовным своеобразием русского народа. Словарь языка фольклора «не просто факт отечественной филологии, он своеобразный паспорт русского этноса, беспристрастная картина того, как творчески, в полном соответствии с собственным строем мысли вглядывается русский человек в свое сердце, в других людей и окружающий мир, что он в них видит, чем пренебрегает, как связывает увиденное между собой, какую картину мира строит, как определяет каждый элемент этого мира, какие качества и действия ставит на первое место» (Хроленко 1994а, с. 4). В рамках работы над словарем значительное место отводится характеристике лексического состава произведений фольклора с точки зрения территориальной дифференциации.

Следует отметить, что, обращаясь к феномену народного искусства, исследователи всегда подчеркивали его отличие от обычного ремесла и объясняли природу этого отличия прежде всего тем, что «созидатели неустанно творят, работая в рамках давних устоявшихся традиций, изготавливают каждый раз новое произведение, всегда отличающееся от каждого предыдущего» (Канцедикас 1975, с. 6–7). Сосуществование и взаимодействие традиционного и вариативного компонентов в рамках одного явления неоднократно останавливало на себе заинтересованные взгляды ученых. «Условность и декоративность в народном искусстве должны рассматриваться как смысловые категории. Условность народного искусства является предпосылкой вариативности восприятия его содержания, которое становится индивидуальным и конкретным лишь в ситуации исполнения и использования» (Фадеева 1981, с. 21). Масштабность этого феномена полностью осмысливается только с учетом географического фактора. Ценитель и большой знаток русского крестьянского творчества В. С. Воронов, рассуждая о характерных чертах

северного народного искусства, говорил, что «оно имеет ряд резких особенностей, отличающих его от проявлений художественной стихии в народном быту других областей страны» (Воронов 1972, с. 302). Таким образом, постепенно формируются территориальные особенности, позволяющие говорить о специфике материальной и духовной культуры той или иной местности. Сколь региональна вся традиционная русская материальная культура, столь же регионален и русский фольклор. В. П. Аникин, рассуждая о теоретических вопросах фольклорной традиции, подчеркивает диалектичность процессов, происходящих в сфере устного народного творчества: «Изменение способствует выработке устойчивости, а устойчивость делает возможным изменение в нужном направлении» (Аникин 1980, с. 17). Рассматривая фольклорный текст прежде всего как «развивающуюся, динамическую, вариативную, не равную себе художественную систему» (Федотов 1980, с. 97), современные фольклористы склонны видеть огромные потенциальные возможности, скрытые в региональных вариантах. «Вариант становится интересным и значительным не только как одно из звеньев, необходимых для уяснения основ сюжета, но и как проявление живой творческой энергии народных масс. Отсюда задача изучить все многообразные проявления этой вариативности с целью уяснения определенных закономерностей в фольклорно-творческом процессе» (Астахова 1948, с. 5).

Уже первые собиратели обратили внимание на отличия исполнительских традиций, связанные с местом бытования. Так, П. Н. Рыбников в своей знаменитой «Заметке собирателя» писал: «Заметны некоторые изменения в песнях вследствие условий местности и времени...» (Рыбников 1989, с. 79). Побывавший в тех же местах десять лет спустя А. Ф. Гильфердинг более подробно изложил свои наблюдения: «Каждая былина вмещает в себе и наследие предков, и личный вклад певца; но, сверх того, она носит на себе и отпечаток местности» (Гильфердинг 1894, с. 34). Сравнивая манеру исполнения толвуйских и кижских певцов, собиратель обнаружил ряд различий, несмотря на то, что между двумя населенными пунктами нет границ, затрудняющих общение. «В чем же состоит различие этих двух школ? В чертах весьма мелких, но которые дают, так сказать, тон всей рапсодии, а именно в тех беспрерывно повторяющихся вставочных частицах, которые служат как бы подпорками нашего эпического стиха <...> В Кижях такими частицами — кроме общеупотребительных да, а, и, ли — служат обыкновенно: как, ведь и де; у толвуйских сказителей вы никогда не услышите ни как, ни ведь, ни де в смысле простой

вставки; они опирают стих на частицах *нынь* или *нунь*, же, было и *есть* или *е*: это последнее (если или сокращенно *е*) большею частию употребляется при глаголах прошедшего времени, так что оно является как бы остатком старинной формы образования прошедшего, но как смысл этого приставочного „*есть*“ или „*е*“ уже потерян, то сказители нередко пользуются им просто для стиха» (Гильфердинг 1894, с. 36). Много позже В. Я. Пропп подтвердил наблюдения А. Ф. Гильфердинга на другом материале: «Для отдельных местностей характерны отдельные слова („*нонче*“ характерно для Печоры) <...> На Печоре текст песен пересыпается словом „*кабы*“, которое в этих случаях служит не союзом, а наречием <...> В других местностях предпочитается „*де*“, сокращенное „*дескать*“, чем выражается характер модальности действия» (Пропп 1958, с. 541–542). Вместе с тем известны случаи, когда в погоне за местным своеобразием собиратели относили к региональным особенностям общерусские явления. Замечание К. С. Аксакова: «В древних песнях Кирши Данилова встречаем то же употребление, несправедливо принимаемое Калайдовичем за сибирское. Например: *хоть нога изломить, а двери вышибить*. В народе до сих пор в пословицах и поговорках сохранилась эта старинная форма, например поговорка: *рука подать*» (Аксаков 1846, с. 96) — звучит в унисон с мнением Н. А. Добролюбова, который, осуждая порайонное сравнение в качестве самоцели, писал в рецензии на сборник сказок А. Н. Афанасьева: «Отметить, что такая-то сказка записана в Чердынском уезде, а такая-то в Харьковской губернии да прибавить кое-где варианты разных местностей, — это еще очень недостаточно для того, чтобы дать нам понятие о том, какое значение имеют сказки в русском народе». И далее: «Что из того, что в Новгородском уезде ходит сказка о Покатигорошке, а в Новоторжском о Семи Семионах?» (Добролюбов 1934, с. 432).

Знаток северного фольклора Н. Е. Ончуков считал целесообразным разделить былины, собранные в районе реки Печоры, в силу того, что в разных волостях «одни и те же былины поются... различно», и разница эта обнаруживается и в напевах, и в говоре (Ончуков 1904, с. XI–XIV). А. Д. Григорьев, публикуя в 1910 г. третий том «Архангельских былин и исторических песен», снабжает свой сборник подробной картой распространения былин на севере Европейской России, поясняя, что для него «была вполне очевидна необходимость карты», без которой «трудно приурочить к определенной местности редакции той или другой старины, записанной во многих варьянтах, и объяснить географическую и, может быть, даже и хронологическую (в связи

с движением колонизации) возможность перехода одной редакции в другую» (Григорьев 1910, с. 707). Позже в статье «Кулойский и Мезенский края и былинная традиция в них» он отмечал: «Некоторые старины, записанные в большом числе вариантов, представляют несколько редакций и типов в зависимости от места их происхождения...» (Григорьев 2003, с. 31).

Современные исследователи, пытаясь выработать единые принципы публикации песенных записей, подчеркивают важность локального размещения материала. «Сборники областного типа обычно представляют ценнейший локально ограниченный и этнически единый материал со всей его местной спецификой, выявлению которой способствуют и ссылки на предшествующие областные публикации. Локальный характер материала вскрывается, таким образом, с большей глубиной» (Власова 1984, с. 110).

Считая фольклор особым синтетическим видом искусства, исследователи подчеркивают, что уникальная художественная система народной поэзии должна базироваться на столь же уникальном материале, границы которого трудно обозначить. Рассуждая об этом, И. А. Оссоветский писал: «Идейно-образное содержание традиционного фольклора реализуется в его языке, который представляет собой особую систему, имеющую очень сложный генезис» (Оссоветский 1977, с. 137).

Было бы ошибочным сводить понятие «язык фольклора» к понятиям «диалект» или «наддиалект» и на основании этого пытаться обнаружить признаки территориальной дифференциации. Язык фольклора представляется гораздо более сложным и многогранным явлением. Что подвержено дифференциации в языковой структуре устно-поэтического произведения? Что является константным, а что меняется в зависимости от места фиксации того или иного текста? Насколько отличия связаны с территорией бытования традиции? Дать ответы на эти вопросы непросто. Ситуация усугубляется еще и тем, что, как отмечают специалисты, главная трудность региональных исследований состоит «не в отыскании некоей доминанты, чего-то необычного, выпадающего из привычного набора признаков (хотя и на эту сторону должно быть обращено самое пристальное внимание), а в анализе специфики «общезвестного» и «широко распространенного» (Путилов 2003, с. 163).

В курсе лекций по теории фольклора В. П. Аникин выделил специальную тему «Общерусское и локальное», где, опираясь на положение, что русский фольклор представляет собой целостное явление,

воспринимаемое как сложный комплекс реализаций общенациональных традиций, предлагает смотреть на общерусское и территориально ограниченное как на противоположности, но противоположности относительные, совместимые. «Локально-региональные и народно-общерусские начала образуют единства, хотя допускаются противоречия, резкие смещения. Взаимная дополняемость демонстрирует сочетаемость конкретного и общего в их обычной всесторонней связи» (Аникин 2004, с. 367).

Конечно же, диалектная дифференциация, в основе которой лежит территория, представляется на первый взгляд наиболее удобной матрицей для лингвофольклористической дифференциации. Однако нельзя забывать, что между бытовым и фольклорными диалектами существуют определенные различия, основанные на том, что жизненные функции фольклора неизмеримо шире бытовых функций. «Бытовой диалект определяется через факт наличия, а фольклорный — через факт актуализации некоего количества языковых единиц» (Бобунова, Хроленко 2003, с. 288).

В современной науке обсуждают принципиальную двуслойность языка устной народной поэзии. «Один слой, количественно ограниченный, — это совокупность т. н. „опорных“, „ключевых“ слов, устойчивых сочетаний и структурных моделей, из которых строится текст. Второй слой — это все остальные слова, используемые в фольклорном тексте» (Хроленко 1994б, с. 114–115). Оба слоя представляют собой единое целое, базой которого является фольклорная картина мира. Связь между единицами этих слоев осуществляется на уровне концептов и обусловлена спецификой парадигматических отношений народно-поэтического слова.

Приступая к поиску «фольклорных диалектов», мы делали основной упор на лексикографический опыт курских ученых и оригинальные методики, разработанные в процессе работы над словарем языка русского фольклора. Следует отметить, что языковые различия, в основе которых лежит пространство, делятся на локальные и региональные. Локальное несходство обнаруживается при сопоставлении материала, сбор которого осуществлялся на сравнительно близко расположенных друг от друга территориях. Таковыми могут являться записи, произведенные в разных административно-территориальных единицах, находящихся в едином подчинении (в России до реформы 1929 г. — это волости или уезды, входящие в состав губернии) или в разных регионах Русского Севера, например Усть-Цилемская и Пустозерская волости Низовой Печоры или берег Белого

моря и Печора. Если речь идет о различиях регионального характера, то учитываются территории, более далеко отстоящие друг от друга (например, Русский Север и Сибирь). Таким образом, принято говорить о двух методиках выявления территориальных особенностей: локальные различия в языке фольклора выявляются с помощью микрогеографии, региональные — с помощью методики макрогеографии. В первом случае обнаруживаются фольклорные «говоры» и «диалекты», во втором — фольклорные «наречия».

Для пояснения сказанного обратимся к кластеру «Еда и питье», понимая под кластером совокупность слов различной частеречной принадлежности, семантически и/или функционально связанных между собой, которые служат для репрезентации того или иного фрагмента картины мира (концептосферы).

Рассмотрим материал из трех сборников эпической поэзии; записи сделаны преимущественно в конце XIX–начале XX в. Это «Беломорские былины», собранные А. В. Марковым (Беломорские былины 1901), «Печорские былины» Н. Е. Ончукова (Печорские былины 1904) и былины, записанные в Сибири и на Дальнем Востоке (Русская эпическая поэзия 1991).

Число лексем, входящих в кластер «Еда и питье», во всех сборниках примерно одинаково: 89 — Сибирь, 93 — Печора, 101 — Беломорье. Сузим круг анализируемого материала и для демонстрации территориальной специфики привлечем только имена существительные. Вот как выглядят списки существительных, которые встречаются в былинах только одного региона: Беломорье — *брага, водка, выть, говядина, голубятина, мякина, мякиш, пирушка, подорожник, сахар, столовань*; Печора — *алавина, братчина, жеребятина, заедка, квас, коврига, перевар, подстолье, полустол, сота, столовань, столье, ужин, харч, хлебосолочка, щи, яство*; Сибирь — *барда, каша, каша-барда, кисель, оладья, полукушанье, помои, просвира, пряник, рушанье, сыта, чай-кофей, шаньга*.

Приведем выборочно словарные статьи некоторых существительных.

Алавина (2) <олавина ‘осадки и остатки браги, пива или квасу’ (Даль, т. 2, с. 1737) У попа-то у етца было духовного, Как была у попа корова, волочилосе, Алавиной-де корова задавилосе, Кабы этому Угаричу-же то будет (Печора, № 20, 289) =: улавина 1 V: задавиться 2.

Барда (1) ‘туца, остатки от перегона хлебного вина из браги...; мутное, дурное питье, бурда’ (Даль, т. 1, с. 122) Была бурая корова <...> Барды по чану выпивала — треснула (Сибирь, № 21, 104) +: Алтай (исполнитель неизвестен) «Алеша Попович и Змей Тугаретин».

Братчина (1) ‘Спиртной напиток из меда’ (СРНГ, вып. 3, с. 163) Да шли-бы, брели-бы к Ваське на двор, К молодому Ваське Буслаевичу, Братчину пить-бы медовую, Деньги платить-бы единому мне-ка-ва (Печора, № 88, 24) +: П. Г. Марков (Пустозерская волость) «Василий Буслаев в Новгороде».

Водка (4) Заходили они в белый шатер, Они значели распивать да разны водочки, Как играть-то они начели во карточки (Беломорье, № 63, 18) =: водочка 2 S: корабль 1 A: разный 2, разный сладкий 1, сладкий 1 V: нагрузить водкой 1, начать распивать 1, поить 1, угостить 1.

Выть (6) ‘Еда, прием пищи’ (толкование собирателя: Беломорские былины 1901, с. 566) Говорит-то калика перехожая: «Он ведь кушат-то хлеба по единому, По единому-едному он по ломтю к выти» (Беломорье, № 43, 185) V: есть к выти 1, есть к вытью 1, кушать к выти 1, пить перед вытью 1, пить по вытью 1, съест к выти 1.

Коврига (5) Принесли сперва коврижку дару божьяго, Он на нож ей воткнул-совсем челком пехнул, Шоки на щоку коврижку переметывал (Печора, № 20, 278, 280) =: коврижка 3 S: дар Божий 2 V: вынимать 1, переметывать с щеки на щеку 1, порушивать 1, принести 2.

Подорожник* (3) Подорожники — ‘взяты на дорогу съестные припасы, обыкновенно печенье’ (толкование собирателя: Беломорские былины 1901, с. 573) Уж ты вой еси, ты бабушка-задворенка. Напекитко-се мне подорожничков (Беломорье, № 102, 35) =: подорожничек 3 V: напечь 3.

Рушанье (1) Сладкие кушанья — в половине кушанья, Белая лебедка — в половине рушанья (Сибирь, № 91, 14) +: Алтай (исполнитель неизвестен) «Иван Гостиный сын».

Шаньга (1) ‘род ватрушки’ (Даль, т. 4, с. 1398) Бился-рубился Иван Кулаков, Он много полонил киселя с молоком, Чашки и ложки он под мед склонил, Шаньги, пироги во полон полонил (Сибирь, № 92, 4) +: Соковиков (Колыма) «Иван Кулаков».

Определенные расхождения отмечаются и при сопоставлении слов, одинаково активно функционирующих во всех трех сборниках.

Вино (32) Тут ласковый Владимир-князь Наливает чару зелена вина (Сибирь, № 27, 182) S: пиво 2, чара в. 25 A: зеленый 26 V: пить 4, намешать в вино 1, [не] пиван 2, поить вином 1, упиваться вином 1 Adv: много 2 +: вино без эпитета отмечено у сказителей Ангары (Безруких — 1, Смолин — 3); *поить чаем-кофеем, зеленым вином* у Епанешникова (Алтай) «Чурила и Перемитьиха».

Вино (78) Только дай мне-ка, Васиньке, такой дозвол: Штобы пить мне вино нонь безденежно, Штобы пить мне вино нонь безкопееш-

но. — Да давал ему князь нонь такой довол: Штобы пить ему вино да век безденежно (Печора, № 17, 101, 102, 104) А: зеленый 55 S: бочка 5, ведро 5, сороковка 1, чара 31 V_о: <быть> скуренный 1 V_з: верить вина (=дать в долг вина) 3, взять вина 4, курить вина 1, мерить вина 2, наливать вина 1, напиться вина 1, напоить вином 1, отмерить вина 3, пить вина 4, пить вино 8, поить вином 1, пропить на вине 3, просить вина 2, хотеть выпить вина 1.

Вино (65) Напилсэ ведь Илья все зелена вина (Беломорье, № 2, 43) =: винцо 1 S: бочка 6, мед 6, мера 1, пиво 4, полведра 2, сороковка 1, чара 26 А: зеленый 44 Num + S: полтора ведра 14 V: грузить вином 1, наливать 3, напиться 2, пить 21, подносить 1, попить 1 /.../: хлеб, соль ... вино с медом.

Хлеб-соль (4) Ты садись на лавочку булавую За один стол хлеб-соль кушати (Сибирь, № 27, 221) V: изволить кушать 1, кушать 3 +: Тупицын (Алтай); хлеб-соль отмечено в двух былинах: «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Василий Казимерский».

Хлеб-соль (5) Заходи-де, пожалуй, ты да к нам в гости, Хлеба-соли-де ись, да перевару пить (Печора, № 46, 151) V: есть 4, кормить 1 /.../: хлеб-соль ... перевар.

Хлеб-соль (1) Уж вы здравствуйте, руськия могучия богатыри! А нам милости просим хлеба-соли покушати, А вина, пива попити жа (Беломорье, № 81, 140) +: Крюков Г. Л. (Нижняя Зимняя Золотица) «Камское побоище».

Обращают на себя внимание расхождения, проступающие прежде всего на уровне синтагматики, межсловных связей. То, что могут быть какие-то резкие различия, существенно отличающие записи, сделанные в разных местностях, не предполагалось изначально ввиду того, что в русском героическом эпосе очень велика роль традиции. Устойчивость сюжета, сложившийся набор поэтических средств, минимальное отклонение от общепринятой повествовательной манеры не позволяют автору — представителю той или иной исполнительской школы — шагнуть за незаблемую границу жанра. Тем не менее специфические черты обнаруживаются, и их можно классифицировать как территориальные особенности, способные воссоздать полную картину фольклорной диалектологии.

Сокращения

Аксаков 1846 — Аксаков К. С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка: рассуждения кандидата Московского университета Кон-

- стантина Аксакова, писанное на степень магистра Философского факультета Первого отд. М.: Типография Н. Степанова, 1846. 517 с.
- Аникин 2004 — *Аникин В. П.* Теория фольклора. Курс лекций. М.: КДУ, 2004. 432 с.
- Аникин 1980 — *Аникин В. П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М.: Изд-во МГУ, 1980. 332 с.
- Астахова 1948 — *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948. 396 с.
- Беломорские былины 1901 — Беломорские былины, записанные А. Марковым. М.: Т-во А. А. Левенсон, 1901. 618 с.
- Бобунова, Хроленко 2003 — *Бобунова М. А., Хроленко А. Т.* Методология выявления «фольклорных диалектов»: Словарь языка фольклора об идиолектной и диалектной дифференцированности былинной лексики // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: мат. IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003. С. 288–290.
- Власова 1984 — *Власова З. И.* О принципах публикации современных песенных записей // Русский фольклор: Полевые исследования. Л., 1984. Т. XXII. С. 107–120.
- Воронов 1972 — *Воронов В. С.* Проблемы изучения народного искусства // Воронов В. С. О крестьянском искусстве: Избранные труды. М., 1972. С. 290–318.
- Гильфердинг 1894 — *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1894. Т. 1. С. 1–62.
- Григорьев 1910 — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. СПб.: Издание Императорской АН, 1910. Т. III. 732, XIV с.
- Григорьев 2003 — *Григорьев А.* Кулойский и Мезенский края и былинная традиция в них // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. СПб., 2003. Т. II. Ч. 3. С. 9–37.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
- Добролюбов 1934 — *Добролюбов Н. А.* «Народные русские сказки» А. Афанасьева и «Южно-русские песни». Киев, 1857 // Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.: в 6 т. [М.], 1934. Т. 1. С. 429–434.
- Канцедикас 1975 — *Канцедикас А. С.* Народное искусство. М.: Знание, 1975. 56 с.
- Лазутин 1959 — *Лазутин С. Г.* О фольклористическом аспекте изучения языка народной поэзии // Русская литература. 1959. № 3. С. 69–78.
- Ончуков 1904 — *Ончуков Н.* Былинная поэзия на Печоре // Печорские былины, записанные Н. Ончуковым. СПб., 1904. С. I–XXXV.

- Оссовецкий 1977 — *Оссовецкий И. А.* Язык современной русской поэзии и традиционный фольклор // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., 1977. С. 128–185.
- Печорские былины 1904 — Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб.: Типо-литограф. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. 424 с.
- Пропп 1958 — *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. 2-е изд. М.: Гослитиздат, 1958. 603 с.
- Путилов 2003 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.
- Русская эпическая поэзия 1991 — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока = Russian epic poetry of Siberia and the Far East. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 497 с.
- Рыбников 1989 — *Рыбников П. Н.* Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. / под ред. Б. Н. Путилова. Былины. Петрозаводск, 1989. Т. 1. С. 47–83.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. М.; Л. (СПб.), 1965–2007. Вып. 1–41.
- Фадеева 1981 — *Фадеева И. Е.* Народное прикладное искусство и фольклор: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981. 24 с.
- Федотов 1980 — *Федотов О. И.* О народном стихосложении в его взаимосвязи с литературной традицией // Фольклорная традиция и литература. Владимир, 1980. С. 92–119.
- Хроленко 1994а — *Хроленко А. Т.* Русский этнический менталитет: к постановке проблемы // Духовная культура: проблемы и традиции развития. Сыктывкар, 1994. С. 3–4.
- Хроленко 1994б — *Хроленко А. Т.* Словарь языка фольклора как инструмент выявления «фольклорных диалектов» // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. Орел, 1994. С. 114–115.

Л. М. Голиков

О ПРОЕКТЕ «СЛОВАРЯ ТЕРМИНОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА XVIII ВЕКА»

Аннотация

В статье формулируются цели «Словаря терминологии уголовного права XVIII века», определяются его хронологические границы и источники, перечисляются тематические группы специальной лексики, которые планируется включить в Словарь, и описываются основные семантические процессы, характерные для терминов процессуального и материального уголовного права XVIII в.

Ключевые слова: терминология, лексикография, семантика.

ABOUT A PROJECT OF CRIMINAL TERMINOLOGY DICTIONARY OF THE XVIIIth CENTURY

Summary

The aims of the 18th century Criminal Law Terminology Dictionary is formulated in the article, its chronological boundaries and sources are defined, the subject groups of special vocabulary that are supposed to be included into the Dictionary are enumerated in the article as well. Some basic semantic processes typical for the terms in the law of criminal procedure and substance of the 18th century are described.

Key words: terminology, lexicography, semantics.

Описание специальной лексики является одной из задач исторической лексикологии. Необходимо выяснить, каковы источники и как происходит развитие терминологии, определить характер функционирования термина в тексте и в системе специальных наименований, максимально полно описать данный лексический материал. Словари, описывающие язык той или иной эпохи, не полностью справляются с задачей фиксации отраслевой лексики: «подобная лексика в ограниченном объеме включается в словари и редко пред-

ставлена всем семантическим объемом, который характеризует то или иное профессиональное слово или общеупотребительное слово, имеющее и специальное значение»¹. В связи с этим обстоятельством в последнее время увеличивается число диахронических терминографических работ, усложняется их лингвистическое содержание, появляются многоаспектные терминологические словари, включающие в себя черты словарей разных типов: энциклопедического, идеографического, ономастического, толкового отраслевого и страноведческого².

Словарь русского языка XVIII в. фиксирует достаточно широкий круг лексических единиц, функционирующих в подъязыке права, так как «XVIII век составил эпоху в формировании терминологических систем... в сфере политики и администрации...»³. Однако неполнота охвата юридических источников, в частности законодательных актов, не позволяет Словарю в полной мере отразить термины права, также значения отдельных общеупотребительных слов, подвергшиеся специализации. Например, Картотека Словаря русского языка XVIII в. не фиксирует слова *показательство*, *полудоказание*, значения слов *обыск* «сбор вещественных доказательств», *доказательство*, *следствие* «документ» и др.

Целью «Словаря терминологии уголовного права XVIII в.» является максимально полное описание лексики материального и процессуального уголовного права. Словарь позволит представить объем, системную и семантическую организацию юридических терминов, также продемонстрировать процессы структурной и семантической формализации данной группы специальных лексических единиц. Тип Словаря терминологии уголовного права XVIII в. можно определить как толковый исторический словарь специальной лексики.

Хронологическими рамками будущего Словаря являются 1696 г. (начало самостоятельного правления Петра I) и 1800 г. (царствование Павла I). Выбор начальной границы условен, так как точкой отсчета кардинальных изменений в подъязыке права, обусловлен-

¹ Мальшова И. А. О словаре торговой лексики XVIII века // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Мат. Всерос. Академической школы-семинара. СПб., 2005. С. 296.

² Фельде (Борхвальдт) О. В. Словарь лексики хозяйственного освоения Приенисейской Сибири XVII–XIX вв. как инновационный тип русской терминографии // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сб. науч. трудов памяти З. М. Петровой (к 85-летию со дня рождения). СПб., 2007. С. 368–376.

³ Словарь русского языка XVIII века. Проект. Л., 1977. С. 23.

ных сменой типа законодательства, когда источником права становится закон, является Соборное Уложение 1649 г. В XVIII столетии, в период попыток систематизации уголовного законодательства, данные языковые процессы окончательно оформились и приняли системный характер. Так, наименование *преступление*, в XVIII в. активно функционирующее как основной термин, называющий понятие о нарушении закона, употребляется уже в названии указа 1653 г. «О наказании воров и разбойников вместо смертной казни кнутом с отсечением у левой руки по персту, о ссылке их в Сибирь и об учинении смертной казни за повторение тех же *преступлений*» (ПСЗ. Т. I. № 105, с. 501. — 1653 г.). Таким образом, одной из задач Словаря будет являться сравнение состояния юридической терминологии XVII и XVIII вв.

В качестве основных источников «Словаря терминологии уголовного права XVIII в.» планируется использовать узаконения процессуального и материального уголовного права, содержащиеся в «Полном собрании законов Российской Империи». Законодательные акты можно распределить по следующим группам в зависимости от их юридической функции: кодификационные акты, являющиеся основой для законотворческой и правоприменительной практики; указы (именные, сенатские), несущие приказной характер решения частных вопросов; именные и сенатские решения по уголовным делам. Ценность подобных документов определяется тем, что они являются источником нормы юридического подъязыка, в частности, в них даются образцы терминологической номинации, примеры функционирования терминов в специальном контексте. Вспомогательными источниками Словаря могут послужить «Словарь русского языка XVIII века» и его Картотека; неопубликованные рукописные правоприменительные документы (протоколы Вологодской палаты уголовного суда двух последних десятилетий XVIII столетия, хранящиеся в Государственном архиве Вологодской области), являющиеся примером освоения юридической терминологии в судебной и розыскной практике; опубликованные архивные материалы; литературные и мемуарные произведения XVIII в. (например, произведения Е. Р. Дашковой, Екатерины II, В. В. Капниста, Н. М. Карамзина, М. Комарова, И. А. Крылова, А. Н. Радищева и др.); первые правоведческие работы (труды С. Е. Десницкого, Екатерины II, Я. П. Козельского, И. И. Новикова, И. Посошкова, А. Н. Радищева); материалы словарей, созданных в XVIII в.; своды российских узаконений Ф. Лангаса и М. Д. Чулкова.

В словник «Словаря терминологии уголовного права XVIII в.» планируется включить следующие группы специальных наименований: наименования процессуальных действий по собиранию доказательств (*выемка, допрос, обыск, очная ставка, повальный обыск, пытка, распрос с пристрастием, следствие* и др.); наименования принудительных процессуальных действий по обеспечению нормального хода розыска (*арестование, задержание, поимка, привод, сыск* и др.); наименования видов доказательств (*дальний доказ, довод, донос, доказательство, показание, признание, присяга, свидетельство, улика* и др.); наименования судебного процесса (*кригсрехт, процесс, расправа, суд* и др.); наименования судебных решений (*криминальная сентенция, приговор, решение* и др.); наименования субъектов уголовного процесса (*арестант, доводитель, доказатель, доносчик, задержанник, судья, подсудимый, обвиняемый, обыщик, приводец, приговаривающий, приговоренный, разисчик, розыскная экспедиция, сыщик, судный приказ* и др.); наименования процессуальных документов (*доказательство, допрос, обыск, пыточные речи, салф кондукт, следствие, уголовное дело* и др.); наименования преступлений (*богохуление, бунтовство, взятие (взятка), возмущение, злодейство, кража, мздоимство, преступление, шельмование* и др.); наименования субъектов и объектов преступления (*бунтовщик, взяточник, дезертир, злодей, мошенник, преступитель, священотать* и др.); наименования наказаний (*денежный штраф, конфискование, казнь, наказание, отсылка, политическая казнь (смерть), экзекуция* и др.); наименования субъектов и объектов наказаний (*заклученный, казнитель, кат, колодник, наказатель, ошельмованный* и др.). В целом картотека Словаря содержит более 500 специальных наименований, представленных в свыше 3000 контекстных употреблений.

Задачами Словаря являются демонстрация специфики и результатов процесса становления лексики уголовного права XVIII в. как терминологической системы: расширение круга составных специальных наименований, разрушение многозначности терминов, формализация синтагматических связей специальных наименований, избыточность и вариативность как явления, демонстрирующие одновременность процессов разрушения древней системы специальных наименований и становления терминосистемы в подъязыке уголовного права XVIII в.

В XVIII столетии значительно увеличивается количество составных специальных наименований (ср.: *жестокое наказание,*

каторжная казнь, большой повальный обыск, воровской ключ, выемочное питьё, доносительное письмо, допросные пункты, лжисвая присяга, малое преступление, непотребный пространный привод, праведный суд, пристрастный допрос, справедливый донос, следственное дело, судное дело, твердое свидетельство, тяжкое преступление, умышленное злодеяние, худой суд, четырехлетняя ссылка, чистосердечное признание, явное злодейство и др.). Подобные наименования образуют развернутые гипер-гипонимические ряды (ср.: суд — уголовный суд, гражданский суд, совестный суд, вице-комендантский суд, комендантский суд, нижний городской суд, провинциальный суд, надворный суд, светский суд, духовный суд, синодальный суд, нижний суд, вышний суд, польский суд, военный суд, уездный суд, городской суд, земский суд, третейский суд, генеральный суд, словесный суд; ссылка — ссылка на галеру, ссылка на каторгу, ссылка в (каторжную) работу, ссылка на поселение), антонимические пары (ср.: достоверное свидетельство — ложное свидетельство; худой суд — правый суд; малое преступление — великое преступление; вечная ссылка — временная ссылка).

Наблюдается тенденция разрушения губительных для терминосистемы гипер-гипонимических связей, организующих семантическую структуру специальных наименований уголовного права XVIII в. Например, для обозначения родового понятия «наказание» в русском языке XVIII в. функционировали термины *наказание*, *казнь*, *штраф*, *эззекуция*. Вхождение в юридический язык иноязычных заимствований *штраф*, *эззекуция* объясняется общей тенденцией развития русского языка начала XVIII в., при этом употребление общеродового термина *эззекуция* является недостаточно частотным. Термин *штраф* постепенно избавляется от гиперонимической функции, все чаще обозначая денежное наказание (ср.: «Штаб-офицерам сказать, ежели кто без главнаго Генерала указу оставит где больных или пошлет куды без письменнаго указа за его рукою, *штрафу* по 10 рублей из жалованья за человека служащаго и неслужащаго» (ПСЗ. Т. IV. № 2467, с. 777. — 1712 г.); «...за умышленную утайку душ не только старостам, но и крестьянам тем, которые с ним согласны были, чинить наказание кнутом и править с них *штрафу* по 10 рублей с каждого...» (ПСЗ. Т. XVIII. № 12865, с. 77. — 1767 г.)). Термины *наказание* и *казнь* в текстах законодательства XVIII в. противопоставляются: *казнь* ассоциируется с более жестокими наказаниями (смертные, телесные, сопряженные с лишением гражданских прав

и с каторжными работами⁴, ср.: «...за вышепоказанное преступление налагают *казнь*, отсечь голову преступнику и тело его сжечь в срубе...» (ПСЗ. Т. XXII. № 16308, с. 512. — 1786 г.); *наказание* является наиболее часто употребляемым наименованием понятия «мера государственного принуждения». Полиномия родового понятия «наказание» в XVIII столетии возникла в результате воздействия лексико-семантической системы общенародного языка; постепенное преодоление данного явления является итогом упорядочения системы правовых санкций и, как следствие, ведет к разрушению не только синонимических отношений, но и гипер-гипонимических связей, организующих семантическую структуру терминов (*штраф*, *казнь*), то есть к преодолению терминологической полисемии.

В языке XVIII в. формализуются синтагматические связи специальных наименований уголовного права: а) приобретают устойчивый характер объектные сочетания, называющие действие, иницирующее аномальное действие или действие, восстанавливающее норму (ср.: *производить следствие*, *обыск*, *пытку*; *давать очные ставки*; *сыскать доказательство*; *отослать*, *взять*, *стать к суду*; *чинить расправу*, *наказание*; *учинить приговор*, *преступление*, *казнь*; *имать штраф*; *наказать заключением*, *штрафом*; *сослать в ссылку*); б) появляются общие для терминологических групп схемы функционирования в текстах уголовного законодательства XVIII в.⁵

Подъязык уголовного права XVIII в. реализует принцип экономии языковых средств за счет развития регулярной полисемии, основанной на метонимических переносах внутри семантической структуры терминов уголовного права. Наблюдаются следующие типы регулярной полисемии: а) 'действие' ('процессуальное действие') — 'способ действия' ('форма уголовного процесса') (*розыск*, *суд*, *очная ставка*); б) 'действие' ('процессуальное действие') — 'результат действия' ('процессуальный документ') (*следствие*, *допрос*, *обыск*, *сыск*, *доказательство*, *обвинение*); в) 'действие' ('процессуальное действие') — 'субъект действия' ('субъект уголовного процесса') (*суд*, *кригсрехт*); г) 'действие' ('наказание') — 'место действия' ('место наказания') (*заключение*, *ссылка*).

⁴ Материалы для старинной юридической терминологии // Летопись занятий Археографической комиссии. 1861. Вып. 1. СПб., 1862. С. 58.

⁵ Голиков Л. М. Регулярные синтагматические связи в подъязыке российского уголовного права XVIII в. // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. науч. трудов. Вологда, 2008. С. 115–123.

Лексико-семантическая система общеупотребительного языка определяет наличие в формирующейся терминосистеме уголовного права XVIII в. общезыковых лексических связей, в той или иной степени противоречащих принципам построения терминологической системы. Понятие уголовного права XVIII в. представлено целым рядом синонимических специальных наименований (ср.: *розыск — следствие — исследование — сыск; улика — довод — привод — доказательство; суд — судопроизводство — расправа — процесс; преступление — воровство — злодейство; наказание — казнь — штраф — экзекуция*). Причинами множественности терминологических обозначений явились, во-первых, языковая синонимия, заимствование терминологической единицей возможностей лексической единицы общеупотребительного языка; во-вторых, сосуществование терминов различных исторических эпох; в-третьих, наличие параллельных заимствованных специальных наименований и их русских толкований.

Сохраняется на протяжении столетия полисемия, основанная на гипер-гипонимических отношениях (ср.: *розыск, штраф, казнь*). В целом лексическая неоднозначность терминов уголовного права XVIII в. связана с тем обстоятельством, что подобные лексические единицы называют ситуации, имеющие широкое распространение в общественной жизни, и обладают развитыми ассоциативными связями. Чем выше степень абстрактности лексических единиц, тем выше склонность к семантическому варьированию. Отмеченная закономерность справедлива для единиц, обладающих меньшей степенью новизны (ср.: *суд, показание, привод*). Чем сложнее структура, чем новее наименование, тем заметнее тенденция к сокращению вариативности значения или, в идеале, к однозначности (ср.: *арест, бунт, очная ставка, смертная казнь, судопроизводство, тюремное заключение, шельмование*).

В формирующуюся терминосистему уголовного права на протяжении XVIII в. внедряется ряд иноязычных слов, называющих понятия различных уровней теоретической системы: от наименования отрасли права (*криминальный закон*) до наименования вида процессуального документа (*салф кондукт*). Функционирование иноязычных терминов в формирующейся системе наименований уголовного закона происходит по общему сценарию бытования заимствований в русском языке рассматриваемой эпохи. Данное явление в законодательных текстах стремится к абсолютности. Достаточно часто в контексте рядом с заимствованием присутствует русское соответствие

в качестве толкователя пришедшего слова. При этом подобный толкователь нередко становится полноправным членом формирующейся терминосистемы, являясь семантическим дублетом иноязычного наименования (ср.: *процесс* — *суд*; *кригсрехт* — *воинский суд*; *дезертирование* — *побег*; *арест* — *взятие под стражу*; *сентенция* — *приговор* и др.).

Богатый лексический материал, представленный терминами материального и процессуального уголовного права XVIII в., активизация процессов, приводящих к качественно новой системной организации специальной лексики (терминосистеме), определяют необходимость и важность лексикографического описания подобных специальных единиц.

Сокращения

ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи. Т. I, IV, XVIII, XXII. СПб., 1830.

Л. Я. Костючук

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ В ПОМОЩЬ ПОНИМАНИЮ ДРЕВНЕГО ТЕКСТА

Аннотация

Текст отражает видение человеком окружающего мира. Понимание текста зависит от адекватного восприятия его плана содержания и плана выражения. Изучение древнего текста, составленного на соответствующей территории, невозможно без вычленения общерусского и местного в языковом оформлении. Не только контекстные условия, но подчас и экстралингвистические сведения помогают понять значение отдельных слов, а это способствует выяснению языковой картины прошлого. Кроме того, выявленные по изучаемому произведению особенности элементов лексико-фразеологической системы обнаруживают синхронные отношения языковых фактов на соответствующем временном отрезке и позволяют проследить динамику в этой системе. Псковские летописи и частные грамоты дают бесценный материал для соответствующих наблюдений и выводов.

Ключевые слова: текст, языковая картина мира, историческая лексикология, историческая фразеология.

LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC DATA HELPING TO UNDERSTAND THE ANCIENT TEXT

Summary

Text reflects the human sight of the surrounding world. Understanding of a text depends upon the appropriate perception of its sphere of content and plane of expression. The study of an ancient text, composed in the certain area, is impossible without exarticulation of common Russian and local features in its linguistic form. Not only the context, but, at times, also extralinguistic data help in understanding the meaning of some words, which contributes to reconstruction of the linguistic view of the past. Moreover, peculiarities of the elements of the lexical-phra-

seological system in the text in hand, reveal synchronous relations of linguistic facts in the certain space of time and allow to follow the dynamics in this system. The chronicles and private documents found in Pskov provide the invaluable material for such observations and conclusions.

Key words: world picture, historical lexicology, historical phraseology.

В связи с тем, что псковская общественность в 2010 г. отмечает значимое в истории Пскова событие — так называемое Псковское взятие¹, когда Псков, вопреки собственной воле, вынужден был присоединиться к Москве, — приходится, продолжая исследование псковских памятников письменности и работая над «Псковским областным словарем с историческими данными»², вчитываться в тексты прежде всего таких жанров, как грамоты и летописи.

Псковские летописи, которые, как предполагают специалисты, начали составляться в XIII в., когда Псков набирал силу как главный барьер на западных рубежах Русской земли, велись при Троицком соборе. Поскольку ларь как специальный ящик-архив для хранения документов (грамот, книг) был как раз при Троицком соборе (ср.: ПОС, вып. 16, с. 511), то летописец мог использовать необходимые документы, сведения из которых пополняли погодные записи.

Псковские грамоты XIV–XV вв., обнаруженные Л. М. Марасиновой и опубликованные ею в 1966 г.³, расширили сведения о судьбе прежде всего земельных владений, об отношениях поколений хозяев частной земельной собственности, о спорных юридических делах, возникших через столетия после принятия первоначального решения. Эти грамоты важны тем, что доносят до нас названия подробных ориентиров для границ земельных участков, перечисляют разные

¹ См. летописные повествования в Псковских летописях: Псковские летописи. Вып. 1 / подгот. А. Насонов. М.; Л., 1941; М., 2003. С. 92–97 (Псковская 1-я летопись: л. 657 об.–662); Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 225–226 (Псковская 3-я летопись, Строевский список: л. 203 об.–204 об.); с. 253–259 (Псковская 3-я летопись, Окончание Архивского 2-го списка: л. 185 об.–194 об.); с. 293–299 (Псковская 3-я летопись, Отрывок из Копенгагенского сборника: л. 645–658 об.). На основе летописных свидетельств была создана специальная публикация повести: Повесть о Псковском взятии / подгот., перевод, коммент. В. И. Охотниковой // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV — первая половина XVI века. СПб., 2000. С. 222–233; 526–528.

² Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–20. Л.–СПб., 1967–2008 (издание продолжается).

³ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.

виды собственности. Составлялись они в зависимости от возникавшей необходимости создать документ соответствующего жанра. Поскольку такие документы касались не государственных дел, а частных лиц, то и составители их были, видимо, людьми разной степени грамотности; в грамотах фиксировались такие моменты, которые важны были тем, в интересах кого создавалась грамота. Таким образом объективно в письменной форме удалось сохранить ту языковую картину мира, которой обладали субъект документа и писец, помогавший наиболее точно зафиксировать обозначаемое.

И псковские летописи по 1510 г., независимые ни от Новгорода, ни от Москвы, и частные грамоты, отразившие события, касающиеся только отдельных людей в их отношениях с другими людьми, были оформлены, естественно, по существующим на Руси требованиям жанра. Однако писец был волен вносить в тексты такие слова и словоформы, отражать такое их звучание, которые казались ему естественными и единственно возможными (еще ведь не сложился национальный язык).

Потому на разных языковых уровнях в письменной форме псковских памятников могут быть обнаружены местные (региональные) особенности. Наиболее ярко проявляется это в лексике. Несколько примеров. В грамоте № 28 1469–1485 гг. (Отрывок из раздельной на отчину Захарии Костина в Озеровах в Отмене) по списку 1680 г. один ориентир для границы земельного участка выражен такой фразой: «А на *путку* кудѣ *гнои* вонят...» (Марасинова, с. 67)⁴, — которая включает народное, местное слово *гнои* ‘навоз, удобрение’ (ПОС, т. 7, с. 29). Ссылаясь на И. И. Срезневского и В. И. Даля, Л. М. Марасинова определяет слово как ‘перегной, навоз’⁵. В. И. Даль подчеркивает, что это слово южное и западное в значении ‘навоз, назем, скотский помет’ (т. I, с. 361); в современных псковских говорах, судя по «Псковскому областному словарю с историческими данными», слово не зафиксировано, а в псковских памятниках известно только по приведенному фрагменту из псковской грамоты. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» не отмечает указанного значения у слова, так как не предполагал, видимо, еще материалами псковских грамот XIV–XV вв. Вместо словоформы *на путку* (*путок* — ‘ум.-ласк. к *путь*’; с окончанием *-у* в М. п.) в других списках этой же грамоты используется

⁴ Публикатор отмечает: «Так в ркп., вероятно, следует читать *возят*» (Там же. С. 67).

⁵ Там же. С. 181.

конструкция «что *путь*» тоже для более точного указания местного ориентира в определении границ владения. Ни у В. И. Даля, ни в исторических словарях образование с суффиксом *-ок* от основы слова *путь* не зафиксировано.

Временная атрибуция грамот, сохранившихся до нашего времени в списках XVII в. (кроме одной подлинной — духовной Акилины, жены князя Федора), требовала учета многих факторов, о чем справедливо пишет Л. М. Марасинова: «Основанием датировки каждого документа служит совокупность факторов, рассмотренных в сопоставлении»⁶. Самая общая датировка грамот — XIV–XV вв. Об этом свидетельствует материал, на котором были написаны все подлинные грамоты, формуляр (или реквизи́т), язык, наличие свинцовых вислых печатей. Более точная датировка допускалась благодаря возможности соотнести некоторые собственные имена участников деловых земельных отношений. Среди них довольно полным именем назывались исторические личности, которые были зафиксированы, например, в псковских летописях в связи с определенными событиями. Упоминание псковских религиозных построек (церквей, монастырей), если известно их возникновение по другим источникам, уточняло время создания документа. Эти факторы учитывала сама Л. М. Марасинова⁷. Кроме того, писцы, составлявшие копии (списки) в XVII в. в связи с возникновением споров относительно владений, описывали в ряде случаев подлинные вислые печати более ранних веков, скреплявшие подлинник грамоты, на основании которой рассматривалось спорное дело в XVII в. и с которой делался список. В. Л. Янин провел сфрагистическое исследование грамот и разработал классификацию вислых свинцовых печатей Пскова⁸. Выводы В. Л. Янина помогли Л. М. Марасиновой определить время составления ряда документов.

Лингвист в зависимости от цели исследования текстов прошлого тоже вынужден обращаться к рассмотрению разных особенностей письменного языка.

Напомню единственную подлинную грамоту первой четверти XV в. (1417–1421 гг.) среди обнаруженных Л. М. Марасиновой — № 33 (Духовная Акилины, жены князя Федора), о которой нам приходилось говорить в связи с интерпретацией непонятого на первый взгляд

⁶ Там же. С. 84.

⁷ Там же. С. 84–95.

⁸ Янин В. Л. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам // Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 163–178.

фрагмента *долгъ олеть* (Марасинова, с. 73). Это выражение Л. М. Марасинова безоговорочно трактует как 'долг уплатить, долг ликвидировать'⁹, а мы, учитывая 1) написание глагола через начальную букву «омега», которая часто составляла лигатуру с буквой *m* (ср. буквенное изображение словоформы *отца*), 2) отражение оглушения [з] в [с] перед [т] в инфинитиве, 3) создание духовной грамоты от имени завещательницы с высоким статусом (жена князя), решили объяснить «восстановленное» в результате исследования выражение *долгъ олеть* как 'затратить средства на исполнение духовного долга — поминовения в церкви после кончины'¹⁰.

В. Л. Янин, пытаясь определить время создания грамоты Акилины через вислую свинцовую печать 1469 г., приходит к выводу, что печать анахронична грамоте, поскольку важно учитывать, что мужем Акилины был псковский князь Федор. Сопоставление ряда фактов из грамоты и исторических сведений приводит исследователя к тому, что Федор — муж Акилины — был «Федор Александрович из рода ростовских князей, сидевший на псковском столе с 1417 по 1421 г. Под 1421 г. псковские летописи сообщают об его пострижении в Снетогорском монастыре и об отъезде в Москву»¹¹. В Синодальном списке Псковской 2-й летописи под 1417 г. читаем довольно краткую запись: «Того же лѣта псковичи послаша к великому князю Василию Дмитриевичу посадника Селивестра Левонтеевича и Терентиа Фоминича и *испросиша себе князя Феодора Александровича; и приеха въ Псковъ* за две недели до Рожества христова, и псковичи прияша его честно» (Лет. II, л. 187; трафаретное устойчивое выражение *приятии честно* по отношению к высокому лицу, князю, означает 'оказать почести'). В Строевском списке Псковской 3-й летописи еще короче запись: «Того же лѣта *приеха князь Федоръ во Псков*, в само Рожество христово» (Лет. III, Стр., л. 60), — после которой больше нет упоминаний этого князя, хотя коротко сообщается о каких-то строительных действиях в Пскове, о заключении мира с немцами: все это совершалось не без ведома князя. В Синодальном списке Псковской 2-й летописи более четко указывается участие князя Федора в жизни Пскова: «*Князь Федоръ Александрович и весь Псковъ... взяша миръ по старинѣ*»

⁹ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 181.

¹⁰ См.: Костючук Л. Я. Слово в текстах прошлого и настоящего (к проблеме динамической системы в лексике) // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 712–716.

¹¹ Янин В. Л. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам. С. 176.

(с Новгородом 28 августа)¹². Но в 1420 г., когда «бысть моръ великъ зѣло и мнози тогда мужи и жены прияша аггельскыи образъ мнишьскыи», заболел и князь: «Тогда пострижесе в болѣзни князь Феодоръ Александровичъ и отъеха на Москву» (Лет. II, л. 188). Псковская 1-я летопись (Тихановский список) подчеркивает, что «князь Феодоръ пострижесе на Снетной горь» (Лет. I, л. 14–14 об.; в Архивском 1-м списке князь назван с отчеством: «князь Феодоръ Александровичъ постриглься»; вариантыные словоформы от глагола *постричися* позволяют судить, какие грамматические категории, в каких формах могли быть употребительны в тот или иной период: *пострижесе* — аорист, *постриглься* — перфектное причастие с суффиксом *-л-*).

Высокий социальный статус Акилины определяется тем, что она, коренная псковская боярышня, «владелица боярской вотчины, сел, деревень, а также клетей в самом Пскове, дворов в Среднем городе и в Псковской земле, под Островом и Печерским монастырем и в других местах»¹³, стала женой псковского князя, прибывшего из Москвы. Акилина вошла в историю и своим завещанием, ценным источником сведений и по структуре своей провинциальной духовной грамоты, и по набору лексем — наименований бытовых предметов, и по географическим названиям, существовавшим уже в прошлом на Псковской земле. В. Л. Янин сообщает, что в Румянцевском списке Софийской 1-й летописи под 1425 г. есть запись о «преставлении благоверной княгини Федоровой Александровича Ростовского, месяца августа 5 день, в 6 часов ночи»¹⁴.

Бесспорно, что экстралингвистические сведения заставляют особо интерпретировать некоторые языковые факты: как нельзя в духовной Акилины, жены князя, буквально понимать выражение *долгъ отлезть* как 'отдать долг', так и слово *онучи*, видимо, нельзя понимать в том значении, с которым обычно используется и использовалось оно в народной речи ('матерчатые обертки для ног при ношении лаптей'), поскольку, судя по всему, лаптей Акилина не носила. Слово, действительно, называет ткань, предназначенную «для обертывания ноги вместо чулка», в объяснении П. И. Савvaitова, по свидетельству Л. М. Марасиновой, но не обувь, как толкует слово сама исследо-

¹² См.: Лабутина И. К., Следнева Т. Л. Федор Александрович (Ростовский) // Псковский биографический словарь. Псков, 2002. С. 465.

¹³ Масленникова Н. Н. Акилина (Кюлена) // Псковский биографический словарь... С. 7.

¹⁴ Янин В. Л. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам. С. 176.

вательница¹⁵: Акилина, видимо, имела специальную, хорошего качества ткань для обертывания ног (поскольку чулок в то время не было) при надевании обуви.

Полное исследование грамоты Акилины продолжается: общеизвестное и общенародное в ней соседствуют, поэтому приходится искать понимание реалий в прошлом, находить им аналогии в настоящем и исследовать аналогичные лексемы в современных народных говорах.

Псковские летописи как особый жанр произведений, освещающих год за годом события края и тем самым государства, помогают составителям «Псковского областного словаря» прежде всего в выяснении специфики языкового оформления записей (в какой мере отражены и отражены ли вообще местные, диалектные черты). «Встреча» в свое время с прозвищем *Иголка* в одной из псковских грамот XIV–XV вв. заставила меня внимательнее поискать, оказались ли люди с таким прозвищем или образованиями от него замеченными в псковской истории. В связи с этим неизбежный интерес вызывали местные языковые черты в соответствующих документах. В псковской грамоте 1459–1465 гг. (№ 23. Данная сябров на землю под монастырь) как один из послухов упоминается *Игнатей Иголка* (с прозвищем, но без отчества) одновременно с другим послухом–посадником (естественно, без прозвища, но с отчеством): «А на то люди посадникъ псковский Максимъ Ларинович да *Игнатей Иголка с торгу*» (Марасинова, с. 62). Положение *Игнатия Иголки* в обществе называется своеобразным определением с *торгу* без конкретизации его занятий. Видимо, это была деятельность, связанная с торговлей, о чем можно судить, зная последующие документы с фиксацией имени этого же человека. Обратим внимание и на языковые особенности грамоты. Так, последовательно употребляется слово *сябр* с заменой звука [с] на звук [ш]. Это известная древняя фонетическая черта (взаимозамена свистящих и шипящих звуков), характерная для древнепсковского диалекта, о чем писал А. А. Зализняк¹⁶. В. И. Даль и для псковских говоров приводит корень с чередованием указанных звуков, толкуя слово *сябр* как ‘сосед’, ‘знакомый, приятель’, ‘товарищ, соучастник’ (т. IV, с. 383). В указанной грамоте употреблены такие словоформы: *шабри* (2 раза); *от шабровъ*; производное *шабриная ихъ* (название женщины, поскольку вкладчиками земли в монастырь

¹⁵ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 186.

¹⁶ Ср.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 43.

являлись двое мужчин и одна женщина — *Настаха*). Объединяет эти слова, судя по контексту, по сведениям, приведенным В. И. Далем, сема 'общее дело; соседство'. Имена сябров-мужчин — *Оните*, *Коклине* наряду с женским именем *Настаха*, при сказуемом в зачине грамоты («Се мы *пожаловахомъ...*») смутили Л. М. Марасинову, и она пишет: «Так в ркп., возможно, слова искажены»¹⁷. Однако следует вспомнить наблюдения А. А. Зализняка над словами мужского рода бывшей основы твердого варианта на *о — краткий звук с окончанием -е в именительном падеже: это типичная морфологическая черта древнего псковско-новгородского диалекта¹⁸. Для псковских писцов в XIV–XV вв. такие формы были обычны для указанных именных форм: эта черта проявлялась в псковских памятниках и последующих веков, например в Русско-немецком разговорнике Т. Фенне, составленном немецким купцом в Пскове в 1607 г.¹⁹: в одной из реплик от имени купца-мужчины зафиксировано окончание -е и в кратком прилагательном, и в перфектном причастии с суффиксом -л-, ср.: «Тот человек мнѣ запырался; я ёво перѣд судью подзывал да ёво перѣд судью учѣл / *учкле* / утягал, что он мнѣ *виновате*».

По прошествии в среднем более или менее 10 лет после грамоты № 23 в 70–80-е гг. XV в. была составлена Купчая уже самого *Игнатия Федоровича Иголки* (Марасинова, с. 63–64, № 25), который приобрел у двух людей довольно большое количество земли: «Се купише *Игнатей Федоровичъ Иголна*»²⁰ (Марасинова, с. 63). Не один раз в маленьком документе с почтением называется имя *Иголки*. Первый раз в начале грамоты, в ее зачине с опиской в прозвище и с ошибкой в трафаретной формуле: 3-е лицо множественного числа аориста (*купише*) вместо 1-го лица единственного числа (ведь покупатель один — *Игнатей Федоровичъ Иголка*); на конце глагольной формы наблюдается мена звука [а] (на звук [е]), по происхождению из древнего носового звука переднего ряда, имевшего в древнерусском языке рефлекс [ʼа], в этом случае имя человека включает и патронимическое отчество с суффиксом -ич, что свидетельствует об уважении к человеку. Второй и третий раз указывается только личное имя *Игнатий*: «А что писана *Игнатью* половина.., ино то *Игнатью* увѣдать [т. е. 'узнать и принять к сведению'. — Л. К.],

¹⁷ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 62.

¹⁸ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 82.

¹⁹ T. Fenne's Low Manual of Russian Pskov. 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970. С. 387.

²⁰ Л. М. Марасинова пишет: «Так в ркп., вероятно, следует читать *Иголка*» (Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 64).

а Филиппу и Матруне [продавцы. — Л. К.] в то не вступатца...». Четвертый раз используется имя с отчеством в важной фразе относительно юридического условия купли земли *в одерень*, т. е. ‘без ограничения какими-либо условиями, навсегда’ (по поводу приобретения земли в собственность)²¹: «А та купля *Игнатью Федоровичю* от Филиппа и от... Матруне *в одерень*» (Марасинова, с. 64).

Временной разрыв между указанными двумя грамотами подчеркивает, что один и тот же человек, во-первых, не бросил торговых дел, а во-вторых, теперь он не сторонний свидетель торговой сделки (послух), а уважаемый покупатель — с отчеством. Как выяснила Л. М. Марасинова, послух *Семен Рубелка* при земельной сделке *Игнатия Федоровича Иголки* — представитель торгового круга²².

Прозвище *Иголка* известно в русской истории. Так, С. Б. Веселовский называет *Иголку* — муромского холопа (1455 г.), а под 1606 г. указывает патронимическое имя *Иголкин* для человека с отчеством из Новгорода (*Василий Юрьевич Иголкин*): в этом случае третья часть имени *Иголкин* выполняет функцию фамилии²³.

Н. М. Тупиков как прозвища отдельно выделяет такие имена указанного корня: *Игола*, *Иголка*. Прозвище *Иголка*, по данным Н. М. Тупикова, носили пять человек (с 1474 г. по 1615 г.). Первым в словаре называется «*Игнатий Иголка*, псковский посол в Москву, 1474 г.»²⁴: это тот человек, о котором мы узнали по псковским грамотам XIV–XV вв. и по псковским летописям²⁵. С фамилией *Иголкин* (или с патронимическим отчеством, если допустить, что проявлялось еще некалендарное имя *Иголка*, что, видимо, менее вероятно) упомянут только «*Степан Иголкин*, московский дворянин, 1611 г.»²⁶.

²¹ Ср.: Там же. С. 185. Наши наблюдения показали, что Л. М. Марасинова не совсем точно трактует словоформы *одерень*, *в одерень* как приобретение земли в собственность, но ограниченную какими-либо условиями, т. е. как существительное (эти же слова — наречие, наречное сочетание). См. в контекстах: «А та земля... *в одерень*...» (№ 1), «И та имъ розмѣна *в одерень*» (№ 4), «А тотъ роздѣль им *в одерень*» (№ 6) — предложно-именное выражение наречного типа выполняет функцию сказуемого.

²² Там же. С. 92–93.

²³ *Веселовский С. Б.* Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 127.

²⁴ *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004. С. 165.

²⁵ См.: *Костючук Л. Я.* К пониманию слова в древнем тексте. (Продолжение разговора) // Материалы XXXV Междунар. филол. конф. Вып. 6. История русского языка и культурная память народа. СПб., 2006. С. 81–82.

²⁶ *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. С. 559.

Обращение к псковским летописям, с одной стороны, позволяет получить какие-то фактические известия об *Игнатии Иголке*, а с другой — сконцентрировать внимание на языковом оформлении текста. В Погодинском списке Псковской 1-й летописи очень мало сведений под 1473 г., совсем нет никакого упоминания о псковском посольстве с *Иголкой* в Москву (см.: Лет. I, 1473 г., л. 640–640 об.). В Синодальном списке Псковской 2-й летописи краткая запись, фиксирующая в 1474 г. приезд псковского посольства («псковичи отрядиша послом посадника Ивана Гахоновича, и с ним боярь»; *Иголка* не участвует в посольстве во главе с посадником) и неуважительное отношение великого князя к псковским послам: «и не даде имъ ни подворья ни к собь на очи не пусти» (Лет. II, 1474 г., л. 209).

В Строевском же списке Псковской 3-й летописи подробно описывается большое количество событий 1473/74 и 1474 гг. (см.: Лет. III, 1473/74, 1474 гг., л. 150–166 об.). Создается впечатление, что перед событиями 1510 г. были годы напряженных отношений между Псковом и Москвой, поэтому летописец старался максимально полно отразить разные события. Подробные записи, которые ведутся с неослабевающим интересом и вниманием, зачастую несут в себе разнообразные и необычные языковые средства. Вчитаемся в записи, связанные прежде всего с 1474 г. Начальная фраза содержит имя *Игнатия Иголки*: «Тоя же осени Псковъ, отрядивъ послалъ послом Игнатъя Иголку к великому князю...» (Лет. III, 1474 г., л. 159). Послу необходимо было просить у великого князя помощь Пскову в борьбе с западными соседями. Отправившись в Москву, *Игнатий Иголка* «наеха великого князя въ Стровъ... [Острове. — Л. К.]» и, как подчеркивает летопись, «повестовалъ, чтобы князь великой или самъ на конь вселъ, или сына послалъ или брата» (там же). Это были довольно смелые и настойчивые речи псковского посла *Игнатия Иголки*, обращенные к великому князю. Ответная реплика великого князя *Иголке*, которую передал посол псковичам, вероятно, уже по возвращении в Псков (потому она и оказалась зафиксированной в летописи), содержала положительное решение князя: «яз своеи отчине слю²⁷ своего гонца в тья часы²⁸ за тобою» (там же, л. 159 об.). Далее лето-

²⁷ Отражение мены звуков [ш] и [с], характерной фонетической особенности для псковской народной речи; в Архивском 2-м списке отражен общерусский вариант — шлю.

²⁸ Обнаруживается этап формирования наречия *тотчас*.

писец подтверждает, что слова великого князя действительно были незамедлительно исполнены: «и спроста²⁹ за Иголкою на заоутрѣя³⁰ пригналь гонецъ князя великого» с таким ответом князя: «в кое время велите, отчина моя, силѣ моеи воискоу оу себѣ быти» (там же, л. 159 об.). Удачная миссия, исполненная только одним послом (в летописи не сообщается, сопровождал ли кто-либо *Игнатия Иголку*), противопоставляется весеннему посольству с большим количеством послов, причем и с князем во главе, и с посадниками, и с другими представителями Пскова. Но на этот раз «князь великои послов псковских с подворья спровадил, на очи не поустилъ, ни дароу не принялъ...». И послы «без отвѣта ко Псковоу приехали» (там же, л. 165 об., 166).

Среди многих важных событий 1474 г. выделяется краткий, но уважительный рассказ о том, как торговый человек (это мы узнали из частных грамот XV в.) был удостоен стать послом от Пскова к великому князю, и это поручение он выполнил блестяще. Учитывая и этот случай, соглашаешься с оптимистичными словами Л. М. Марасиновой: «...фамилия купцов *Иголкиных* не исчезает со страниц псковских источников и после 1510 г., года ликвидации независимости Псковской феодальной республики»³¹. Вероятно, это потомки «известного в XV в. псковича Игнатия Федоровича Иголки»³².

Попытки исследовать языковые особенности памятников с учетом лингвистических и экстралингвистических связей и отношений разных явлений способствуют пониманию специфики языкового факта и смысла текста. Это особенно важно при изучении уникальных памятников псковской письменности, отражающих такие языковые особенности, изучение которых помогает осознать специфику и современных народных говоров в их прошлом и настоящем.

Б. А. Ларин, отмечая своеобразие письменного летописного языка с проявлением местных особенностей, подчеркивал, что письменная традиция сначала мешала широкому отражению местного, диалектного³³. Но как раз псковская письменность дала много примеров «взвешенного» соотношения общерусских и уникальных

²⁹ Наречие использовано в значении 'тотчас, сразу, без промедления' (СлРЯХІ–ХVII, т. 27, с. 92).

³⁰ Ср. сформировавшееся позже наречие *назавтра*.

³¹ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. С. 93.

³² Там же.

³³ См.: *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975. С. 186–199.

древних псковских черт³⁴. Не случайным был у Б. А. Ларина выбор Псковского региона для совмещения в новаторской лексикографической практике данных и современных псковских говоров, и письменных памятников прошлого³⁵.

Современному исследователю древних памятников для наиболее эффективного понимания текстов необходимо прежде всего учитывать: 1) время создания письменного произведения прошлого: это позволит представить место произведения на временной оси истории создания литературного языка (прекрасный «путеводитель» по диахронной линии литературного языка — лекции Б. А. Ларина); 2) территорию, на которой был создан памятник: это заставит обратиться не только к знанию и чувству литературного языка, но и к специфике народной речи, к истории русского языка (диалектология — это ведь тоже историческая дисциплина); 3) возможность поискать аналогии в других одно- и разножанровых произведениях: это способствует обнаружению вариантов к рассматриваемому языковому факту; 4) неизбежность выхода за пределы лингвистических сведений и обращение прежде всего к данным истории: это поможет воссоздать недостающую исследователю обстановку прошлой жизни и быта, которая способна «подсказать» реалию, а вместе с ней установить связь плана выражения рассматриваемой единицы текста с понятийной основой ее значения (лексического или грамматического, т. е. плана содержания); 5) системность или асистемность того лингвистического объекта, который в данный момент является предметом рассмотрения. Так приходится соединять те единицы на разных полюсах сравнения и сопоставления, от чего зависят наиболее убедительные решения, важные в понимании древнего письменного памятника.

Сокращения

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1956.

Марасинова — *Тексты актов [псковских грамот XIV–XV вв.] // Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966. С. 44–83.

ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными.* Вып. 1–20. Л.–СПб., 1967–2008.

СлРЯХI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–28. М., 1975–2008.

³⁴ См.: *Мжельская О. С.* Местная лексика в псковской деловой письменности XIV–XV вв. // *Ученые записки ЛГУ.* № 198. Сер. филол. наук. Вып. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Л., 1956.

³⁵ *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961.

А. С. Щекин

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ПРИ ПЕРЕДАЧЕ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЦЕРКОВНО-
УЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹**

Аннотация

В статье рассматриваются лексические изменения, происходящие при передаче евангельского текста (1-е Послание апостола Павла к коринфянам, глава 10-я, стихи 7–8-й) в ряде оригинальных и переводных памятников древнерусской церковно-учительной литературы.

Ключевые слова: лексикология, текстология, древнерусский язык, древнецерковнославянский язык.

**LEXICAL VARIABILITY IN TRANSLATIONS OF THE BIBLICAL TEXT
IN SOME WORKS OF THE OLD RUSSIAN LITERATURE**

Summary

This paper addresses lexical changes of a passage of the New Testament (I Corinthians 10: 7–8) in various Old Russian texts: original and translated homilies, annals etc.

Key words: lexicology, textual criticism, Old Russian language, Old Church Slavonic.

Изучение лексической вариативности при передаче одного текста в различных древнерусских рукописях предоставляет обширный материал для исследований в области исторической лексикологии русского и других славянских языков. В частности, оно позволяет лучше видеть системные связи между лексемами на уровне синони-

¹ Работа выполнена при поддержке Аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)», проект №2.1.3/271 «Параметры семантической характеристики слова в толковом словаре».

мических рядов и лексико-семантических групп. Объектом исследования может быть лексическая вариативность не только в разных редакциях и списках отдельного памятника книжности, но и в разных произведениях, где дается один и тот же текст. Чаще всего в роли такого текста выступают цитаты из Священного Писания, которые являются неизменной составляющей церковно-учительных текстов, создававшихся как на византийской, так и на славянской почве. Цитатный характер того или иного текстового фрагмента необходимо также учитывать и при семантической характеристике слова в исторических словарях русского языка. При этом тип цитирования может быть различным: аллюзия, парафраз (пересказ) или же использование прямой цитаты². Кроме того, исходный библейский текст может подвергаться сокращению или, наоборот, распространяться за счет дополнительных сведений, отсутствующих в Священном Писании.

Все это можно проследить на примере отрывка из 1-го Послания апостола Павла к коринфянам (глава 10-я, стихи 7–8-й): [7.] μηδὲ εἰδωλόλατράι γίνεσθε καθὼς τινεὶς αὐτῶν, ὡς περ γέγραπται, Ἐκάθισεν ὁ λαὸς φαγεῖν καὶ πίνειν καὶ ἀνέστησαν παίζειν. [8.] μηδὲ πορνεύωμεν, καθὼς τινεὶς αὐτῶν ἐπόρνευσαν καὶ ἔλεσαν μὴ ἡμέρα εἴκοσι τρεῖς χιλιάδες. — Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: народ сел есть и пить, и встал играть. Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи (GNT, p. 599; русский перевод по изданию Московской патриархии: Новый Завет, с. 431). Это место восходит, в свою очередь, к одной из глав ветхозаветной Книги Исход (глава 32-я, стихи 6–28-й). Этот евангельский отрывок нередко использовали в своих произведениях византийские авторы, как, например, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Иоанн Дамаскин. Он цитируется и в целом ряде оригинальных и переводных произведений древнерусской церковно-учительной литературы при обличении пьянства, чревоугодия и других пороков.

Лексическое варьирование при передаче этого места наблюдается уже между редакциями древнеславянского перевода Апостола³.

² См.: *Гардзантии М.* Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LVIII. СПб., 2007. С. 30.

³ Г. А. Воскресенский выделяет четыре такие редакции, см.: *Воскресенский Г. А.* Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII–XV вв. М., 1879.

Ср.: [7.] ни коумиролсолоужителѣ бѣвантѣ. такоже мѣнози ѿ нихъ. такоже ксть писано. сѣдоша людѣ ѣсти и пити. и вѣсташа игратъ. [8.] ни лювоудѣкѣмъ. такоже инѣ отъ нихъ лювоудѣаша. и падоу въ єдинъ днь три третѣкѣмъ десѣтъ тѣсацю. (1-я редакция, Апостол толковый 1220 г.) — [7.] ни слугѣ кумиромъ бѣвати. такоже и друзи онѣхъ. такоже пишетьсѣ. сѣдоша людѣ монѣсти и питѣи и вѣсташа игратъ. [8.] не блудимъ такоже и друзи ихъ съблуднша. и падоша въ єдиномъ дни двѣцѣтъ и три тѣсаци. (2-я редакция, Апостол XIV в.) — [7.] ниже идолосолоужителе(м) бѣти тако (ж) нѣци тѣ(х). такоже пише(т) сѣ. сѣдоша лю(д)ѣ гаси и пити. и вѣсташа игратъ. [8.] ниже блудимъ. такоже нѣци тѣ(х) блуднша. и падоша въ єди(н) днь. к. и три тѣсаца. (3-я редакция, Чудовский Новый Завет XIV в.) — [7.] ни идолотрѣбници бѣвантѣ, такоже нѣци ѿ ни(х), такоже пише(т). сѣдоша людѣ гаси и пити, и вѣсташа играти. [8.] не съблудимъ, такоже нѣци ѿ ни(х) съблуднша. и падоша въ єдинъ днь, двѣдѣсѣте и три тѣсаца. (4-я редакция, Геннадиевская Библия 1499 г.)⁴. Если не считать колебаний в употреблении местоимений и числительных, то основные лексические расхождения возникают здесь при передаче форм греческого существительного *εἰδωλόλατρης* ‘идолопоклонник’ и глагола *πορευῶ* ‘распутничать’, славянские переводы которых образуют следующие синонимические ряды: коумиролсолоужитель — слуга коумиромъ — идолосолоужитель — идолотрѣбникъ; лювоудѣати — блудити (съблудити). Как показывают данные «Словаря старославянского языка», отношения синонимии между этими лексемами существовали уже в языке древнейших славянских богослужебных текстов в рамках более обширных синонимических рядов: идолосолоужитель — идолудѣлатель — идоложрьць — идолотрѣ — идолотворъ — идолотрѣбникъ — коумиролсолоужитель; блудити — блудъ (любы, прѣлюбы) дѣяти (творити, сътворити) — излювоудѣнствовати — лювоудѣати. При этом лексическое варьирование имело место и при передаче рассматриваемого отрывка из 1-го Послания к коринфянам апостола Павла в различных рукописях Апостола, ср.: коумиролсолоужителѣи в Христинопольском Апостоле XII в. и идолотрѣбници в Слѣпченском Апостоле XII в. и Шишатовском Апостоле XIV в. (SJS, т. 1, с. 707–708; SJS, т. 2, с. 82).

В древнеславянских переводах гомилий Отцов церкви текст этой цитаты обычно сохранял содержание и синтаксическую структуру

⁴ Цит. по: *Воскресенский Г. А.* Древнеславянский Апостол: Послания св. апостола Павла по основным спискам четырех редакций. Вып. 2. Послание святого апостола Павла к Коринфянам 1-е. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1906. С. 106–107. Сведения о цитированных рукописях см.: Там же. С. 2–19.

оригинала, как, например, в переводе первого Слова о посте Василия Великого. Здесь содержится мысль о том, что чрезмерное употребление пищи и вина вводит в идолопоклонство: Καὶ ἄνω μὲν ἡ νηστεία νομοθεσίας πρόξενος ἦν, κάτω δὲ ἡ γαστριμαργία εἰς εἰδωλολατρείαν ἐξέμηνεν· Ἐκάθισε γὰρ ὁ λαὸς φαγεῖν καὶ πιεῖν, καὶ ἀνέστησαν παῖζειν (PG, t. 31, col. 169) — **и выспрь оубо постъ законоположенна ходатан бѣ. долѣ же чревное въбадьенъ во идолослуженни неистовствоваше. съдоша бо людие псти и пити и възташа играти**⁵ (Сб. поуч., л. 163 об.: 11–14)⁶. Следует также отметить, что находящийся в этом поучении библейский фрагмент и в самом тексте 1-го Послания апостола Павла к коринфянам является дословной цитатой из ветхозаветной книги Исход (глава 32-я, стих 6-й); с помощью тех же лексических средств он передается и в древнеславянском переводе Пятикнижия (по списку XIV в.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), собрание Троице-Сергиевой лавры, № 1): **ї съдоша люди ѣсти ї пити ї възташа їграти** (Пят. Моис., л. 86, 1 стб.: 1–2).

С другой стороны, эта цитата при переводе нередко исключалась из славянского текста гомилии, примером чего могут служить входящие в состав Златоустрия поучения «Слово Иоанна Златаустаго еже не отчаятися о гресех и еже не величаться о стоянии и о подаении нищим и о сребролюбии»⁷ (F.I.218, л. 197 об.–201об.) и «Слово Иоанна Златаустаго о воспоминаении своих грехов и о покаянии яже о любви»⁸ (там же, F.I.218, л. 534 об.–539). Соответствующие отрывки из

⁵ Здесь и далее примеры, взятые непосредственно из рукописей приводятся с сохранением орфографии оригинала, но без воспроизведения диакритических знаков, имеющихся в оригинальных текстах. Выносные буквы помещаются в строку в круглых скобках. После примера указываются сокращенное обозначение рукописи, номер листа, столбца (для рукописей, написанных в два столбца) и строк, на которых находится цитируемый текст.

⁶ Славянский перевод этой гомилии цитируется по рукописному сборнику поучений Отцов церкви начала XV в. (ОР РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 116/241). Об этой рукописи и, в частности, об особенностях находящегося в ней перевода Слов о посте Василия Великого см.: *Сергеев А. Г.* Наблюдения над сборником гомилий РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 116/241 // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология: сб. статей.* СПб., 1999. С. 100–135.

⁷ О нем см.: *Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков.* Каталог гомилий / сост. Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогов, А. Валевичус. СПб., 1998. С. 46–47 (№ 104).

⁸ Там же. С. 138–139 (№ 421).

1-го Послания апостола Павла имеются в их оригинальных текстах — поучениях Иоанна Златоуста: 23-й гомилии на 1-е послание к коринфянам (PG, t. 61, col. 192–193) и гомилии «Περὶ ἀμαρτίας καὶ ἐξαγορεύσεως» (PG, t. 63, col. 733), но не были включены в славянские переводы.

Что же касается учительных произведений, составлявшихся уже на славянской почве, то здесь цитата могла подвергаться различным трансформациям, что, в свою очередь, влияло и на использование лексических средств.

Определенному сокращению подвергся евангельский текст в двух памятниках псковской книжности первой половины XVI в. В посвященном борьбе с купальскими обрядами послании игумена псковского Елеазаровского монастыря Памфила наместнику московских великих князей во Пскове князю Дмитрию Владимировичу Ростовскому, помещенном в Псковской первой летописи под 1505 г.⁹, говорится: *Яко же древле согрѣшиша людие, не восхотѣша закона хранити, седша ясти и пити, и востав начаша играти и прогнѣвати беззаконием своим: сих же пожре земля живых во един день 20 000 и 3000* (Пск. лет. I, л. 656, с. 91). Ср. в «Похвале преподобному отцу нашему Ефросину, новому чудотворцу», завершающей Житие Ефросина Псковского в редакции псковского книжника середины XVI в. Василия-Варлаама¹⁰: *плотскую бо трапезу иногда седоша людие ясти* [в другом списке добавлено: *и пити*], *якоже пишется, и по сътотости възставше и насыщѣшаго* [в другом списке: *насытившаго*] *их Бога забывше, наченше играти безчинством, и падоша трупиа их на пустыни*. Словесную же духовную трапезу неции ядуще, и сладостью насыщаеми и умиляеми, многаши хлеб свой снести забывши (Жит. Ефр. (Вас.), с. 227). Здесь евангельская цитата используется как первая часть антитезы при противопоставлении телесной и духовной пищи, а логической связи обеих частей во многом служит введение в текст цитаты причастной формы глагола «насытити» (с ней соотносится причастие глагола несовершенного вида «насыщати» во второй части антитезы). При этом по отношению к Богу употребляются формы действительного причастия, а по отношению к людям — страдательного. Показательно также, что в

⁹ Об этом произведении см.: Охотникова В. И. Памфил // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д. С. Лихачев. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 162–163.

¹⁰ См.: Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: исследования и тексты. Т. 2. СПб., 2007. С. 5–327.

обоих памятниках исчез мотив блуда и соответственно относящаяся к нему лексика.

Но гораздо чаще в славянских учительных текстах указанный отрывок из 1-го Послания апостола Павла к коринфянам распространяется дополнительными подробностями, отсутствующими в Священном Писании. Это можно увидеть на примере Домостроя¹¹, а также двух поучений, направленных против пережитков язычества, сохранявшихся у славян после принятия христианства: «Слова некоего христоробца и ревнителя по правой вере» и «Почуения Иоанна Златоуста о играх и плясании». Эти тексты входили в состав славянских сборников устойчивого содержания: «Слово некоего христоробца и ревнителя по правой вере» встречается в сборниках Златоуст и Златая Цепь¹², а «Почуение Иоанна Златоуста о играх и плясании» входило в Измарагд первой (глава 27-я) и второй (глава 12-я) редакций¹³. Ранние списки этих двух памятников можно обнаружить также в Паисиевском сборнике начала XV в. (ОР РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 4/1081)¹⁴, в котором значительное место занимает тема борьбы с пережитками язычества и двоеверием. «Слово некоего христоробца и ревнителя по правой вере» является 6-й главой Паисиевского сборника (л. 28 об.–35), а «Почуение Иоанна Златоуста о играх и плясании», в Паисиевском сборнике озаглавленное «Слово Исаково», — 18-й главой (л. 62–64 об.).

Если сравнивать евангельский текст во всех названных памятниках, то в «Слове некоего христоробца и ревнителя по правой вере» он цитируется довольно близко к оригиналу: **ѡко ж во пнше(т) сѣдоша во лю(дн)є пити ї гаси. не в законъ но во оупої и бѣша пыани. ї вѣсташа їгра(т) и соблуднша со ближники свои[ми] ї того дни погнбе їхъ.**

¹¹ Библиографию работ, посвященных Домострою, см.: Булакин Д. М., Колесов В. В. Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. С. 323–333.

¹² См.: Vorläufiger Katalog Kirchenslavischer Homilien des Beweglichen Jahreszyklus. Aus Handschriften des 11–16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provinienz / Zusammengestellt von Tat'jana Čertorickaja unter der Redaktion von Heinz Miklas. s. l. 1994. S. 509 (под номером 62.0.01).

¹³ См.: Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков. С. 107 (№ 309); Пудалов Б. М. Литературная история 1-й («Древнейшей») редакции Измарагда // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. № 2. М., 2000. С. 84.

¹⁴ Относится к числу сборников смешанного состава. См.: Лихачев Д. С. Текстология. 3-е изд. СПб., 2001. С. 244.

к̄. і. х̄. за свое неістовое п[ь]яньство (Паис. сб., л. 31 об.: 17–л. 32: 5)¹⁵. Если не считать ошибки в передаче числительного, которая свойственна и другим спискам «Слова некоего христороубца»¹⁶, то отличия от евангельского текста заключаются в одном: составитель «Слова некоего христороубца» подчеркнул, что наказание последовало за чрезмерное пьянство, так как наказанные пили «не в закон, но в упой» (то есть до опьянения). Последнее является одним из общих мест славянских поучений против пьянства, на связь которых с поучениями против пережитков язычества обратила внимание В. Н. Калиновская¹⁷.

Так, в одной из редакций «Слова святых отец о пьянстве», которая, согласно наблюдениям В. Н. Калиновской, помещается обычно в Измарагде второй редакции¹⁸, содержится следующее обращение: **В братна вернага и сестры. пияньства вегати а не питна. испивати же мало. Еже в законъ и в подобно время** (Триф. сб., л. 123 об., 1 стб.: 47–50)¹⁹. Следует также отметить, что незаглавленный (в качестве заглавия фактически выступает первая строка текста: **с̄тнї ѿцї оуставї (ш) [а]**), написанная большими киноварными буквами) список этого поучения находится и в Паисиевском сборнике (л. 95 об.–99), но он относится к другой редакции «Слова святых отец о пьянстве», помещаемой обычно в Измарагде первой редакции²⁰. В нем адресатам поучения рекомендуется только **на празники же велики (а) пиро (в). не твори (т)**.

¹⁵ Следует отметить, что край л. 32 Паисиевского сборника оборван, поэтому некоторые буквы оказались утраченными. Они были восстановлены «по догадке» Н. С. Тихонравовым, опубликовавшим «Слово некоего христороубца» по списку, находящемуся в Паисиевском сборнике, см.: *Тихонравов Н. С.* Летописи русской литературы и древностей. Т. 4. СПб., 1862. С. 89–91. В приведенной нами цитате конъектуры Н. С. Тихонравова помещены в квадратных скобках.

¹⁶ См.: *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. М., 1913. С. 43, 47.

¹⁷ *Калиновская В. Н.* К изучению древнейших русских поучений и слов против пьянства // Древнерусская литература. Источниковедение: Сб. науч. трудов / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1984. С. 55–63.

¹⁸ Там же. С. 58–59.

¹⁹ Здесь это поучение цитируется по его незаглавленному списку, находящемуся в Трифоновском сборнике (ОР РНБ, Софийское собрание, № 1262) начала XV века (л. 123–124), близость которого по составу и тематике Паисиевскому сборнику неоднократно отмечалась, см.: *Алексеев А. И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV–начала XVI в. СПб., 2002. С. 72–79.

²⁰ *Калиновская В. Н.* К изучению древнейших русских поучений и слов против пьянства. С. 58–59.

ї пѣяньства вѣгати. їспити мало ї бяюсти дѣша своа (Паис. сб., л. 97: 19–л. 97 об.: 3).

В главе Домостроя «Како кормити приходящихъ в дому своемъ, з благодарениемъ, з домочядци» (в Домострое первой редакции она является 15-й, в Домострое «сильвестровской» редакции — 11-й) при описании того, каким образом должна устраиваться трапеза, недопустимость пиршественных излишеств (в особенности песен, плясок и различных игр) иллюстрируется той же цитатой из 1-го Послания апостола Павла к коринфянам: «и егда жидове в пустыни сѣдоша ясти и пити, и объядшися и упившися и всташа играти и блудъ творити, и тогда пожре земля их 20 000 и 3000» (Дм., с. 23)²¹. В Домострое рассматриваемый отрывок дополнен еще некоторыми деталями, отсутствующими в библейском тексте. Так, о наказании отступившихся иудеев говорится, что они не просто погибли, но были поглощены землей.

В этом отношении наиболее близким Домострою оказывается «Поучение Иоанна Златоуста о играх и плясании», список которого в Паисиевском сборнике имеет заглавие «сло(в)[о] нсаково» (Паис. сб., л. 62–64 об.): сѣдоша во ре(ч) лю(ди) є части ї пи(т). не в сътвость но во оупої. и вѣша пѣяни ї вѣсташа пласа(т). со ближни(к) своїми. ї по пласѣ начаша блу(д) твори(т). со сестра(м). и съ чюжими женами. ї в томъ ча(с) расѣде са земла. за тотъ грѣ(х). ї пожре ихъ .кѣ. чысачи (Паис. сб. л. 64 об.: 7–16). Находящийся в Паисиевском сборнике текст представляет собой один из наиболее ранних списков «Поучения Иоанна Златоуста о играх и плясании». Публикация некоторых списков памятника, осуществленная Н. М. Гальковским, показывает, что списки, помещаемые в первой и второй редакциях Измарагда, имеют некоторые текстуальные различия²². Наблюдения над содержанием списка, находящегося в Паисиевском сборнике, показывают, что в текстологическом отношении он ближе спискам Измарагда первой редакции, но хронологически является более ранним, чем

²¹ Здесь и далее цитируется первая редакция Домостроя по изданию, подготовленному В. В. Колесовым и В. В. Рождественской (Дм., с. 5–87). Соответствующий текст второй, «сильвестровской», редакции Домостроя имеет лишь незначительные отличия в порядке слов и некоторых морфологических формах (Дм., с. 93).

²² См.: Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. С. 186–190. Список памятника, находящийся в Паисиевском сборнике, Н. М. Гальковский не учитывает, по-видимому, он остался ему неизвестным. До настоящего времени отсутствует текстологическое исследование, которое охватывало бы все сохранившиеся списки этого памятника.

опубликованные Н. М. Гальковским списки XVI в. из собрания Троице-Сергиевой лавры. Показательно и то, что в более поздних списках, находящихся в Измарагде первой (НИОР РГБ, собрание Троице-Сергиевой лавры, № 204) и второй (ОР РНБ, собрание Погодина, № 1019) редакций, рассматриваемое место содержит еще большее количество добавлений к библейскому тексту по сравнению с Паисиевским списком: **сѣдоша бо рече (ч) людие. гаси и пити, и быша сыти и пианы. и вѣсташа играть пласаньемъ. и по пласаніи начаша блѣдѣ творити. с чюжими женами, и снохами. и со гатровыми, и с кѣмами, и потомъ пристѣпиша ко идоломъ, и начаша жерътвѣ [так!] приносити, идоломъ, и томъ часе разделиша сѣ земля, и пожре и (х) в.** [следует читать: «две тьмы»; буква **в** помещена в круг] и **хг** (Измарагд 1-й ред., л. 54: 17–л. 54 об.: 7); **сѣдоша бо рече людіе гаси и пити и быша сыти и пїаны. и восташа играти. и по пласаніи начаша блѣ (д) творити с чюжими женами и с сестрами. и пото (м) пристѣпиша ко идоло (м), начаша жерътвѣ приносити и (м). и в то (м) часѣ ра (з) стѣпи сѣ земля и пожре и (х) двѣ тмы и три тысяци** (Измарагд 2-й ред., л. 26: 4–12).

Лингвистический анализ рассматриваемого текстового фрагмента показывает, что в обоих поучениях, находящихся в Паисиевском сборнике, он вводится особыми речевыми формулами: *яко же (е) бо пишет* («Слово некоего христороубца»), *рече (е)* («Поучение Иоанна Златоуста о играх и плясании»), которые являются характерными лексическими средствами выделения цитат в древнеславянских литературных текстах. В Домострое же цитатный характер приведенного отрывка особым образом не показывается, он органично включен в текст памятника. Как замечает В. В. Колесов, «в тексте Домостроя вообще слишком многое только называется., на многое намекается — через незаконченную цитату, хорошо известную реминисценцию из Писания, традиционную формулу или поговорку»²³. Единственным косвенным указанием на цитатный характер отрывка может считаться употребление в Домострое на месте слова *людие*, соответствующего в обоих поучениях греческому *λαός* 'народ', этнонима *жидове*, который можно воспринимать как своеобразную отсылку к событиям библейской истории. В остальном представляется очевидным и содержательное, и стилистическое сходство текста Домостроя с указанными поучениями. На уровне морфологии оно проявляется в употреблении форм аориста для передачи последо-

²³ Колесов В. В. Слово и текст в древнерусской традиции // Колесов В. В. Слово и дело. Из истории русских слов. СПб., 2004. С. 174.

вательно совершавшихся в прошлом действий. Кроме того, и в Домострое, и в обоих поучениях в отличие от евангельского текста говорится также о «результате» порицаемой трапезы, но если в поучениях употребляется аористная форма *быша пъяни* (в списках, находящихся в Измарагде: *быша сыти и пъяни*), то в первой редакции Домостроя на ее месте находятся действительные причастия *объядшися* и *упившися* в функции второстепенного сказуемого, что является одной из характерных особенностей языка церковной книжности. Этот факт соответствует отмеченному В. В. Колесовым в Домострое явлению архаизации текста со стороны формы сравнительно с исходными текстами²⁴.

Показательны и результаты сравнительного анализа словоупотребления в рассматриваемых текстах. Здесь наблюдается значительное сходство, особенно между Домостроем и «Почуением Иоанна Златоуста о играх и плясании», причем наиболее ярко оно проявляется в лексике, восходящей к древнейшему периоду существования литературного языка славян. Так, в обоих этих памятниках, так же как и в цитированном выше послании псковского игумена Памфила, можно видеть одинаковое употребление глагола *пожръти*, который в значении ‘поглотить’ употреблялся уже в старославянском языке: **и штъврѣзе земла оуста своѣ, и пожръти (sic!) рѣкоу** (Апокалипсис по сербскому списку XV в., цит. по: SJS, т. 3, с. 112). В русском языке этот глагол постепенно выходит из употребления и заменяется однокоренным глаголом *пожрать*. По крайней мере наиболее поздние фиксации этого глагола в значениях ‘съесть, проглотить’ и ‘поглотить, скрыть в своих недрах’ относятся к концу XV в. (если не считать ранних памятников, сохранившихся в списках XVI–XVII вв., как «Моление» Даниила Заточника и «Христианская топография» Козьмы Индикоплова; см.: Срезневский, т. 2, стлб. 1084, СлРЯXI–XVII, вып. 16, с. 104–105). В «Словаре церковнославянского и русского языка», вышедшем в 1847 г., в качестве видовой пары совершенного вида к глаголу *пожирать* ‘съедать, поглощать; принимать в свои глубины’ указан только глагол *пожрать*, а глагол *пожръти* вообще не зафиксирован (см.: СлЦслРЯ, т. 3, с. 287).

Кроме того, и в Домострое, и в «Почуении Иоанна Златоуста о играх и плясании» одинаково употребляется и устойчивое сочетание *блуд творити*, которое также зафиксировано уже в древнейших памятниках старославянского языка, ср. в Синайском евхологии XI в.:

²⁴ Там же. С. 179–180.

аще кто помыслитъ блждъ сътворити (SJS т. 1, с. 119) или в Апокалипсисе XIV в. (НИОР РГБ, Румянцевское собрание, № 8): **и блждъ творциимъ... часть имъ въ кзерѣ горѣцемъ** (там же). Это сочетание вошло и в язык русской обиходно-деловой письменности XVII в., ср. в записи показаний на очной ставке московского стрельца П. Высотского: И он де Пронка тое жонку отвел з двора на огород и на огороде де взял еѣ у него салдат Пронка Криницын и с огорода де свел еѣ на поле за огород а *блуд* над нею *творил* ли того он [Пронка Высотский] не вѣдает (МДБП, с. 280; см.: СОРЯХVI–XVII, вып. 1, с. 190).

Отмеченное сходство в словоупотреблении относится и к остальным лексемам, встречающимся в сравниваемых отрывках. Большинство из них зафиксировано уже в древнейших памятниках славянской письменности (см. SJS), и в случае лексической вариативности в передаче евангельского текста, наблюдающейся главным образом между «Словом некоего христороубца» и «Поучением Иоанна Златоуста о играх и плясании», например: *съблудити* — *блудъ творити*, можно констатировать, что лексическое варьирование происходит в рамках одной лексической системы. Даже в тех случаях, когда отдельные лексемы и не зафиксированы словарями старославянского языка, например: *упитися* (Домострой), *упой* («Слово некоего христороубца», «Поучение Иоанна Златоуста о играх и плясании»), *плясба* («Поучение Иоанна Златоуста о играх и плясании»), можно отметить, что такие словообразовательные модели уже существовали в старославянском языке.

Сравнительный анализ способов передачи библейского текста в нескольких славянских литературных памятниках, проведенный в настоящей статье на материале отрывка из 1-го Послания апостола Павла к коринфянам, показывает, что отношение славянских книжников к тексту Священного Писания было неодинаковым. Оно варьировалось от точного цитирования, буквально следующего греческому оригиналу, как в переводе первого Слова о посте Василия Великого, до достаточно свободного пересказа, как в сочинениях, составленных на славянской почве. Часто библейский текст мог дополняться различными подробностями, отсутствующими в оригинале, но на уровне языка такие дополнения не нарушали стилистическую однородность текста, их языковые средства соответствовали норме книжно-литературного языка эпохи и в лексике, и в синтаксисе, и в морфологии.

Кроме того, проведенный анализ позволяет высказать некоторые предположения о возможных путях появления этой цитаты в раз-

личных памятниках древнерусской литературы. Есть основания полагать, что библейский текст, к которому восходит рассмотренное место в Домострое, скорее всего, использовался при составлении памятника через посредство одного из церковно-учительных текстов. Наиболее вероятно, что таким текстом-посредником было «Поучение Иоанна Златоуста о играх и плясании» в варианте, близком находящемуся в Паисиевском сборнике. Также есть достаточные основания полагать, что «Поучение Иоанна Златоуста о играх и плясании» могло послужить источником заимствования рассматриваемого нами текстового фрагмента не только в Домострое, но и в некоторых других памятниках средневековой русской литературы, в частности в Послании игумена Памфила. Это послание, посвященное борьбе с купальскими обрядами, близко по тематике «Поучению Иоанна Златоуста о играх и плясании»; поэтому вполне закономерным представляется включение в него парафраза той же библейской цитаты, которая, по-видимому, привлекала внимание славянских книжников, борющихся с пережитками язычества, не только в силу авторитета Священного Писания, но и по причине яркого изображения наказания грешников, и потому регулярно использовалась в произведениях, направленных на искоренение языческих обрядов и верований.

Сокращения

- Дм. — Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов и В. В. Рождественская. СПб., 1994. (Сер. «Лит. памятники»).
- Жит. Ефр. (Вас.) — Житие Ефросина Псковского в редакции Василия-Варлаама // Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: исследования и тексты. Т. 2. СПб., 2007. С. 152–230.
- Измарагд 1-й ред. — Измарагд (первой редакции) // НИОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. № 204. XVI в. (по фотокопии, размещенной на сайте www.stsl.ru).
- Измарагд 2-й ред. — Измарагд (второй редакции) // ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1019. XVI в.
- МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.
- Новый Завет — Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Издание Московской патриархии, 1989.
- Паис. сб. — Паисиевский сборник слов и поучений // ОР РНБ. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря. № 4/1081. 1-я пол. XV в.
- Пск. лет. I — Псковская первая летопись. Продолжение Погодинского списка // Псковские летописи / изд. А. Насонов. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 74–112.

- Пят. Моис. — Пятюкнижие Моисеево // НИОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. № 1. XIV в. (по фотокопии, размещенной на сайте: www.stsl.ru).
- Сб. поуч. — Сборник творений Отцов церкви, преимущественно Иоанна Златоуста // ОР РНБ. Собрание Кирилло-Белозерского монастыря. № 116/241. Нач. XV в.
- СлРЯXI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.
- СлЦслРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Т. 1–4. СПб., 1847.
- СОРЯXVI–XVII — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1–3. СПб., 2004–2010.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.
- Триф. сб. — Трифоновский сборник (церковно-полемический) // ОР РНБ. Собрание новгородского Софийского собора. № 1262. 1-я пол. XV в.
- GNT — The Greek New Testament / ed. by K. Aland, M. Black, C. M. Martini, B. M. Metzger, A. Wikgren. 3d ed. (Corrected). Stuttgart, 1983.
- PG — Patrologiae cursus completus. Series Graeca / ed. J.-P. Migne. Т. 1–161. Parisiis, 1857–1866.
- SJS — Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae Paleoslovenicae) / hl. redaktor Jozef Kurz. Praha, 1958–1997 (перп. изд.: Т. 1–4. СПб., 2006).

И. А. Мальшева

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII В. КАК НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА»

Аннотация

В статье рассматриваются опубликованные в последние годы региональные памятники делового языка XVIII в. с точки зрения содержащегося в них нового лексического материала для «Словаря русского языка XVIII века».

Ключевые слова: русский язык, XVIII век, лексикография, Словарь русского языка XVIII века, новые источники.

REGIONAL MONUMENTS OF THE XVIIIth CENTURY BUSINESS WRITING AS NEW SOURCES FOR THE «RUSSIAN LANGUAGE OF THE XVIIIth CENTURY DICTIONARY»

Summary

The article discusses regional monuments of the XVIIIth century business language, which have been recently published, from the point of view of a new lexical material that they contain and the way it can be used for the «Russian Language of the XVIIIth Century Dictionary».

Key words: Russian, XVIIIth century, lexicography, «The Dictionary of the XVIIIth century», new sources.

Одним из главных вопросов при начале работы над Словарем русского языка XVIII в. (далее — СлРЯXVIII) стал вопрос об источниках, в том числе о соотношении источников печатных и рукописных. В статье, посвященной основным задачам СлРЯXVIII, Ю. С. Сорокин писал: «Прежде всего встает трудный вопрос о том, в каком соотношении должны находиться в ходе собирания материалов для словаря источники печатные и рукописные. Известно, что круг печатных изданий XVIII в. был уже очень широк (по далеко не полным данным

Сопикова, в XVIII в. вышло около 10 000 отдельных изданий), причем на протяжении века, от десятилетия к десятилетию, число печатных изданий бурно нарастало, особенно во второй половине века, так что на два последних десятилетия падает несколько более 5000 отдельных изданий. Следует еще иметь в виду, что значительное число различных произведений и документов XVIII в. было опубликовано в XIX–XX вв. (например, в таких изданиях, как „Полное собрание законов“, в „Сборниках русского исторического общества“, в журнале „Русский архив“ и др., в „Архивах“ Куракиных, Воронцовых и т. п.). В XIX–XX вв. были впервые опубликованы произведения Посошкова, ряд выдающихся произведений Татищева и т. д. Их тоже нельзя миновать, имея в виду составление полного словаря (подчеркнуто мной. — И. М.) языка XVIII в. Остается вопрос о том, надлежит ли при составлении этого словаря производить широкие разведки в архивах и рукописных хранилищах и привлекать последовательно материалы из еще не опубликованных документов? Как ни соблазнительна эта задача, мы не сможем ее выполнить в сколько-нибудь широком объеме и систематически; ее выполнение потребовало бы очень значительного времени. Вот почему я думаю, что при собирании материалов словаря нам следует опираться на наличный опубликованный материал, сам по себе достаточно обильный, широкий и многообразный, и прежде всего — на материал печатных изданий XVIII в. Конечно, в некоторых случаях обращения к рукописному наследию, хотя бы и в ограниченном объеме, будут неизбежны. Я имею в виду прежде всего Петровскую эпоху¹. Таким образом, обращение в первую очередь к опубликованным источникам было продиктовано объективными причинами, кроме того, многие из известных ныне рукописных памятников XVIII в. в то время еще не были введены в научный оборот.

За почти 50-летний срок создания КСлXVIII (с 1960 г.) расписаны (полностью или выборочно, в соответствии с целью использования источника) все фундаментальные и абсолютное большинство самых значимых для отражения в КСлXVIII источников, определенных при начале работы над Словарем (причем список опубликованных источников продолжает пополняться²). КСлXVIII содержит свыше

¹ Сорокин Ю. С. О «Словаре русского языка XVIII века» // Материалы и исследование по лексике русского языка XVIII века. М.; Л., 1965. С. 19. В Картоотеке Словаря русского языка XVIII века (далее — КСлXVIII) есть некоторое, очень небольшое, количество материалов из рукописных архивных источников.

² См. Дополнения к Указателю источников, публикуемые в каждом нечетном выпуске СлРЯXVIII.

2 300 000 карточек-цитат, тем не менее вопрос о пополнении КСлXVIII остается важным: при всей своей масштабности и уникальности она все же не лишена лакун.

СлРЯXVIII задумывался как лексикографическое описание те-заурусного (в перспективе) типа: «...в соответствии с определенным... общим характером и основными задачами Словаря при формировании словника в качестве исходного принимается принцип по возможности полного охвата слов (подчеркнуто мной. — И. М.), фиксируемых в источниках Словаря»³. Выполнить эту задачу можно, лишь расширяя круг значимых по своей лингвистической ценности источников, в том числе и рукописных. В этом отношении очень важны рукописные тексты, созданные в разных регионах России и находящиеся в фондах местных архивов и музеев.

В настоящее время появилась возможность подойти к разработке этого второго пласта источников, о котором говорил Ю. С. Сорокин, — источников рукописных⁴. В последние годы благодаря вузовским исследователям (Челябинск, Курган, Тобольск, Тюмень, Улан-Удэ) изучены, опубликованы, введены в научный оборот многие материалы местного делопроизводства преимущественно второй половины XVIII в. из фондов региональных архивов⁵. Ввод этих материалов в источники СлРЯXVIII имеет принципиальное значение: помимо того что они содержат нередко новый словарный материал (новая лексема, новое значение), эти источники позволяют уточнить фонетические, морфологические и семантические харак-

³ Сорокин Ю. С. О «Словаре русского языка XVIII века». С. 15.

⁴ См.: Мальшева И. А. Новые источники Словаря русского языка XVIII века // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сб. науч. трудов памяти З. М. Петровой. СПб., 2007. С. 261–275.

⁵ Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). М.; Смоленск, 2001; Памятники Тюменской деловой письменности. 1762–1796 гг. (Из фондов Государственного архива Тюменской области) / сост. О. В. Трофимова. Тюмень, 2002; Курганская старина. Материалы Знаменской церкви села Мостовского. Ч. 1–2 / сост. И. А. Шушарина, Р. П. Сысуева. Курган, 2003; Тобольская старина. Ч. I / сост. М. С. Выхрыстюк. Челябинск, 2004; Тобольская старина. Вып. II / сост. М. С. Выхрыстюк. Тобольск; Челябинск, 2005; Тобольский травник XVIII века (тобольский вариант) / под ред. Л. А. Глинкиной. Челябинск, 2004; Челябинская старина. Ч. II, III / сост. Н. А. Новоселова и Е. П. Злоказова. Челябинск, 2004; Челябинская старина. Ч. IV / сост. Е. Н. Сухина (Воронкова). Челябинск, 2005; Челябинская старина. Ч. VI. Челябинск, 2006; Ч. VII. Челябинск, 2007; Челябинская старина. Ч. VIII / сост. Л. А. Глинкина и Н. В. Глухих. Челябинск, 2007; Челябинская старина. Ч. IX / сост. О. В. Боярская. Челябинск, 2008; Памятники Забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А. П. Майорова. Улан-Удэ, 2005.

теристики, синтаксические связи слова, дать более точную хронологию отдельных языковых явлений и т. д.

Важно подчеркнуть, что слово «региональный» по отношению к источникам отнюдь не значит, что эти источники содержат преимущественно лексику узколокальную, диалектную, этнографическую и т. п. Новые источники — это документы разных жанров, созданные в местных канцеляриях (челобитные, промемории, доношения, рапорты, резолюции, инструкции, купчие, описи и т. д.). Все эти документы создавались по образцам (формулярам) центральных учреждений и содержат преимущественно лексику, свойственную канцелярскому языку того времени. Однако в местную деловую письменность более активно, чем в документы центральных учреждений, проникала лексика народно-разговорного (и просторечного) характера. Этому способствовало и то, что и в жанровом отношении региональная деловая письменность нередко более разнообразна и детальна, чем документация центральных канцелярий.

Региональные памятники играют важную роль в решении проблемы обогащения литературного языка из народно-разговорного источника, взаимодействия письменного и устного языка (в его просторечной и диалектной форме), выявления пласта общерусской лексики. Русский язык XVIII в. охватывал огромную территорию вплоть до тихоокеанского побережья, и чем больше письменных памятников, созданных в разных местах России того времени, будет исследовано, тем полнее и объективнее будет наше знание о языке XVIII в. Оценивая лингвистическую значимость региональных текстов делового письма XVIII в., Л. А. Глинкина пишет: «Привлечение провинциальных скорописных текстов позволяет глубже осмыслить динамические процессы в лексической системе как во времени, так и в пространстве, определить возможные локальные отклонения в семантике и сочетаемости слов, увидеть и почувствовать живое словоупотребление народно-разговорных и книжно-славянских элементов и пр.»⁶.

В региональных памятниках делового письма более явно, чем в документах центральных канцелярий, проявляются особенности народно-разговорной речи, профессиональных и социальных диалектов,

⁶ Глинкина Л. А. Скорописные тексты делового языка из южноуральских и зауральских архивов как источник для картотеки «Словаря русского языка XVIII века» // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сб. науч. трудов памяти З. М. Петровой. СПб., 2007. С. 130.

находит отражение лексика местного быта и промыслов (особенно в прошениях, дознаниях, челобитных и т. п.), т. е. в них содержится тот лексический материал, который в силу своей специфики не попадал в научные, публицистические, художественные и другие тексты. Привлечение региональных памятников в качестве источников СлРЯXVIII позволяет восполнить лакуны КСлXVIII, касающиеся именно этого пласта русской лексики XVIII в.

Каждый из указанных источников в той или иной мере обогащает материал КСлXVIII, как дополняя ее новыми лексическими единицами, так и расширяя новыми сведениями уже включенный в нее словарный материал.

Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. территориально связаны с Верхнеудинском, Иркутском, Нерчинском, Селенгинском; хронологически представляют документы (указы, определения, инструкции, прошения, допросные речи, протоколы, описи, купчие и др.) с 1724 по 1798 г. (в большей степени представлены 70–90-е гг.). Эти источники вводят в КСлXVIII такие слова, как *архимандричество*, *вытруска*, *долголицый*, *дрезбеговатый* (характеристика речи), *жамкать* (*жамканный*), *заборожчатый* (замок), *закрылина* 'навес', *запутно* и др.

Ожноуральские документы преимущественно конца XVIII в. дают возможность ввести в КСлXVIII слова *бритоусый*, *вкоренение*, *выпродажа*, *корытоваться* (Челябинская старина. Ч. II), *вододействуемый*, *вскрайний* (Челябинская старина. Ч. III), *безочередной*, *безочередовый*, *бракосочетать* (в СлРЯXVIII есть *бракосочетаться*: вып. 2, с. 123), *внoшение*, *внушитель*, *выштребуемый*, *домообзаводство*, *невьмогательно* (Челябинская старина. Ч. IV), *отграничивание* (Челябинская старина. Ч. VIII), *заростение*, *затесь*, *затейно* (Челябинская старина. Ч. IX), *старообрядский* и др.

Грамоты Антониево-Сийского монастыря второй половины XVIII в. представляют «важнейшие жанры монастырской бытовой письменной культуры: допросные речи, прошения, доношения, наставления, приказы, договоры, контракты, частные письма и т. п.», наиболее подробно и последовательно отражающие «специфику языкового и культурного феномена монастыря»⁷. Сийские грамоты содержат, например, следующие слова, отсутствующие в КСлXVIII: *востряк* (о деревянных чурках; в СлРЯXVIII — о человеке), *всебратственно*, *всебратственный*, *всепречестнейший*, *всесовершенный* 'бесконечный', *всеста-*

⁷ Никитин О. В. Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). С. 10.

рательный, гладколицый, достальный, дровосечный (топор), душепретительно, желобастый, занашивать ‘приносить’, засинеть (о синяке), заторгованный, карнизенный (лес), картинный (лес), маковица (о куполе церкви), молитвословить, наход ‘нападение’, нужнопотребно, обночевывать, общебратственный, общекупно, оголовь ‘верхняя часть, кольцо ключа’⁸ (в СлРЯХVIII — ‘часть конской узды’, вып. 16, с. 169), окончатся ‘умереть’, придрание и др.

Многие из этих слов восполняют определенные пробелы КСлХVIII (и СлРЯХVIII). Например, в СлРЯХVIII дан глагол *Отграничить* (прич. *отграниченный*), имеющий ту же семантику, что и глагол *Отгранить* ‘обозначить границу’, причем фиксация этого слова стала возможной только благодаря словарям — ЛВ¹ и Ад. (СлРЯХVIII, вып. 17, с. 218). В челябинских материалах (ч. VIII) содержатся слова *отграничивание*, *отграничивать*, *отграничивающий*, *отграничить*, т. е. КСлХVIII дополняется формой несов. в. (*отграничивать*), действ. прич. наст. вр. (*отграничивающий*), отглагольным сущ. (*отграничивание*), и расширяется иллюстративный материал на слова *отграничить* — *отграничивать*: Поворотя тою речкою болшью Кююзею внишь идучи оною до самага ее устья где оная впала в реку суханьшг темь **отграничивающая** межа между обеихъ заводовъ кончилась⁹; А дача земляная и лесъ принадлежитъ к тому моему заводу и по нижеписаннымъ урочищам **отграничиваютъ** оную от дачъ юрюзянскаго и симскаго заводовъ следующимъ образомъ (ч. VIII, с. 26); Въ Юрюзянской даче отъ назначиваемой исмъ **отграничиваниемъ** линии въ 350 саженьяхъ щитая расстояния то до средняго столба того коткурскаго рудника (ч. VIII, с. 27); идучи тою жъ отводною линиею которая **отграничить** симскую дачу с катавскою оставляя оную речку Курякъ в правои руке (ч. VIII, с. 27).

В ч. IX «Челябинской старины» опубликован «Повседневный журнал по должности уездного землемера Горбунова по отказному делу при Каслинском заводе. 1792 год». В этом документе в значении ‘определить границы, поставить грани’ употребляются только глагол *ограничить* — *ограничивать* и существительные *ограничение* и *ограниченность*: По каковому обстоятельству, во время **ограничения** гѣодезистомъ, изъ ихъ стариннаго владения, отхвачена немалая часть

⁸ Тотъ ключъ едва из замка вонъ достал у котораго и оголовь изломана (с. 94).

⁹ Челябинская старина. Ч. VIII. С. 21–22. Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием части и страниц. Цитаты из текстов даются в упрощенной орфографии, сохраняются выносные буквы (показаны курсивом) и буква «ять».

лесовъ (ч. IX, с. 79); По сим мѣстамъ проходилъ гѣодезистъ Мелников, но на что онъ **ограничивалъ** леса, и по какому повелѣнью, о том они не знаютъ (ч. IX, с. 79); Они остаются в незначии, почему те урочища отдѣльны изъ их стариннаго владения в **ограниченность** к турчаниновским заводам (ч. IX, с. 80); Убегая же предыдущих неправилныхъ споров, да и отъ соседственныхъ владѣльцовъ чтобы в межахъ быть согласными, **огранича** всю свою проданную землю по окружности межами (ч. IX, с. 87). Слово *ограниченность* в данном контексте имеет конкретное значение 'границы территории, какого-л. места', в СлРЯХVIII слово *ограниченность* вошло в гнездо прилагательнаго *ограниченный* 'имеющий определенные (обычно узкие) пределы, рамки', цитатный материал относит это к знанию, поэзии, кругозору (вып. 16, с. 177). Добавим, что новый материал предоставляет форму деепричастия *огранича*, которой нет в КСлХVIII.

Интересна ч. IV «Челябинской старины», в которой опубликованы документы Челябинскаго духовнаго правления послѣдней четверти ХVIII в., содержащия сведения о старообрядцах Челябинскаго округа. Старообрядцы, как приверженцы старой веры вынужденные бежать из разныхъ местъ Россіи, составляли значительную часть русскаго населенія Челябинскаго округа. Выпускъ содержитъ разнообразныя документы о расследованіи браковъ и рожденіи детей, не освященныхъ церковью, о распространеніи ереси по деревнямъ, о небывшихъ у исповѣди по несколько летъ и т. п. Подобныя материалы в отличіе отъ другихъ документовъ содержатъ определенный пластъ лексики, связанной съ религіозной сферой, в частности, они дополняютъ КСлХVIII словами с корнемъ *молитв-*: *молитвеніе*, *молитвить* 'совершать молитву, благославляя бракъ' (в СлРЯХVIII: *молитвовати* 'то же, что молиться', *молитвиться* 'получать благословеніе на бракъ', вып. 13, с. 7), *молитвоглашеннѣй*, *молитвословнѣй* (в СлРЯХVIII есть *молитвословіе* в значеніяхъ: 1. Отправленіе церковной службы. 2. Молитва, вып. 13, с. 7), *молитвословить*, *обмолитвованіе*, *обмолитвеніе*. Все эти слова употребляются в контекстахъ, связанныхъ с осужденіемъ и расследованіемъ заключенныхъ браковъ и рожденія детей безъ совершенія церковныхъ обрядовъ: У записавшаго в расколъ расколника казака Григоря Якимова сна Вандышевыхъ родилась дочь.., а какъ спросилъ по приходѣ своемъ кто ея **МОЛИТВИЛ** и крещена *л* она святымъ крещеніемъ .. отставнои казакъ и расколникъ Якимъ Вандышевъ меня спросилъ для чего де ты в домы наши входишь и спрашиваешь о рожденіи внучки моеи .. что она **МОЛИТВЕНА** и кемъ то де тебе до онаго дела негъ (ч. IV, с. 36); У крестьянина Кирилла Пашина

родился мужескъ пол .. а .. **МОЛИТВОСЛОВЕН** и крещен расколническим попом (ч. IV, с. 83); Спросили мы у ево Фадюшина, что слышали мы .. родился у сына твоего младенецъ мужеска или женска пола, и какъ ему дано имя, намъ потребно вѣдать для вѣнесения въ метричные книги, на что онъ намъ сказалъ, что де **МОЛИТВОГЛАШЕНЬ** и крещенъ попомъ нашим, .. токмо де вамъ какъ до насъ такъ и до мѣладенца никаково дѣла нѣтъ (ч. IV, с. 87); Оные отвращающияся в дома не пускають и требъ в домахъ их нами исправляемы нетъ какъ для **МОЛИТВОВАНИЯ** родилницъ такъ и крещения младенцовъ не зовутъ (ч. IV, с. 95); Того села прихожанѣ отъвратившияся отъ православные церкви для вписывания себя и ихъ семействъ въ опись къ сочинению духовныхъ росписей не впускают в дома, такъ же для **МОЛИТВЕНИЯ** и крещения младенцов не зовут (ч. IV, с. 96).

В этих же материалах отмечено прилагательное *старообрядский* (в КСлXVIII есть только существительное *старообрядец*): Оная женка Толстыхъ издавна з дочерью своею состоятъ в **старообрядскомъ** заблуждении, и оная Елѣна отъ рождения своего у православныхъ священниковъ во исповеди и у святаго причастия не бывала (ч. IV, с. 100).

Одним из интересных материалов забайкальских текстов является лексика цвета, наиболее ярко представленная в описях имущества, украденных вещей и т. п. Например, отмечены следующие прилагательные, обозначающие цвет через опосредованное указание на соответствующую реалию: *васильковый, вишневый, гвоздичный, гулинный, дымчатый, жаркий, железный, желтоклетчатый, кирпичный, лазоревый, кофейный, крапивный, лимонный, малиновый, осиновый, песочный, рудожелтый, сахарный, светло-васильковый, светло-лазоревый, темно-васильковый, темно-вишневый, темно-крапивный, темно-лазоревый, темно-малиновый, черемховый*. При всей, казалось бы, частотности этих прилагательных памятники дают новый материал для КСлXVIII.

Например, слово *железный* 'темно-серый с блеском' в СлРЯXVIII подтверждено одной цитатой 1787 г. (вып. 7, с. 104), в забайкальских памятниках оно употребляется под 1731 и 1772 гг.: В первомъ чомоданѣ китаики царственной желѣзного цвѣту дватцетъ тюнеи¹⁰, Халатъ китаики нелощенои цвету железного подбитъ дабой и китаикои торговой по поясъ в три рубли (с. 93).

¹⁰ Памятники Забайкальской деловой письменности XVIII века. С. 136. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

Прилагательное *кирпичный* ‘красно-коричневый цвета кирпича’ в Словаре подтверждается цитатой 1779 г. (вып. 10, с. 40), забайкальские памятники дают более раннюю фиксацию — 1735 г.: Иеродиаконского облачения стихарей 1 персицкой материи осинового цвѣту трафчетоу... 3 китайской материи **кирпичного** цвѣту клинчатой с круги разных цвѣтовъ оплечье соломенки лазоревой (с. 142).

Прилагательное *крапивный* в цветовом значении ‘цвета крапивы’ фиксируется в СлРЯХVIII только по данным САР¹, цитатами из текстов КСлХVIII не располагает. Благодаря новым источникам эта лакуна может быть восполнена: Ряса канфовая цвѣту коричневого побиты полы камкою кропивною подложена китаикую черною (1731 г., с. 132); Косякъ же отласу кропивного штиланною (1731 г., с. 133).

Прилагательные цвета с первой частью *темно-* и *светло-* представлены в КСлХVIII значительным количеством (соответственно свыше 50 и 20 слов), но и в этом случае новые источники содержат дополнения. В КСлХVIII отсутствуют, например, такие образования, как *темно-лазоревый*, *темно-малиновый*, *светло-васильковый*; образование *темно-васильковый* в КСлХVIII представлено только I периодом (новые материалы дают II период), *светло-лазоревый* представлено 1 карточкой-цитатой из Пут. Леп., 1772 г. (в новых источниках более ранняя дата — 1731 г.), *светло-русый* в Картотеке представлено только III периодом и САР¹ (в новых источниках более ранняя дата — 1741 г.): В первомъ ящикѣ семиланних косяковъ шесть лазоревых два алых темнолазаревых четыре лимонных два зелѣных шесть темнокропивных два жарких три желтой одинъ темновишневои... Во второмъ ящике пятиланних косяковъ красных тридцать одинъ свѣтлолазоревых десять зелѣных восемъ темнолазоревых восемъ желтых два... В первомъ чемоданѣ китаики царственной желѣзного цвѣту дватцеть тюнеи свѣтловасилковых четыре (с. 135–136); Алексѣи Слинкинъ... волосомъ светлорусъ лицомъ смугль носъ дологъ с шишкою (1741 г., с. 13).

КСлХVIII содержит большой материал на образования с приставкой *при-*, тем не менее и в этом случае по забайкальским материалам она дополняется такими словами, как *прикудреват*, *пришадровит*, *прикрючиться* (о носе, в КСлХVIII есть глагол *прикрючить* по САР¹, текстового материала нет), *прихранить*, *придрание* (в КСлХVIII есть глагол *придрать*, но только по данным САР¹, текстового материала нет): Молотовой работникъ Дорофеи Паршуков Крутихинской слободы ростом 2 аршинъ 4 вершков глаза розокие

нось кверху прикрючился лицом ряб (1741 г., с. 13); Лука Карповъ снъ Сатюков ростом 2 аршинъ 4 вершковъ волосом русъ круглолицъ пришадровит глаза серые (1741 г., с. 13); Доменной работникъ из рекруть Петръ Никитинъ снъ Козминныхъ... волосом рус прикудревать долголицъ сухощавъ востронос глаза серые (1741 г., с. 12–13). Образования с приставкой *при-* как характеристика внешности человека, вероятно, были распространены в разговорном языке, и, возможно, это особенности именно сибирской речи. Например, в нерчинских памятниках XVII–XVIII вв. отмечаются такие слова, как: *пригорбатый, пригубастый, прикарий, прикосый, прикудрявый, прикудреватый*, в сложных образованиях: *малоприсмуглый, малопришадровитый*¹¹.

Нередко новые источники расширяют сведения, содержащиеся в КСлXVIII. Так, памятники забайкальской письменности позволяют дополнить материал для семантической разработки слова *завар* ‘след ожога’¹², дополнить иллюстративным материалом (причем относящимся к более раннему времени) слова *завалина* ‘невысокая земляная насыпь вокруг наружных стен дома для его утепления’, *затворный*¹³ и уменьшительное *засовец*¹⁴, дополнить хронологически материал к слову *огурство* ‘непослушание, своеволие, упрямство’¹⁵: Алексѣи Слинкинъ... волосомъ светлорусъ лицомъ смугль носъ дологъ с шишкой приряб правая рука *от завара* по локтю в пятнахъ (1741 г., с. 13); А следовъ никаких к *тому окошку приложенных* якобы не видали, сынъ же ево Гаврило, действительно о следахъ сказываль что значились на *завалине* у того окошка чарошныя следы (1797 г., с. 97); Управителская изба... окошекъ красныхъ два... у техъ окошекъ *затворы* на петляхъ желѣзныхъ з баутами и *засовцами* малыми... дверь на желѣзныхъ крюкахъ з задвишкою две скобы *затворныхъ* (1743 г., с. 147); В избе одно окошко красное з затворомъ на крюкахъ желѣзныхъ

¹¹ Отмечено также в нерчинских памятниках XVII–XVIII вв. См.: Христосенко Г. А. Характеристика лексики Нерчинских памятников деловой письменности XVII–XVIII веков // Жанрово-стилевая специфика лексики русского языка XVI–XVIII вв. Красноярск, 1987. С. 76, 77–78.

¹² В СлРЯXVIII слово *завар* зафиксировано как термин солеварения: ЗАВАР. *Солевар. Общее количество вывариваемой за какой-л. период соли* (вып. 7, с. 171).

¹³ Слово *затворный* фиксируется в СлРЯXVIII по данным словаря Нордетета и САР¹ (вып. 8, с. 111).

¹⁴ В СлРЯXVIII дана только отсылка к САР¹ (вып. 7, с. 170; вып. 8, с. 93).

¹⁵ КСлXVIII содержит две цитаты из текстов I (до 40-х гг.) и III (после 80-х гг.) периодов, новый материал относится к середине века.

з баутикомъ и з **засовцомъ** желѣзными (1743 г., с. 147); Приехавши де мы со онымъ в брацкие улусы и требовали толко однех подводъ съ седлами и потниками... да в то ж де время за **огурство** и неисправление подвод брацкого Калтая Дакина... раза три ударил палкою (1766 г., с. 40).

Слово *мотушка* в СлРЯХVIII показано как сокращающее употребление: КСлХVIII содержит данные РЦ и Нрд. и одну цитату из расходной книги чаронского бурмистра 1710 г. (вып. 13, с. 45). Забайкальские памятники показывают употребление этого слова на протяжении всего века: Шелку китайского тритцат **мотушекъ** каждая по шести копеекъ (1772 г., с. 92); 30 **мотушекъ** шолку нанжинскаго разнаго цвету (1797 г., с. 151).

Слово *наглатко* в СлРЯХVIII подтверждается одной цитатой (*вымазать наглатко* (о трубах), I период) и сочетанием *гладко нагладко* из САР¹ (вып. 13, с. 151). Забайкальские памятники, во-первых, дают возможность включить в КСлХVIII цитату из текста, во-вторых, показывают иной контекст: У съсылныхъ же кои в работѣ находятся изъвъчно осужденныхъ... остригать на головѣ волосы и бороды **наглатко** дабы темъ ихъ можно было удержать от побѣгу и о тѣхъ знакахъ публиковать (1738 г., с. 18).

Слово *откомандировка* в СлРЯХVIII дано со знаком входа, подтверждается одной цитатой из записок Г. Державина (вып. 17, с. 250), и можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с индивидуальным образованием (что у Державина нередко), однако обнаруживается пример употребления этого слова в деловом языке Забайкалья: А на прибывшихъ изъ другихъ местъ атестаты также надобны какъ и о людяхъ да ежели случится куда **отъкомандировка** и вы обязаны оныя давать (1794 г., ч. IV, с. 25).

Слово *хлебня* 'помещение, в котором выпекается хлеб' в КСлХVIII фиксируется по многим словарям (ВЛ, ЛВ¹, САР¹, ФРЛ¹, Ад. и др.), однако цитатного материала практически нет: цитата из «Полного свода законов» за 1733 г. и цитата из «Материалов к российской грамматике» М. Ломоносова (в перечне слов). Данное слово, известное в русском языке XV–XVII вв., исследователи определяют как средне- и севернорусское, но к концу XVII–началу XVIII в. оно получает общерусское распространение, и САР¹ приводит это слово без каких-либо территориальных отсылок. Примеры употребления слова *хлебня* показали грамоты Антониево-Сийского монастыря: По утру пришел Андреи Леонтьев здешняго мнтра в **хлѣбнѣ**

и стоял у дверей а ародиакон¹⁶ Афанасеи брати хлеб резал (1769 г.); Галкина попа перевестъ в поварню, а дьякона Михайловскаго в **хлѣбню**, со всем их экипажем, а в келиях братских им не жить и работать им всякия работы хлебенныя и поваренныя воду и дрова носить (1774 г.)¹⁷.

Тюменские документы помимо фиксации новых для КСлXVIII слов (например, *напогребник* — в СлРЯXVIII представлено слово *напогребница*: вып. 13, с. 261; *подтяга* ‘подпруга’) расширили материал отдельных слов устойчивыми сочетаниями, например слово *отстава* в наречном сочетании *на отставе* ‘в стороне, в отдалении’: Крестьянин Иван Петров Некрасов подпискою объявил что... желает взять себе в той деревне Щучьей хоромное строение горницу с перерубом и с казенкой **на отставе** избу черную с перерубом с сенми **на отставе** баню три анбара **напогребник** скотской двор¹⁸; слово *отвод* ‘отведенная при межевании земля’ в сочетании *дать в отвод*: Я... приискал порозжее место... которое лежит в пуге **в дачю и отвод** никому **не отдано** (с. 525); слово *оправдать* в сочетании *оправдать себя*: На него в тех воровствах многия от исцов произошли доказательства против которых во многом он и **оправдать себя** не мог (с. 185) и др.

Представленные примеры не исчерпывают нового материала, извлеченного из региональных источников, но, на мой взгляд, позволяют судить о ценности местных памятников делового языка как важных источников изучения лексики русского языка XVIII в. и отражения ее в Словаре русского языка XVIII в.

Сокращения

Ад. — Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматикально-критического словаря г. Аделунга составленный. Ч. 1–2. СПб., 1798.

ВЛ — *Вейсманн Э.* Немецко-латинский и русский лексикон... СПб., 1731.

КСлXVIII — Картотека Словаря русского языка XVIII века (г. Санкт-Петербург).

ЛВ¹ — Новой лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках, переводу ассессора Сергея Волчкова. Ч. 1–2. СПб., 1755–1764.

¹⁶ Так в ркп.

¹⁷ *Никитин О. В.* Сийские грамоты XVIII века (1768–1789 гг.). С. 21, 52.

¹⁸ Памятники Тюменской деловой письменности. 1762–1796 гг. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

- Нрд. — Российский, с немецким и французским переводами, словарь соч. Иваном Нордстетом. Ч. 1–2. СПб., 1780–1782.
- РЦ — Российский целлариус, или Этимологической российской лексикон..., изд. Франциском Гелтергофом... М., 1771.
- САР¹ — Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.
- САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб., 1806–1822.
- СлРЯXVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–17. Л.–СПб., 1984–2007.
- ФРЛ¹ — Полной французской и российской лексикон, с последнего изд. лексикона франц. академии на российской язык перевод. собранием ученых людей. Т. 1–2. СПб., 1786.

О. С. Мжельская

ИЗ НАЗВАНИЙ ТОВАРОВ НА ПСКОВСКОМ РЫНКЕ (XVI–XVII вв.)

Аннотация

Статья посвящена анализу лексики, относящейся к сфере торговли. Объектом исследования явился рынок Пскова в XVI–XVII вв. В качестве источника сведений использованы русско-иностранные разговорники (прежде всего русско-немецкие разговорники), бывшие в употреблении у купцов, приезжавших торговать в Московскую Русь. Эти пособия содержали списки слов с толкованием их значений и образцы диалогов бытового и делового содержания, которые представляли разнообразные данные о ходовых товарах, а также об их качестве и обстоятельствах, сопутствующих купле-продаже. В диалогах достаточно широко отразилась русская обиходная речь того времени.

Ключевые слова: историческая лексикология, русско-иностран-ные разговорники, русская обиходная речь XVII в.

SOME PRODUCT NAMES IN THE PSKOV MARKET (XVIth–XVIIth CENTURIES)

Summary

The article contains the analysis of vocabulary that applies to the sphere of trade. The object of study is the Pskov market place in the XVIth and XVIIth centuries. As a source of data are taken Russian-foreign phrasebooks (first of all, Russian-German phrasebooks) used by merchants who traded in Muscovy. These handbooks include lists of words with the interpretation of their meanings along with the samples of everyday and business dialogues representing a variety of data about marketable products, their quality and sale circumstances. Russian everyday speech at that time is widely reflected in these dialogs.

Key words: historical lexicology, Russian-foreign phrasebooks, Russian everyday speech XVIIth century.

Библиотечные фонды и архивы Европы располагают группой памятников письменности XVI–XVII вв., до недавнего времени не востребованных исследователями русского языка и культуры. Это различные «пособия» и словари для изучения разговорного русского языка, которыми пользовались европейские купцы, путешественники, моряки, когда отправлялись по делам в Московскую Русь. Их составлением занимались иностранцы разного рода занятий — ученые, члены посольств к московскому царю, купцы, лекари, лечившие царское семейство, и некоторые другие лица — с помощью переводчиков и информантов по месту пребывания иностранцев. Эти «пособия» — а на самом деле записи отдельных слов, тематические словарики, образцы диалогов — во многом отражали разговорную речь средневекового русского города. Наиболее широко в них представлены Северо-Запад Руси, регионы Новгорода и Пскова, но есть и данные с Русского Севера — из Холмогор и Архангельска.

Эти источники долго не были объектом лингвистического, сравнительно-исторического и источниковедческого анализа филологов. Лишь в 20-х и 30-х гг. XX в., когда под влиянием трудов А. А. Шахматова и И. А. Бодуэна де Куртене усилился интерес к изучению явлений русской разговорной речи (Л. В. Щерба, В. М. Жирмунский, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин и многие другие ученые), записи иностранцев стали ценным источником сведений для истории прошлых языковых состояний. Трудом Б. А. Ларина¹ было доказано, что эти памятники могут считаться вполне достоверным свидетельством о языке и культуре России в XVI–XVII вв. Публикации русского ученого способствовали оживлению интереса к подобным текстам в ученых центрах Западной Европы. Усилиями Р. Якобсона, Б. Унбегауна, Д. Стоуна, Э. Гюнтер, С. Люнден, А. Фаловского и других были востребованы в библиотеках, расшифрованы, прокомментированы и опубликованы не менее 14 источников, в которых содержится около 9000 слов.

В статье используются материалы из ряда указанных источников, при этом отдается предпочтение труду Тённиса Фенне², наиболее обстоятельно и содержательно иллюстрирующему языковые явления, характерные для Пскова конца XVI–начала XVII в. — крупно-

¹ Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002 и другие работы.

² Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / ed. by L. L. Hammerich and R. Jakobson. V. II. Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

го политического, военного и торгового центра на западной границе Московской Руси³. Данные других источников, авторами которых были иностранцы, привлекаются по мере необходимости для пополнения лексических рядов, с целью уточнения звуковой и семантической сторон того или иного слова, при выяснении различных вопросов сравнительно-исторического характера; для удобства демонстрации материалов вводятся сокращенные обозначения⁴.

К описанию лексики разговорной речи древнего Пскова я не раз обращалась в своих публикациях⁵. Настоящая статья посвящена названиям наиболее важных и ходовых товаров на псковском рынке конца XVI–XVII вв.

³ Укажем лишь некоторые работы историков из многих трудов на эту тему: *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве // *Русская история*: в 5 т. Т. 5. М., 2001. С. 208–241; *Хорошкевич А. Л.* 1) Из истории русско-немецких торговых и культурных связей // *Международные связи России в XVII–XVIII вв.* (Экономика, политика и культура): Сб. ст. М., 1966. С. 35–58; 2) Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в Средние века и начале нового времени // *Псков в российской и европейской истории*: в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 33–38; *Кирпичников А. Н.* Псков в преддверии нового времени и сообщения иностранцев об этом городе // *Псков в российской и европейской истории*. Т. 1. С. 39–58.

⁴ Середина–конец XVI в.: «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Cz. II / Oprac. A. Bolek, H. Chodurska, A. Falowski, I. Kunińska. Kraków, 1997. — III; «Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert // Hrsg. von A. Falowski / Köln; Weimar; Wien, 1994. — А.; Парижский словарь Московитов 1586 г. / пер., исслед. и коммент. Б. А. Ларина // Ларин Б. А. Три иностранных источника... С. 21–174. — М.; A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue / Attributed to Mark Ridley. Edited from the late sixteenth-century manuscripts and with an introduction by Gerald Stone. Köln; Weimar; Wien, 1996. — Р.

Начало–середина XVII в.: *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian...* — Ф.; Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) / пер., исслед. и коммент. Б. А. Ларина // Ларин Б. А. Три иностранных источника... С. 175–508. — Д.; *Günther E.* Das deutsch-russische Sprachbuch des Heinrich Newenburgk von 1629. Frankfurt am Main, 1999. — Н.; *Sørensen H. Chr.* Ein russisches handschriftliches Gesprächsbuch aus dem 17. Jahrhundert. København, 1962. — К.

Конец XVII в.: *Günther E.* Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Johannes von Heemer aus dem Jahre 1696. Frankfurt am Main, 2002. — X.; *The Trondheim Russian-german MS vocabulary* / ed. by S. S. Lunden. Oslo; Bergen; Trömsö, 1972. — Т.; *Лудольф Г. В.* Русская грамматика 1696 г. Оксфорд, 1696 / переизд., перев., вступ. ст. и примеч. Б. А. Ларина // Ларин Б. А. Три иностранных источника... С. 509–658. — Л.

⁵ *Мжельская О. С.* 1) Лексика псковского рынка начала XVII в. // *Северно-русские говоры*. Вып. 4. СПб., 1984. С. 84–96; 2) Лексика и фразеология торгового койне Северо-Запада Руси в XV–XVII веках // *Северно-русские говоры*. Вып. 7. СПб., 1999. С. 53–62; 3) Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2003. С. 170–198.

Ассортимент товаров на псковском рынке характеризуют сами источники в репликах диалогов, которые должны были быть своеобразной рекламой продаваемого товара: Посмотри в мене есть *кина сукна, десять бочек вина, бархат да ртуть, сельди, яблока*, что захочиш (А., л. 89 об.); В моего товарища есть доброй товар: *сукно да сельди, да жемчуги, да перец, да шафран* (А., л. 71); В мене есть против твоему товару *воск да сало да десять сорок* [‘мешков’] *горноста-ле* (А., л. 71 об.). А так могла выглядеть «заявка» покупателя: Мене надобет *куница да конопле, да чесаной лён* (А., л. 75). Можно было и пошутить: У меня есть продажной [товар]: чётые *бумажники* [‘матрасы’], да три *хомутины*, да двѣ *рогожины*, да *кожа угориная* [‘угря’], тим товаром я великой купчина (Ф., с. 393).

Для анализа были отобраны названия следующих товаров: *меха, сукно, лён, воск, сало, соль, вино, мѣд*, а также лексика, относящаяся к оценке качества товаров.

Меха. Шкурки различных диких животных были распространенным товаром на псковском рынке XVI–XVII вв. Разговорник Т. Фенне приводит большой список животных, мех которых продавался русскими купцами: *рысь, соболи, куницы, бобры, лисицы, морманки* ‘темные (черные) лисицы’⁶, *песец, выдры, норки, хорьки, горноста-ли, ласицы* ‘ласки’, *бѣлки, заячины, свейски заячины* (Ф., с. 108), *медвѣдно* ‘шкура медведя’ (Ф., с. 112).

Отметим, что для разграничения названия самого животного и названия его меха во втором случае чаще использовалась форма множественного числа, в единственном числе названы шкуры *рыси* и *песца*, а в словах *заячины* и *медведно* использована суффиксация (-ин и -н). В разделе словарика «Дикие звери» находим обозначения в единственном числе: *бобр, соболь, куница, выдра, лисица, горно-сталь* (Ф., с. 73–74).

Далее в разговорнике Т. Фенне сообщается ряд сведений о мехе двух животных — лисицы и белки, рассматриваются качество меха и его расцветка.

Мех лисицы мог быть с *нацвѣтом* ‘седой, серебристый’, *алобура, челровата* ‘с шерстью клочками, добытая не в сезон охоты’ (Ф., с. 108). О лисицах не раз идет речь в диалогах, упоминаются случаи порчи, нехватки шкурок: Твои *лисицы* хори спортили: затѣм я их / них от тебе

⁶ В анонимном разговорнике слово выступает в огласовке *мурмонка* ‘schwart foß’ (А., л. 31 об.). В СлРЯХI–XVII слово *мурманка* представлено только в значении ‘шапка с плоской, расширяющейся к голове тульею, с меховой опушкой’, вероятно, производном от названия меха (вып. 9, с. 310).

не куплю (Ф., с. 322); Я тебе продал десять сороков *лисицы*, да один сорок ‘мешок’ неполно, сгибло в том сороку пять *лисицы*... Погоди мнѣ до завтра, я тебѣ добуду ту пять *лисицы* да доложу сорок (Ф., с. 409).

Подробно описывается в разговорнике Т. Фенне торговля беличьими шкурками. Названы сорта шкур: *чисты* или *красны* ‘высокого качества, наиболее ценные’ *бѣлки* (1 сорт) (СлРЯХІ–ХVII, вып. 8, с. 20–21), *полчисты* или *полкрасны бѣлки* (2 сорт), *средни бѣлки* (3 сорт), *молодые бѣлки* (4 сорт) (Ф., с. 109, 462). Хорошее или плохое качество меха могло определяться и другими словами: *лична бѣлки*, где *личный* означает ‘красивый на вид’, ‘хорошего качества’ (Ф., с. 109): Мнѣ надобь бѣлки *личнѣти* тих (Ф., с. 463); *подпаль бѣлки* ‘шкурка с плешинами’ (Ф., с. 109), с близким значением указаны сочетания *голуснива бѣлки*, *облиняла бѣлки* (Ф., с. 109), ср. в репликах диалогов: В твоих бѣлки мново бѣлок *подпаленых* (Ф., с. 464); Твои бѣлки *облиняли* (Ф., с. 464). Речь шла о зверьках, добытых не в сезон охоты. Качество меха могло обозначаться и оценочными прилагательными широкого значения: Я своих бѣлок на выбор не продам. Я их по один верх продам, *добры плохим* пособят (Ф., с. 463).

Шкурки продавались в мешках-сороках: Я свои бѣлки перевязать хочу в *сороку* (Ф., с. 462); Доспѣем мы одному *сороку* цѣну, да кольцо будет *сороков*, я по ту же цѣну возьму (Ф., с. 463; см. выше: «десять сороков *лисицы*»).

Сведения о торговле мехами находим в разговорнике фон Хеймера, который был составлен в конце ХVII в. в Архангельске—Холмогорах. Здесь в диалогах упоминаются *соболи*, *медведно*, *куницы*, *лисицы*: Есть ли у тебя пара *соболей* на женьску маньку? (Х., 6) — здесь *манька* диалектное слово, обозначающее ‘женская муфта’ (СРНГ: Ярослав., Влад., Волог., Пск., Твер., вып. 17, с. 366); Что дать за 3 *куницы*? (Х., л. 7 об.); Чего ты за *мѣдведно* хочешь? (Х., л. 7 об.). В последнем примере речь идет о шкуре медведя; в другом примере из того же разговорника это слово может быть понято как прилагательное ‘сшитый из шкуры медведя’: Принести ли тебѣ бѣлья шуба? *Мѣдведна* мнѣ надоть! Они сильно дороги (Х., л. 15) — окончание *-а* у слова *мѣдвѣдно* подтверждает наше предположение (ср. также: бѣлья шуба). В разговорнике снова встречаем упоминание о мехе черной лисицы: Нѣт ли у тебя выхожего *черных лисиц* лапчатого *испода*? (Х., л. 6). Издатель и комментатор этого источника Э. Гюнтер переводит слово *выхожий* как ‘очень хороший, лучшего сорта’⁷; ср.:

⁷ Günter E. Das niederdeutsch-russische Sprachbuch... S. 57.

выходной ‘хороший, красивый’ (СРНГ: Волог., вып. 6, с. 54). *Лапчатый испод* она толкует как ‘подкладка одежды, шапок, сшитая из короткошерстного меха на лапках лисицы’⁸, эта подкладка тогда была весьма дорогим изделием.

В этом источнике есть также указание на собирательное название для мехов: Кипу *мякоти* привести (X., л. 11 об.; ср.: СРНГ: *мякоть* ‘пушной товар’. Арх., вып. 19, с. 80).

Сукно. Среди тканей, представленных на псковском рынке, разговорник Т. Фенне более всего внимания уделяет сукну (67 словоупотреблений). Описываются его качество, обработка, возможные изъяны, указывается место изготовления материала. Сведения о сукне сообщают и другие разговорники, но в более сжатом изложении.

На с. 127–130 разговорник сообщает о сортах сукна и их названиях. Многие из них являются заимствованиями: *скорлат* ‘ярко-красное дорогое сукно’ (ср. итал. *skarlatto*, Фасмер, т. 3, с. 634); *аспид* ‘грубая домотканная желтовато-коричневая или красно-коричневая ткань, по цвету напоминающая яшму’ (ср. греч. *ἄσπις*); *брюкиш*, *полубрюкиш* ‘шерстяная ткань из города Брюгге, Бельгия’; *плисина* ‘грубая шерстяная ткань с ворсом’, название образовано от слова *плис* (заимствовано через голландский или немецкий языки из французского *peluche* ‘плюш’, Фасмер, т. 3, с. 282); *яренки* (Ф.), *еренок* (А., л. 50) ‘сукно из шерсти *ярки* (молодой овцы) первой весенней стрижки’ (ср.: *яретина*, *олон.*, *арх.*, *вят.* ‘первая шерсть с ярки’, Даль, т. 4, с. 680); *сермяжное сукно* (Ф.; Т., л. 63 об.) ‘домотканное грубое некрашеное сукно’, в том же значении приведено и сочетание *серое сукно*. Этимология слова *сермяга* остается неясной, *бѣльчена* ‘белая шерстяная ткань’.

Далее разговорник Т. Фенне приводит двучленные названия тканей, где первое слово (прилагательное) указывает на место изготовления: *лунское сукно* ‘английское’; *ипское сукно* ‘из города Ипр (северо-запад Бельгии)’, *амборское сукно* ‘из города Гамбург (средневековое нижненемецкое название города — *Hamborg*)’; *норское сукно* ‘из Норвегии’; *дерменское сукно* ‘из города Дортмунд (Германия)’; *любское сукно* ‘из города Любека (Германия)’ (А., л. 49 об.). Заметим, что для удобства читателя в названиях тканей добавлено слово *сукно*, тогда как в рукописи разговорника даны только прилагательные *лунское*, *ипское* и т. д., что указывает на употребление этих слов в разговорной речи как субстантивов.

⁸ Там же.

Сукна, продаваемые на рынке, были самых разных расцветок: *чёрное, бѣлое, красное, черлёное* ‘ярко-красное’, *багровое* ‘светло-коричневое, цвета ржавчины’, *бурое, дымчатое* ‘цвета золы’, *сѣрое, зеленое, темнозеленое, желтое, рудожелтое* ‘оранжевое’, *голубое, бѣлоголубое, лазуревое* ‘интенсивно синее’, *сине, глинной и кирпичной цвет* ‘цвет мяса’; *дикой цвѣт* (Ф.; А., л. 50) истолкован как ‘кричащий, слишком яркий’, но здесь ошибка составителя разговорника, которую повторили и издатели (*glaring color*), в русском языке это название ‘серого’ цвета (см.: СлРЯХI–XVII, вып 4, с. 245; СлРЯXVIII, вып. 6, с. 130).

Качественным сукном на рынке признавалось плотно сотканное сукно, непроницаемое для сырости. Мой (так!) сукно *тяжское* (Ф., с. 453). Прилагательное *тяжкий* в соответствующем значении не отмечено словарями. Его значение устанавливаем из перевода фразы на немецкий язык «*ist dicke*». Очевидно, что сукно ‘плотно соткано, свалено, а потому тяжелое’, на него пошло много шерсти. В разговорнике Т. Фенне представлены еще три прилагательных, которые также характеризуют качество сукна со стороны его плотности, но употреблены они в отрицательных предложениях: Твой (так!) сукно не *точно, рѣдко* твой (так!) сукно (Ф., с. 456). Во фразе используется прилагательное *точный*, которое толкуется через сопоставление с прилагательным *редкий*, но у самого слова *точный* никаких значений, подходящих к этому контексту, в словарях не нашлось. Однако значение ‘плотный’ подтверждается немецким переводом: *ne точно* «*ist nicht dicke*».

Во втором контексте, где дается оценка качества сукна, используется прилагательное *удельный*: Сам видишь, что твои сукна не *удѣльни*, и ты цѣну у их не убавишь да худи сукна к добрым прировнеиш (Ф., с. 458). В. И. Даль предлагает следующее значение глагола *удельывать*: ‘улаживать, устраивать, уряжать, особенно снаружи’ (т. 4, с. 475). В его примерах речь идет о строениях, тюках товаров. В нашем случае придание вещи привлекательного вида касается ткани; такое понимание контекста подтверждается переводом на немецкий язык «не удѣльни» — «*nicht woll beredt sin*» — ‘плохо подготовлены, представлены’.

В третьем примере — Твой (так!) сукно не *утло* (Ф., с. 456) — используется прилагательное *утлый* ‘ветхий, худой, дырявый’ (Даль, т. 4, с. 520; то же значение у И. И. Срезневского ‘не крепкий, не прочный; рваный, ветхий’, (т. 3, слб. 1323). Это значение хорошо подходит к данному контексту, где утверждается, что сукно ‘хорошего качества,

не ветхое', однако рядом находим немецкий эквивалент «iſ nicht dichte» — ткань плохого качества. Недоразумение снимается сравнением текста в разговорнике Т. Фенне с соответствующим местом в другом разговорнике — Т. Шrove, представляющем более ранний (приблизительно 1546 г.) вариант того же разговорника. В нем этот контекст записан так: Твоё сукно утло (Ш., л. 15 об.). Таким образом, становится ясно, что Т. Фенне или переписчик его разговорника написал лишнее не («не утло»), как и в других, рядом стоящих примерах, а толкование контекста на немецком языке было правильным.

Подробно описаны другие возможные недостатки ткани, случаи ее порчи: Твой (так!) сукно *линяет* (Ф., с. 453); Твой (так!) сукно без *кромок* (Ф., с. 453); Твои сукно *хорь изъел* (А., л. 77 об.); Твои сукна *цвѣт / лице скинули* (Ф., с. 454) — 'изменилась (или исчезла) окраска обращенной наружу стороны ткани'; Твои сукна *смялись / моршковаты*, мнѣ их не любо купить (Ф., с. 454), ср.: *морхи* 'складки, неровности на одежде' (СРНГ, Сиб., Арх., вып 18, с. 280; *морховатый* 'неровный, шероховатый', там же, Пск., Твер.); Твое сукно *пролежалося* 'состарилось, потеряло свое качество в результате долгого хранения' (А., л. 72 об.) — «ist voroldet».

На похвалы своему товару купцы не скупились: Есть у меня всякки сукна, поди со мной да посмотри, каково тебѣ сукно надобѣ против твоёво товару (Ф., с. 459); Посмотри от моёво сукно (так!) лица да наничья: мой (так!) сукно добро, свѣжѣ (Ф., с. 455); Есть у меня чѣтыре постава сукна с искрой да три постава свѣтлозелѣна, да десять поставов тѣмнозелѣна, да три постава лично, да тѣ игрушки, вельми добры (Ф., с. 451), здесь приведем перевод к слову *лично*: «schon van faruen» — 'красивой окраски'.

Разговорник Т. Фенне сообщает и об обработке сукна: Мои сукна за морем *мочены* и *стрижены* (Ф., с. 451); Ворса *пристрижена* (Ф., с. 130); Мои (так!) сукно *пострижено* (А., л. 50). Завершение обработки ткани могло происходить и по приезде на рынок: Мой (так!) сукно еще *не стрижено* (Ф., с. 451); *Мочи* тѣ два постава сукна (Ф., с. 452); Мои сукна еще *не крашѣны* (Ф., с. 456); Я свои сукна дам красильнику *красить* (Ф., с. 456).

Для обозначения размера куска сукна употреблялись слова *постав* 'кусок ткани в виде трубки, снятый с ткацкого станка' (Ф., с. 451; СРНГ, вып. 30, с. 207); *кипа* 'кусок, рулон, крупная упаковочная мера' (Ф., с. 129); *аршин* — Почему аршинѣ от того багрового сукна? (Ж., л. 6 об.); *локоть* 'мера длины, равная приблизительно 0,5 м' — Колько ты *локоть* тово сукна отмѣрил? (Ф., с. 452); Отдери

мене от того сукна дватцетъ *локоть* (А., л. 88 об.). Но среди этих традиционных терминов встретились и очень редкие по сочетаемости и значению слова: Продай мнѣ третій *жеребий* тово товару (Ф., с. 459), где *жеребий* — ‘часть, доля’ (ср.: СлРЯХІ–ХVII, вып. 5, с. 91); Есть ли у тебя *участок* сукна продажной? Надобь мнѣ дасть (так!) однорядка сшить (Ф., с. 460), здесь *участок* — ‘кусок’ ткани, ср. немецкий перевод: «*eun stuueken*». В. И. Даль отмечает: *участок* ‘часть, доля, отделенный кус’. Зажарь этот участок говядины (т. 4, с. 527).

В диалогах описываются отдельные действия, совершаемые в процессе продажи сукна, которые передают повседневные заботы торговцев: Мои сукна *перепечатаны* (Ф., с. 454), *перепечатаны* ‘помечены печатью’ (таможни ?); *Распори* сукно, я ёво *перемерю* (Ф., с. 452); Я тово сукна *отмѣрил* тритцетъ локот с локтѣм да четвертина локти (Ф., с. 452); *Мѣри* вдоль да посмотри колько станет долинь (Ф., с. 455); *Мѣри* поперѣк да посмотри, колько станет шириной (Ф., с. 456); Нѣт ли у тебя сукно (так!) *шире* тово? (Ф., с. 455); Нѣт ли у тебя сукно (?) *поуже* тово? (Ф., с. 455); Не *щупай* моёво сукна да не *счерни* их (так!) (Ф., с. 460); *Закрой* сукно да не *рудитса* [‘пачкается’] (А., л. 72 об.).

Некоторым товарам, произведенным в России, разговорники уделили меньше внимания.

Лен. Европейские купцы покупали на псковском рынке волокно льна для производства на своей родине полотна высокого качества, но они мало вникали в его обработку, которая проходила в крестьянских хозяйствах. Очевидно поэтому словарик разговорника Т. Фенне содержит только 12 слов (Ф., с. 117, 17 словоупотреблений), касающихся покупки-продажи льна (в других разговорниках — единичные примеры). Пояснения к этим словам на нижненемецком диалекте и комментарии издателей на английском языке кратки и не позволяют уточнить возможные оттенки смысла в близких по значению словах.

Сырец-лѣн ‘сырье, необработанные стебли льна’; *чесаной лѣн* ‘обработанное волокно льна, освобожденное путем вымачивания, трепания и чесания от оболочки, коры стебля’ (А., л. 53). Два других слова *волокно* и *церковный лѣн* также обозначают ‘обработанное волокно’, продукт высокого качества (нем. *harle*), но прояснить название *церковный лѣн* нам не удалось. К этой группе названий отнесем и *выбыгмо* ‘лен, высушенный на открытом воздухе, на ветру’ (СРНГ, вып. 5, с. 250).

Затем у Т. Фенне приведены слова, которые называют волокно льна низшего сорта, используемые в хозяйстве: *куделя*, *отрепи*,

костки и *хлопья*, все слова определены немецким словом *hede* ‘пакля’. *Куделя* по данным «Псковского областного словаря» ‘волокно льна, приготовленное для прядения’ и ‘грубое волокно, пакля’ (ПОС, вып. 16, с. 326)⁹; *отрепи* ‘отходы после трепания льна, которые используют для изготовления мешков, половиков’ (СРНГ, вып. 24, с. 293–294); *костки* ‘измельченная кора стебля льна, отстающая после вымачивания, трепания и чесания льна’ (ПОС, вып. 15, с. 330), отсюда *костливый лен* ‘засоренный частицами коры стебля’.

Данные «Псковского областного словаря» хорошо комментируют употребление приведенных в разговорнике Т. Фенне слов: *Лён* стябали, *костки* выбивали. *Пыт.*; Как станит *валакно* от *коски* отпрыскивать, так из *мачила* и *вытаскивают*. *Он.* (ПОС, вып. 15, с. 330); После *мялки* льна *треплим* ево и *чешым* — вот эта будит *кудель*. *Пск.*; С *кудели* бубальки, *узелочки* *счешэш* — буде *харошэе валакно*, из *няво* *нитачки* как *волас* *прядёш* (ПОС, вып. 16, с. 326).

Меры веса и объема волокна: *связка*, *повёсмо*, *пятки*, *берковец*. В основе значений этих мер лежит представление о *горсти* ‘пучок сжатого льна; количество, которое захватывается в одну горсть’ (СРНГ, вып. 7, с. 70–72). Само слово у Т. Фенне в этой группе терминов не упомянуто, но оно используется при толковании других слов: *повёсмо* ‘мера волокна, которая может равняться одной или несколькими горстям’ (СРНГ, вып. 27, с. 231), у Т. Фенне — *riste* ‘столько, сколько в один раз закладывают в чесалку для льна’; *пяток*, *пятки* ‘связка волокна в 50 горстей’; *берковец* ‘мера веса, равная 10 пудам’.

Примеры употребления лексики, относящейся к торговле льном, в диалогах немногочисленны: С *лёном* ли ты *прибѣхал* аль с *иным товаром*? (Ф., с. 437); *Колько* твой *лѣн* *потянул*? (Ф., с. 378); *Топчи лён в бочку* (А., л. 80); *Бочка с лёном* *россыпалось* (так!), да *лѣн* *весь* *измялся* / *измочился* / *изгрязнился* (Ф., с. 391); Я *иду* свой *лѣн* *притиснуть* / *притискать* да *притиснув* *прочь* *пошлю* (Ф., с. 282); *Которой лён костлив* или *пухлой* *хочу* *выкинуть* (А., л. 80); *Твой лён костлив*, *нечист*; *отрепий* в ём *много* (Ф., с. 282); *Мене* *надобет* *куница* да *конопле* да *чесаной лён* (А., л. 75); *Есть* у *меня* *50 берковцов лну* (А., л. 75).

Воск. Все разговорники отмечают это слово в своих списках товаров, но более подробно о нем дают сведения только разговорник Т. Фенне (10 словоупотреблений) и анонимный разговорник (7 словоупотреблений). Традиционный способ оформления этого вещества для

⁹ В Словаре Ридли (1599 г.) допущена ошибка: *кудела*, а spindle ‘веретено’: A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue. P. 193.

продажи называет разговорник Т. Фенне: *круг воску, кружок воску* (Ф., с. 116). Некоторые действия и обстоятельства, касающиеся продажи этого товара, упоминаются в диалогах: *Есть у меня пять кругов воску* продажново (Ф., с. 434); *Почему пудъ воску?* (Х., с. 8); *Колико берковец потенул твои воск?* (А., л. 74); *Положи на земли да начеркни на воск колико берковец тенул твои воск?* (А., л. 74 об.; Ф., с. 310). Тронхеймский разговорник отмечает *печатной воск* ‘воск для изготовления печатей’ (Т., с. 82). Есть и замечания о плохом качестве: *Твой воск не чист, мервы в нем много* (Ф., с. 313), *мерва* ‘нечищенный, нетопленный воск’ (ПОС, вып. 18, с. 154), у Т. Фенне — «was dreck» (Ф., с. 116).

Сало. Сведения об этом слове кратки, хотя его отмечают многие разговорники: *сырое сало, топленое сало, бочка сала, кружок сала* (Ф., с. 117, 7 словоупотреблений), *топленое сало*, также в тронхеймском разговорнике отмечено *ворванье сало* ‘сало, полученное из тушки тюленя’ (Т., с. 64, также: Ф., с. 116). Непременно упоминается о плохом качестве продукта: *Твое сало не чисто, изварин в нём много* (Ф., с. 313), *изварина* ‘кусочки сала, оставшиеся после его вытапливания’ (ПОС, вып. 13, с. 200).

Соль. Одним из распространенных товаров на псковском рынке была соль. Ее ввозили морем из Европы. Разговорники сообщают только о привозной соли, хотя на рынке могла продаваться и своя отечественной разработки соль, о добыче которой сообщают многочисленные московские деловые документы. Разговорник Т. Фенне называет несколько сортов привозной соли, отличающихся определенными особенностями, но установить эти различающиеся черты качества в полной мере не удалось за недостатком материала: *сѣрая соль, бѣлая соль, красна соль* ‘красноватого оттенка’, *крупна соль* (Ф., с. 115, всего 29 словоупотреблений).

Для соли была установлена, как и в Европе, единица измерения веса — *ласт*. Эта мера использовалась и в Англии, и в германских государствах. Она могла соответствовать весу от одной до трех тонн. Для соли она равнялась приблизительно 4000 английских фунтов (1600 кг). Можно было измерять вес соли и в *берковцах*.

Самой распространенной упаковкой и мерой объема были *мешки*, но встречается и упоминание *бочек*.

В диалогах торговли солью на псковском рынке получила достаточно широкое отражение: *Кораблѣв много пришел с солью да продаю ласт по тридцати гривен* (Ф., с. 362); *Народ еще не скапился, да соли цѣны еще не устави* (Ф., с. 362); *Соль опале да опеть дораже буде* (Ф., с. 320); *берковец соли* (А., л. 53); *Мѣх с солью* розвязалось

(так!) (Ф., с. 391; также: А., л. 53); Твои *мѣхи соли* набиты да из погребка выкладены, и ты пошли... по вѣсчево (Ф., с. 428); *Бочка с солью* розсыпалось (так!) да *соль* вся в грязи лежи (Ф., с. 391).

Как в отношении других товаров, так и в отношении соли в разговорнике сообщается о местах добычи и соответственно об особенностях качества. По месту добычи различали: *дравенскую соль* (Ф., с. 115) — соль из Люнебурга (Германия), вблизи этого города в средние века были соляные копи, откуда соль поставлялась в страны Северной Европы; *шпанскую соль* — соль из Испании; *сѣрую* и *красную соль* доставляли из Германии. Попутно заметим, что разговорники сохранили нам выражение *хлеб да соль*, причем в нескольких значениях: *хлѣбъ да соль* вам! (К., с. 30) ‘пожелание приятного аппетита’; *хлеб и соль* в переносном значении ‘доброе дело, забота’: Не позабуди моего доброго хлеба да соли (немецкое *woldadt*) (А., л. 42а); *хлѣб да соль* ‘пир в память о родителях’ (Д., с. 28), в последнем случае выражение получает обрядовое значение.

Вина и напитки. Слово *вино* употреблялось в XVI и XVII вв. в деловой письменности и обиходной речи Московской Руси в двух значениях: 1) ‘виноградное вино’; 2) ‘крепкий алкогольный напиток, получаемый с помощью перегонки из зерна; водка’. В 1-м значении слово *вино* достаточно широко отражено в разговорниках, оно обозначает ‘напиток из плодов виноградной лозы, имевший темно-красный или белый (светлый) цвет’. Разговорники, связанные с Северо-Западом Руси, предлагают в разделе «Все виды напитков» списки виноградных вин с краткими пояснениями: в разговорнике Т. Фенне — *вино, малмазия, бастард, романия, ренское вино, кларет, алаканта, вино бѣлое, красное вино* (Ф., с. 84); в тронхеймском разговорнике список более лаконичен: *вино, новое вино, шпанское вино, бѣлое французское вино* (Т., с. 60); разговорник Невенбурга добавляет к этому перечню вино *кинарея* (Н., л. 5 об.).

Все названные выше вина изготавливались в странах Западной Европы, причем преобладали вина разных оттенков красного цвета, что и подчеркивалось в их названии: *красное вино* (Ф., Ш., Р.), *красно вино* (А.), *бѣлое фрянцузское вино* (Т.). Однако чаще в названии вина отражалось место его изготовления: *алаканта* (Ш., Ф.) ‘красное вино из Испании (Alicante)’, *мальвазия* (Ш., А., Р., Ф., Т.) ‘сладкое вино из города Мальвазия в Греции’, *ренское (вино)* (Ш., А., Р., Ф., Н., Х., Л., Т.) ‘вино из окрестностей Рейна (Мозель ?)’, *романя* (Ш., Ф., Д., Х., Т.) ‘белое сухое вино, вывозившееся из Испании и с Канарских островов’, также *шпанское вино* (Т.), *вино испанка* (М.), *кинарея* (Н.) ‘вино с Канарских островов’.

В названиях некоторых вин отразилось их качество: *бастард* (Ф.) ‘вино невысокого качества, подмешанное’, ср. ст.-фр. *bostart* ‘ненастоящий’, голл. *basterd*; *кларет* (Ш., А., Р., Ф.) ‘красное вино’, из ст.-фр. *claret* ‘чистый, прозрачный’. Наконец, название могло указывать на сферу преимущественного применения напитка: *церковно(е) (служебное) вино* (Д., Н., Х.) ‘вино, которое использовалось в церкви при причастии’.

Тексты разговорников показывают, что из всего набора названных выше вин наибольшей употребительностью в речи (и в жизни?) отличалось *ренское вино*. Об этом свидетельствует разговорник фон Хеймера, где сообщается о разновидностях или сортах этого вина, его вкуса: *бъло ренъско, вишеньишно ренъско, пряно ренъско, слатко ренъско, кисло ренъско, горко ренъско, хорошо ренъско, нехорошо ренъско* (Х., л. 5–5 об.), там же находим и сообщение об одном из мест производства этого вина — *флоренъско ренъско* ‘флорентийское’ (Х., л. 5 об.). Фон Хеймер упоминает и о приготовлении вина: *Жмы что ренъско жмут ‘пресс для винограда’* (Х., л. 5 об.). О вине речь идет и в диалогах: *Пеи всегда ренско* (Х., л. 8 об.); *Чемъ ты торгуешъ? Сукном да ренъскимъ* (Х., л. 12 об.); *Налеи мнѣ руманку ренского* (Х., л. 7 об.); *Привези мнѣ 2 бочки хорошего слаткого ренского* (Х., л. 12 об.); *Что ты хочешъ оттолъ [из Французской земли] привести? Бъло ренъско да церковной вино* (Х., л. 12 об.). Но о рейнском вине вспоминали не только на Севере России, но и на Северо-Западе и в Москве: [Служанке:] *Принеси пиво, медъ, ренское вино да и горѣлку* (Н., с. 12); *Ренского у насъ нетъ, чемъ тебя потчиватъ?* (Л., 50).

Обращает на себя внимание неустойчивость внешней стороны названий вин, наличие фонетико-графических вариантов, а также колебания в оформлении основы суффиксами и показателями грамматического рода имен существительных. Название *алаканта* имеет в текстах разговорников следующие варианты: *алаканта* (Ш., Ф.), *алкант* (А.), *алкан* (Х.), *алканея* (Т.). Название *бастард* варьируется так: *бостер* (Ш.), *бастерт* (А.). Вино *мальвазия* называли также *малмазия* (Р.), *мамназея* (Ш.), *мармазия* (Ф.); *реинское* (вино) (А.) и *ренское* (Р., Н., Х., Л., Т.). Отметим и субстантивацию прилагательного в названиях вин, характерную для разговорной речи: *ренско(е)*, *церковно(е)*. Эта вариативность объясняется постепенным освоением слова русским языком, преимущественно устным его характером, и возможными разными путями проникновения одного и того же заимствования в разговорный русский язык.

Уделяя немало места описанию виноградных вин, разговорники лишь кратко упоминают о *водке* ‘крепком алкогольном напитке’. Само

слово *водка* отмечается в наших источниках и других памятниках письменности Московского государства в этом значении лишь во 2-й половине XVII в.¹⁰ В текстах XVI–XVII вв. оно имело другие значения: ‘лекарственная настойка (на травах, ягодах, овощах)’ и ‘раствор, употребляемый для обработки металлических изделий’ (СОРЯ, вып. 2, с. 263). В значении ‘крепкий алкогольный напиток’ и в наших разговорниках, и в деловой письменности того времени употреблялось слово *вино* (СОРЯ, вып. 2, с. 207). Оно обычно использовалось в сочетании *вино горячее* ‘полученное путем нагрева и перегонки из зерна’ (Ш., Ф., Т., Х.) и в разговорниках имело немецкий аналог *Brantwein*, рядом с ним встречалось и слово *горелка* (А., Р., Ф., Д., Н., Т.), которое возникло в результате стяжения словосочетания. Оба варианта названия *водки* могли быть употреблены в одном источнике, например у Т. Фенне или в тронхеймском разговорнике. Примеров использования этих названий в разговорниках немного, обычно это указание на них в перечнях напитков: *Wino goretkoŕe, brandte wein* (Ш., с. 80); *vino goretzoe, gebranden wyn* (Ф., с. 84); *вино горячее, brantwein* (Т., л. 60 об.); *вино горячо, brantwein* (Х., л. 5 об.); *Вино горалко, aquavitae* (Р., с. 86); *wino gorelka, brant win* (А., л. 47); *goriulca, vinim bis coctum, горёлка* [транскрипция Б. А. Ларина] (Д., с. 5); *горёлка, brendewiyn* (Ф., с. 84); *горёлка, Brantwein* (Н., с. 12); *Принеси горёлку сюде* (К.). В тронхеймском разговорнике упоминается о котле для перегонки напитка: *er hatt mit dir ein brantweins keszell* (русский перевод только для слова *котел*) (Т., с. 60). Синоним *водка* (в написании *вотка*) известен только двум разговорникам, причем достоверно в значении ‘крепкий алкогольный напиток’ оно встретилось только у Лудольфа: *Изволишъ чарку вотки? Вотку не уживаю [‘плохо переношу’]* (Л., с. 50). В тронхеймском разговорнике приведено под словом *вотка* сочетание *анисовая вотка* (Т., с. 61), которое могло обозначать и ‘лекарственная настойка’, перевод на немецкий язык здесь не помогает — *annis waszer* (см.: СОРЯ, вып. 2, с. 263).

Чем же объяснить несомненное предпочтение, оказанное разговорниками виноградным винам в отличие от водки? Оно объясняется разграничением товаров иноземных и местных. Виноградные вина — это п р и в о з н ы е вина, они представляли собой товар, который предлагали иноземные купцы и который нуждался в рекламе,

¹⁰ См.: Дерягин В. Я. Русское водка и польское wódka // Диалектная лексика. 1977. Л., 1979. С. 242–250; Судаков Г. В. Обычаи русского застолья в зеркале истории слов // Живое русское слово. Вологда, 2002. С. 115–117.

тогда как водка была м е с т н ы м продуктом, и насколько она интересовала купцов-иностранцев как товар, мы не имеем данных, но на своем внутреннем рынке водка активно продавалась.

Мед. «С древности мед ели и в монастырях, и в царских домах, и в домах крестьян, и в домах зажиточных людей. Мед — это и сладость, и еда, и лекарство от многих болезней... Но уже с X века мед известен и как хмельной напиток»¹¹. Итак, слово *мед* имело в памятниках письменности XVI–XVII вв. два значения: ‘сладкая, густая жидкость, вырабатываемая пчелами из нектара цветов’ и ‘хмельной напиток, приготовленный из такой жидкости’. Именно в этих значениях слово *мед* отражено в разговорниках как важный и полезный продукт, вывозимый в Западную Европу из России. Все разговорники отмечают слово *мед* как название самого продукта и его разновидностей, так и напитка, приготовляемого из него. Наиболее подробно описывает мед М. Ридли, служивший врачом царской семьи в конце XVII в., сумевший зафиксировать 19 словосочетаний со словом *мед*.

В первом значении слово *мед* в наших источниках представлено в следующих сочетаниях: *прѣсной мед* ‘мед в сотах’ (Ф., с. 116) и ‘натуральный мед, выкачанный из сот’ (Ф., с. 85; Ш., с. 96; А., л. 47); *патока-мед* ‘самый чистый, прозрачный, вытекающий из сот цветочный мед’, *blomen honnig* (Ф., с. 116); *медъ патошної*, *sweet med* (Р., с. 211), ср. у Невенбурга: *патока* (Н., л. 6 об.); *бѣлый мед* — Нѣт ли у тебя бѣлого меду? (Х., л. 8). Даль объясняет это словосочетание так ‘мед светло-желтого цвета с цветков липы’ (Даль, т. 2, с. 313); ‘мед недостаточно очищенный от частичек воска’ — *с воцинали мед* (Ф., с. 116).

Разговорники сообщают больше сведений о меде ‘хмельном напитке’. *Мед кислый* ‘напиток, полученный в результате брожения меда, разбавленного водой, с добавлением хмеля и пряностей’ (Ф., с. 85; Ш., с. 80); заметим, что в названных разговорниках запись сделана с прилагательным в среднем роде: *мѣт кислое* — очевидно, составитель или переписчики разговорников по ассоциации со словом *вино* употребили прилагательное в среднем роде; *мед оборной* (Р., с. 211) и более правильно услышанное Джемсом *обарной* (мед) (Д., с. 38) — когда готовили хмельной напиток, то подготовленную из меда и воды забродившую жидкость *обваривали* кипятком¹². Мед как хмельной напиток могли на Руси готовить, проваривая его с различными ягодами и подвергая брожению. М. Ридли приводит ряд названий

¹¹ Лутовинова И. С. Слово о пище русских. СПб., 1997. С. 215–217.

¹² Судаков Г. В. Обычаи русского застолья в зеркале истории слов. С. 115–116.

следующих напитков (Р., с. 211): *мѣдъ брусницнои; вишинои, cherrye mede; житнои, barley mede* ('с ячменем?'); *малино* (так!), *gasberrie mede; межеволн, mede of juniper berries* ('с ягодами можжевельника', прилагательное записано неточно); *смороднои, of black gusberries* 'смородиновый', *черумка, of black cherries* (предполагаем, что имелись в виду ягоды черемухи, ср. у Котошихина: «ягоды на пива и на медъ, малину, смородину, костяницу, земляницу, *черемху* (курсив мой. — О. М.) емлют зъ дворцовыхъ сел» (СлРЯХІ–ХVІІ, вып. 9, с. 54); *яблочнои, apple meod*, этот сорт медового напитка отмечен также и в разговорнике Т. Фенне: мед яблочное (так!), *appelldranch* (Ф., с. 84). Осталось неясным, из чего готовился *щавнои медъ, fine barley mede* (Р., с. 211). Выше это определение — *barly* — отнесено М. Ридли и к *житному меду*. Исторические словари не отмечают сочетания *житный мед*, так же как и *щавный мед*. И. И. Срезневский предлагает пример на употребление сочетания *щавный квас* (слово заимствовано у Н. М. Карамзина из его «Истории государства Российского») и полагает, что *щавный* можно сблизить со *щавель* и определить как 'кислый' (т. 3, стлб. 1606). Здесь нужны дополнительные разыскания новых данных в памятниках письменности и русских говорах.

Названия напитков из меда *медъ боярской, a whit meod и медъ кнежици, common mede* (Р., с. 211) затруднительно комментировать, опираясь на пояснения М. Ридли. В СлРЯХІ–ХVІІ эти наименования толкуются как 'сорта хмельных напитков высшего качества, приготовляемые из меда по особой рецептуре' (вып. 9, с. 54). Подробнее изготовление *боярского* меда описано в Домострое: «А боярской медъ сытити сняти воцина до патоки ['чистого меда'] да взяти в шестеро, да розсытити горячею водою а [в] воду положить на всякой пудъ по мѣре хмелю да наквасити дрожжыма»¹³.

Совсем загадочно название *мед зундское* (так!) (Ф., с. 85), Т. Фенне объясняет его с помощью кальки — *sundesche mede*, 'мед из Зунда'. Как же связаны *мед* и пролив в Балтийском море?

В диалогах, приведенных в разговорниках, слово *мед* употребляется довольно редко. В труде Т. Шrove есть мудрое замечание: Коли в человека мед да пиво есть тогды в ёго и други и браты (Ш., л. 39 об.; транслитерация моя. — О. М.); Я вчерась мѣдъ ѡл (Ф., с. 493); Надобь бочка с мѣдом скрѣпить, добро не розорвется (Ф., с. 391).

Оценка качества товара. Знакомство с разговорниками показывает, что их авторы стремились наряду с названиями конкретных

¹³ Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов и В. В. Рождественская. СПб., 1994. С. 68.

товаров, продававшихся на рынке, использовать во многих случаях обобщающее слово *товар* и применительно к нему излагать всевозможные обстоятельства, возникавшие при торговых сделках¹⁴. Интересно заметить, что также обобщенно могли трактоваться и свойства, качества товаров. Чаще всего для оценки качества использовалась пара антонимов *добрый* — *худой*: Нельзя *доброй* товар хулить, да *худого* хвалить (Ф., с. 309); Твои платна — на перёд *добро* да назад *худо* (Ф., с. 217); *Худого* и з *добрым* не смешай вместе (А., л. 65 об.). Высшую степень положительного качества выражало словосочетание *добре добрый*: Мои товар *добры доброй* такового в мене не бывало (А., л. 71 об.); У меня был *добрь доброй* товар (Ф., с. 354). Однако возникали случаи, когда оценка качества конкретизировалась, и прилагательные *добрый* и *худой* получали разнообразные замены. Их мы и рассмотрим.

Прилагательное *худой* в некоторых контекстах заменяется синонимами *плохой*, *молодший*: Мнѣ свой товар розбирать, *добры* опричь да *плохи* опричь (Ф., с. 320); У *доброто* товару больше примка [‘прибыли’], как у *худото* / у *молодшево* (Ф., с. 372); Я так не куплю, я на розницу куплю, *добры* опричь да *молодши* опричь (Ф., с. 312), в последнем примере *молодший* имеет переносное значение ‘более низкого качества’; ‘самого низшего сорта’ (ПОС, вып. 18, с. 329). Со значением неудовлетворительного качества отмечено еще несколько слов. Слово *зарок* употребляется в лексике торговли со значением ‘изъян, недостаток’: Твой товар с *зароком*, немецкий перевод — hefft gebrek (Ф., с. 405); Мново *зароку* в твоёво товару (Ф., с. 406). СлРЯХІ–ХVII приводит это слово, формулируя значение как ‘нарекание, попрек’ (вып. 5, с. 288); ср. там же: *зарочный* ‘имеющий физический порок или порывистый (о лошади)’ (с. 289). *Лонской* ‘прошлогодний’: *Лонской* товар — не *свѣже* (Ф., с. 420); о грязном, испачканном чем-либо товаре говорили *омазной*, *благой*, *руден*, *нечист*: Твой товар *омазной* / *благой* (Ф., с. 336); Не доспеи мои товар *руден* [‘не сделай грязным’] никто не купит (А., л. 80 об.); Я вижу, что товар *нечист*, да за *чисто* ты мнѣ ёго продаешь (Ф., с. 291). Прилагательное *нечист* с отрицательной приставкой *не-* не единственный пример такого типа прилагательных, которые обнаруживают скрытую антонимичность, указывая на соответствующее слово без приставки *не-*, обозначающее положительное качество, добротность товара: То *некорысной* товар. Ище ты лутче хочешь? (Х., л. 15), *некорыстный* ‘такой, от которого мало пользы;

¹⁴ Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка... С. 176–177.

неприбыльный'. Ср.: *корыстный* 'приносящий выгоду' (СлРЯХI–XVII, вып. 7, с. 352) и *некорыстный* (СлРЯХI–XVII, вып. 11, с. 155). В близком значении отмечено прилагательное *непригожный*: Я видел твой товар. А ты мои. Которой худой *непригожнои*, выкинем вон (А., л. 62), *непригожный* — 'не удовлетворяющий требованиям': Яз тоба скажу правду твой товар *непригожен* (А., л. 73 об.). СлРЯХI–XVII толкует *непригожий* (без суффикса -н-) как 'негодный, непригодный (о людях)' (вып. 11, с. 250), а *пригожий* у Даля объяснено как 'пригодный, годный на что-либо' (Даль, т. 3, с. 408). С отрицанием используется и прилагательное *личный*: Твой товар не *лично*, мнѣ ёво не любо купить, немецкий перевод — *is nicht schone* (Ф.). Здесь прилагательное *личный* 'относящийся к наружному виду' используется в переносном значении 'красивый', ср.: СлРЯХI–XVII, вып. 11, с. 163.

В разговорниках находится гораздо меньше прилагательных, кроме *добрый*, которые подчеркивали бы хорошее качество, привлекательность товара: *свежий*: Мои товар *свежои* (А., л. 77 об.); *нарочитый* 'очень хороший': Не умѣет тово товару похулить, товар *нарочит*, тому товару охул (так!) нѣт (Ф., с. 423), ср.: СлРЯХI–XVII, вып. 10, с. 220; *строгий*: Мой товар *строг*, без зароку доброй (Ф., с. 279), в существующих исторических словарях такая сочетаемость слова *строгий* не отмечена, можно предположить, что это товар, 'соответствующий требованиям, за качеством которого постоянно присматривают', может быть также 'надежный, прочный' (ср. немецкий перевод: *is vr vordeel*).

Характеристика товара со стороны его цены выражена прилагательными *дорогой* и *дешевый*: У меня есть всякой товар *разгонный* — и *дорогой* и *дешёвый* по купчинѣ (Ф., с. 285). В этой цитате интересно и слово *разгонный*, которое толкуется как 'разлетающийся, разбегающийся в разные стороны', 'о товаре, который быстро раскупают' (Даль, т. 4, с. 22).

Качество и внешний вид товара могут быть оценены не только в прилагательном-определении, но и в сказуемом. Чаще всего это указания на то, что товар испачкан и намок: Дождь на дворѣ, товар *измокне* (Ф., с. 370); Твой товар *смочён / помочён* (Ф., с. 320); *Испокастил / изгрязнил / измочил* ты мой товар (Ф., с. 381), *испокастить* 'сделать грязным, испоганить', ср.: *кастский* 'грязный', *Терск.*, *кастливо* 'грязно', *Олон.*, *кастливый* 'неряшливый, нечистоплотный', *Арх.*, *касть* 'вонючая, смрадная грязь', *Арх.* (СРНГ, вып. 13, с. 117–118). Параллели из народных говоров подсказывают нам, что слово *испокастить* в отличие от стоящего рядом синонима *изгрязнить* было

более экспрессивным. Встречался на рынке и старый, залежавшийся товар: Твой товар *залежался*, немецкий перевод — *is olde vorlegen* (Ф., с. 285); Твой сукна *залежались* / *проволоклись* (Ф., с. 453).

Проделанный анализ лексики разговорников XVI–XVII вв. в сопоставлении с материалами различных словарей показывает читателю группу слов, называющих важнейшие товары, представленные на псковском рынке, с новой стороны. Эти слова использованы не только в словарных списках с пояснениями, но и в репликах разговоров, случавшихся на рынке или в домах, где обитали купцы. Мы, читатели, воспринимаем эту лексику как бы «изнутри», как если бы мы сами находились среди продавцов и покупателей и наблюдали бы их нужды и заботы. В этом неповторимое своеобразие текстов разговорников. В разной частоте употребления отдельных слов этой группы может просматриваться разная степень актуальности товара для покупателей, предпочтение одного товара другому. Среди рассмотренных слов много слов из повседневного обихода, некоторые из них пока неизвестны историческим или диалектным словарям. Живому восприятию описанной лексики не мешают отмеченные ошибки в произношении слов и погрешности в образовании грамматических форм и словосочетаний.

Дальнейшее исследование других лексических групп, представленных в разговорниках, несомненно обогатит новыми данными как историческую лексикологию, так и смежные науки.

Сокращения

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–18. Л.; СПб., 1967–2006.
- СлРЯXI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.
- СлРЯXVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–17. Л.–СПб., 1984–2008.
- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–3. СПб., 2004–2008.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М., 2003.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–2), Ф. П. Сороколетов (т. 22–40). Т. 1–40. Л.–СПб., 1965–2006.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1984.

М. Вас. Пименова

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ И ОПИСАНИЙ РАСТЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПРОСТОНАРОДНЫХ» ТРАВНИКОВ)

Аннотация

Статья посвящена анализу названий растений и их описаний в рукописях XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: наименования растений, лексико-семантическая группа, описание растений, рукописи.

TO THE HISTORY OF THE NAMES AND DESCRIPTIONS OF HERBS (ON THE BASIS OF PEOPLE'S HERBS' BOOKS)

Summary

The article is dedicated to the analysis of herbs' names and their description in the manuscripts of the 17th–18th centuries.

Key words: herbs' names, lexical-semantic group, herbs' description, manuscripts.

Содержащие описания лекарственных растений и их целебных свойств «простонародные» травники (или зелейники) — рукописные памятники XVI–XVIII вв., принадлежащие к так называемой естественнонаучной литературе (наряду с переводными лечебниками, вертоградами, цветниками)¹ являются «отреченными» (или «ложными», запрещенными) сочинениями средневековья². Изучение травников началось во второй половине XIX в., причем первоначально их рассматривали преимущественно с точки зрения истории медицин-

¹ По подсчетам В. Ф. Груздева, в рукописных фондах хранится около 250 памятников такого рода естественнонаучной литературы, среди которых лечебники представлены 135 рукописями, вертограды — 73, а травники — 42 рукописями (*Груздев В. Ф. Русские рукописные лечебники. Л., 1946. С. 28*).

² В одном ряду с астрологами, громниками, колядниками, молниками, волховниками, сносудцами, путниками, чаровниками, лунниками, гадательными тетрадами, метаниями и пр. (*Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. С. 608*).

ской литературы (статьи с текстами травников Я. А. Чистовича, М. Максимовича, А. Зубова, А. Балова, М. Ю. Лахтина и других, которые публиковались чаще всего в периодических медицинских изданиях — «Врачебная газета», «Друг здравия», «Московская медицинская газета», «Медицинская беседа», «Практическая медицина»)³. В 1879/80 г. вышла в свет работа В. М. Флоринского «Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия»⁴, а в 1895 г. в серии «Памятники древней письменности» Л. Ф. Змеев, бывший преподаватель истории врачебных наук в Императорской военно-медицинской академии, опубликовал монографию «Русские лечебники. Исследование в области нашей древней врачебной письменности»⁵.

Постепенно травники начинают изучаться не только как «естественнонаучные» источники, но и как памятники культуры, мифологии славян, истории русского народа и русского языка (Н. И. Анненков, А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. А. Потехня, И. Е. Забелин, В. В. Колесов, В. С. Терехова, М. Вас. Пименова, Л. С. Соболева, А. А. Коринфский, В. А. Липинская, Н. А. Криничная, Т. А. Исаченко, А. Б. Ипполитова и др.)⁶.

³ Чистович Я. А. Старинные русские лечебники и травники // Друг здравия. 1852. № 16–17, № 21–22; Максимович М. О старописьменной книге «Благопрохладный вертоград здравия» // Московская медицинская газета. 1860. № 2. С. 161–162; Сырку П. Отрывок малорусского простонародного лечебного травника и два заговора. По рукописи начала XVII в., хранящейся в Румынском государственном архиве в Будапеште // Филологические записки. Вып. 1. Воронеж, 1883. С. 1–12; Зубов А. Заметка о травнике Троицкого воеводы Станислава Гажтова // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1887. Кн. 3. С. 1–27; Вейнберг Л. Б. К истории народной медицины. По поводу одного старинного травника // Медицинская беседа. 1888. № 9–12; Балов А. Один из древнерусских «цветников». К истории русской медицины // Практическая медицина. СПб., 1898. № 2. С. 22–24; Лахтин М. Ю. Старинные памятники медицинской письменности. М., 1911.

Следует отметить, что ранние публикации учеными-естественниками текста рукописных травников содержат довольно много ошибок, например, вместо обозначения цвета *рудожелтый*, то есть ‘оранжевый’, в издании А. Балова — *грубожелтый* цвет (Балов А. Один из древнерусских «цветников». С. 22).

⁴ Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. Казань, 1879/80.

⁵ Змеев Л. Ф. Русские лечебники. Исследование в области нашей древней врачебной письменности. СПб., 1895. См. также подробный обзор литературы в статье А. Б. Ипполитовой: Этноботаника в травниках XVIII в. // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 394–419.

⁶ Анненков Н. И. Простонародные названия русских растений. М., 1858; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу; Буслаев Ф. И. О народной поэзии

Исследователи диаметрально противоположно оценивают происхождение травников. Так, В. М. Флоринский подчеркивает их народный характер: «В них, как и в народных поверьях, былинах, сказках, предрассудках, выражается доля народного творчества, не заимствованного из европейской науки, но скопившегося под влиянием местных условий жизни и склада нравственных понятий данного народа»⁷. Ученый относит первые травники к XV–XVI вв., объясняя незначительное количество ранних списков следующими причинами: «Они, как древнейшие, легче могли утратиться; они, как менее совершенные, стали давно вытесняться из употребления более полными и более научными лечебниками; некоторые из них, может быть, были впоследствии включаемы как добавления в позднейшие медицинские сборники, переделывались и, так сказать, сливались с ними»⁸. Л. Ф. Змеев не соглашается с данным утверждением, полагая, что травники — «явление сравнительно новое, когда астрологические бредни спустились из круга более образованного и растворились, так сказать, в народном множестве... Содержание их, конечно, неоспоримо все заимствовано»⁹. Ф. И. Буслаев считает, что истина посередине, поскольку «все разнообразные списки этих памятников литературы носят на себе явственные следы то иностранной, то чисто

в древнерусской литературе // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861; *Потебня А. А.* Малорусские домашние лечебники XVIII в. Киев, 1890; *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. 2. М., 1912. С. 261–268; *Колесов В. В.* Из лечебников и травников // ПЛДР, конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 492–587, 607–613; Травник // Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова; подгот. текста М. Вас. Пименовой. М., 1990. С. 226–239; *Терехова В. С.* Лексика народной медицины (по материалам лечебников XVII–XVIII вв.): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965; *Пименова М. Вас.* Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы (на материале травников, лечебников, иконописных подлинников): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987; *Соболева Л. С.* Рукописный лечебник XVIII в. строгановского крестьянина Василия Демидова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 75–83; *Коринфский А. А.* Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1995; *Литинская В. А., Леонтьева Г. А.* Старообрядческий травник из Южной Сибири // Мир старообрядчества. Вып. 4. М., 1998. С. 315–319; *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза. Т. 2. Петрозаводск, 2000; *Исаченко Т. А.* Травник из Уваровского собрания под № 623: его судьба и перспективы // Уваровские чтения III. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность. Муром, 2001. С. 224–228; *Ипполитова А. Б.* Этноботаника в травниках XVIII в.

⁷ Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. С. 11.

⁸ Там же. С. IX–X.

⁹ Змеев Л. Ф. Русские врачевники. С. 230.

русской редакции, а во многих списках иностранное с иноземным до того слилось, что и то и другое составляет одно нераздельное целое»¹⁰. Современные ученые полагают, что «с уверенностью следовать тому или иному из высказанных по этому вопросу мнений пока нет достаточных оснований... проблема происхождения «простонародных» травников еще ждет своего исследователя»¹¹.

Целью данной статьи является анализ названий лекарственных растений и их описаний в составе травников. Нами использован материал девяти рукописей «простонародных» травников, хранящихся в библиотеках г. Санкт-Петербурга (Российская национальная библиотека, Библиотека Академии наук РФ) и г. Москвы (Российская государственная библиотека), а также привлечены тексты травников, опубликованные В. М. Флоринским, Л. Б. Вейнбергом, А. Баловым, В. В. Колесовым, Л. С. Соболевой, В. А. Липинской, А. Б. Ипполитовой.

Следует отметить, что изучение народной номенклатуры лекарственных растений значительно затрудняется из-за отсутствия специальных лингвоботанических работ, в которых бы древние народные названия соотносились с современными научными терминами. Мы, определяя современный эквивалент «простонародным» наименованиям целебных трав, опирались на словари Н. И. Анненкова, В. И. Даля, Е. Н. Залесовой и О. В. Петровской, А. Мейера, Н. Максимовича-Амбодика, «Словарь русских народных говоров», атласы лекарственных растений, а также на отдельные имеющиеся публикации (В. М. Флоринский, В. А. Меркулова, А. Б. Ипполитова) и др.¹²

¹⁰ Буслаев Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе. С. 33.

¹¹ Ипполитова А. Б. Этноботаника в травниках XVIII в. С. 395.

¹² Анненков Н. И. Ботанический словарь. М., 1859; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955; Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–38). Вып. 1–38. Л.–СПб., 1965–2004; Залесова Е. Н., Петровская О. В. Полный русский иллюстрированный словарь-травник и цветник, составленный по новейшим ботаническим и медицинским сочинениям. СПб., 1898; Мейер А. Ботанический подробный словарь или травник: в 2 т. М., 1781–1783; Максимович-Амбодик Н. Словарь ботанический, содержащий наименования растений и их частей. СПб., 1795; Двигубский И. Изображение растений, преимущественно российских, употребляемых в лекарства: в 2 ч. М., 1828–1830; Варлих В. К. Русские лекарственные растения. СПб., 1912; Гофман К., Монтеверде Н. А. Ботанический атлас. СПб., 1899; Флоринский В. М. Русские народные травники и лечебники; Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений: Травы. Грибы. Ягоды. М., 1967; Попов А. П. Лекарственные растения в народной медицине. Киев, 1970; Ипполитова А. Б. Этноботаника в травниках XVIII в.

Удалось определить далеко не все наименования, что связано с целым рядом причин. Во-первых, в тексте травника присутствует полисемия: одно означающее может соответствовать нескольким означаемым (нескольким растениям). Например: *дикая конопля* (Трав. Бирюк., № 25, 256); *клоповник* (Трав. Бирюк., № 226, 230); *крапива* (Трав. Бирюк., № 101–102); *лисицына* (Трав. Бирюк., № 98, 153); *месячная* (Трав. Бирюк., № 15, 228); *одолень* (Трав. Бирюк., № 38–40, 249; Трав. VI, л. 6 об.; Трав. VII, л. 5); *петров крест* (Трав. Бирюк. № 3–4; Трав. VI, л. 6 об.; Трав. VII, л. 7); *пырей* (Трав. Бирюк., № 44, 198); *сорок притошная* (Трав. Бирюк., № 30, 248) и др. В связи с этим ботанические словари некоторым древним названиям дают от 5 до 10 соответствий, например: петров крест — *горечавка перекрестнолистная*, *солодковый журавлиный горох*, *соколиный перелет* (вид горечавки), *норочник*, *альпийская лозинка*, *петров крест чешуйчатый*; одолень — *кувшинка белая*, *кубышка желтая*, *валериана лекарственная (или аптечная)*, *маун*, *водяной прострел*, *белые курочки*, *молочай*; адамова голова — *желтые башмачки*, *синеголовник полевой*, *мандрагора*, *окопник лекарственный*, *колокольчик сборный*, *чистотел большой*, *красный башмачок*, *купена лекарственная*¹³.

Во-вторых, отмечается синонимия, при которой несколько означающих соответствуют одному означаемому. Например: *прыгун или скачекъ* (Трав. VIII, л. 22 об.); *царь марун*, *она же и мордовник или татарин* (Трав. Бирюк., № 6); *стрежник или водяная бель* (Трав. Бирюк., № 22); *ветреница или горянка* (Трав. Бирюк., № 24); *девять братъев или дикая рябинка* (Трав. Бирюк., № 31); *купена или гусина лапка* (Трав. Бирюк., № 37); *одолень или долина* (Трав. Бирюк., № 38); *здоровая соболева или квет* (Трав. Бирюк., № 51); *перекоп или перемысл* (Трав. Бирюк., № 70); *кос или железица* (Трав. Бирюк., № 71); *казакъид или уразная* (Трав. Бирюк., № 73); *лиса или кокуй* (Трав. Бирюк., № 84); *перелонка или дикой ленок* (Трав. Бирюк., № 86); *кара или ехирь* (Трав. Бирюк., № 122); *ландыш или ужик*, *она же и сорочька* (Трав. Бирюк., № 127); *птица или мачиха* (Трав. Бирюк., № 128) и т. д. Кроме того, может присутствовать вариантность на орфографическом уровне, например: *крапива* — *кропива*, *узыкъ* — *ужикъ*,

¹³ Анненков Н. И. Ботанический словарь. С. 21, 46, 66, 89, 96, 127–128; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 5; Т. 2. С. 649; Залесова Е. Н., Петровская О. В. Полный русский иллюстрированный словарь-травник и цветник. С. 65; СРНГ. Вып. 1. С. 204; Вып. 15. С. 226; Вып. 23. С. 57–58.

чанъ — чанъ — чадръ, архангел — архилин — халим, кукуй — кокуй — коку — куколь — кокунъ — кукоосъ и под.

В-третьих, наблюдается разрыв связей между означающим и означаемым. С одной стороны, может отсутствовать означаемое (реальный денотат), поскольку в ряде случаев имеются в виду мифические растения, наделенные самыми разнообразными свойствами (в том числе и волшебными). Ср.: *Царь Архилин, она жа и халим, растет при великих реках, при полниках, на долинках и в лесах. Ростом в пояс, собою тонка, видом синя, а молодая походит на чернь. Листья редки по 6-ти и по 13-ти и по 16-ти листов, продолговаты. Наверху четыре цвета: червленыи, зеленъ, багрянъ синь. А рвать ея июня 24-го числа сквозь серебряную цепочку, а когда не случится, то хоша сквозь гайтан. Пригодна корень носить на себе, то не боися никакого еретъника, ни злаго человека, а естъли поидеши в суд — возми с собою — одолееши своего соперника, и все любить будут, а естъли жена не родит детей, то утопи ея в козьем молоке и давай пить, то родитъ будут, или в человеке порча хотя бы какая и застарелая — утопивши пей, ея выгонит, и от черной болезни утопивши пить в молоке, а естъли в воду итьти, то возми корень с собою, вода раступается, мельницы строить, церкъвь сооружать, землю подводитъ, а естъли поидеши на бои, то корнем потри ружье или шпагу, или стрелы, то никто тобою овладеть не может, и траву всякому иметь нужно при себе, и купцам для торговли и продажи товару* (Трав. Бирюк., № 128). Кроме того, денотат может быть неизвестен в связи с «уникальностью» ряда названий, фиксирующихся в единичных контекстах; причем их «уникальность» объясняется, вероятно, искажениями, допущенными составителями/писцами при переписке текста рукописи, например: *ацосек, битокрев, вяжж, мурзика, жогъ, попугай, небытая, лапертъ, енохъ, ливакумъ, ратма* и т. п. С другой стороны, может отсутствовать идентифицирующее означающее: некоторые растения в травниках вообще лишены наименования и описываются под безликим названием *трава* (Трав. Бирюк., № 29, 65, 74, 76–77, 81, 107, 115, 117, 147, 150, 182–184, 211, 215–216, 219, 239, 251, 253). Возможны и чисто технические причины, связанные с плохой сохранностью рукописей.

Соотнесенные с современными терминами древние названия растений можно разделить на три условные группы.

Первая группа — это общеизвестные наименования, сохранившиеся до нашего времени: *анис, белена, буквица (белая, желтая, черная), васильки, вереск, девясил, дягиль (полевой), конопля, зверо-*

бой, земляница, капуста (заячья), кашка, крапива (глухая, стрелочная), ландыш, лебеда, лопух, мокрица, мята (дикая), осока, перец, петров крест, петрушка, пырей, репейник (большой, малый), рябинка, салат, стародубка, укроп, фасоль, хмель (полевой), чемерица (белая, черная), шалфей (огородный, степной), шафран, щавель (конский, овечий, сорочий).

Вторая группа состоит из названий, претерпевших незначительные изменения, но сохранивших способ номинации, например: *воронье око* — *вороний глаз*, *попутник* — *подорожник*, *чистик* — *чистотел*, *любить* — *любисток*, *бронец* — *баранец*.

Третья обширная группа включает в себя около 200 утраченных русским языком наименований, созданных на основе отличных от современных способов номинации, таких как, например: *адамова голова*, *арик*, *артем*, *ацосек*, *бель водяная*, *битокрев*, *боговник*, *болотный былец*, *борово́й жабрей*, *буян*, *бычий ремень*, *веник*, *венецианка*, *ветреница*, *вех*, *волкана*, *воробьево семя*, *воронье гнездо*, *временная*, *вянж*, *говорок*, *горе*, *горлянка*, *декопр*, *дерябка*, *долина*, *жаворонок*, *живокос*, *забытие*, *заяц*, *звонок*, *зинзивер*, *зяблица*, *кишец*, *кокуй*, *коса*, *куполь*, *курепа*, *земляной ладан*, *ликопер*, *мурзика*, *насон*, *одолень*, *парамон*, *плакун*, *погибельник*, *размык*, *самовник*, *селитарь*, *сорочка*, *сузик*, *тайник*, *ужик*, *уразная*, *халим*, *храбрец*, *царь архилин*, *царь марун*, *царские очи*, *ябедник* и др. Из данных названий нам с большей или меньшей степенью вероятности удалось определить около 70. Приведем примеры: *плакун* — *иван-чай узколистный*, или *обыкновенный*, *адамова голова* — *колокольчик сборный*, *царь марун* — *татарник обыкновенный*, *маточник* — *мелисса лекарственная*, *царские очи* — *росянка круглолистная*, *царские кудри* — *лилия кудреватая*, *стрезжник* — *стрелолист обыкновенный*, *девять братьев* — *пижма обыкновенная*, *котовы муди* — *клевер пашенный*, *стародубка* — *адонис весенний*, *казак* — *горечавка перекрестнолистная*, *подорешник* — *копытень европейский*, *кокуй* — *ятрышник пятнистый*, *медвежье ухо* — *коровяк обыкновенный*, *заря огородная* — *любисток аптечный*, *пуп водяной* — *кувшинка белая*, *попутник* — *подорожник*, *воронье око* — *вороний глаз*, *кудрявый дягиль без сердца* — *дудник лесной*, *прострел лесовой* — *сон-трава широколистная*, *чернобыль* — *польнь обыкновенная*, *насон* — *мак самосейка* и др.

Говоря об описании лекарственных растений в тексте «простонародного» травника, следует отметить, что они дифференцируются по наиболее характерным признакам, среди которых маркиро-

ванными являются следующие «приметы»: 1) место произрастания (возле каменных бугров, при болотинах, на доброй земле); 2) величина или «рост» (въ локоть, въ перст, въ пядь); 3) форма листьев (листочки круглы, что капуста; листочки крестиками, что рябиновые); 4) количество листьев (два листа по сторонам, 4 листа); 5) особенности корня (велик, толст, глубоко в землю растет); 6) цвет как объединяющий признак, который мог определять все части растения¹⁴.

Приведем примеры описаний целебных трав: «Есть трава Иванъ, растетъ на старыхъ силны(х) местахъ, луга(х), при велики(х) река(х), росто(м) в стрелу, на ней два цвета: синей да красной, листъ ма(л), что денежки» (Трав. I, л. 77 об.); «Трава вороньцъ растетъ при река(х) лапушко(м), ворона, весь цвѣтъ беловатъ, собою ниска, лиски, что капуста» (Трав. III, л. 17 об.–18); «Царь Марунъ, она же и мордвинникъ или татаринъ, растетъ всуды, ростомъ высока, собою коловата, на ней цвѣтъ шишиками, листъ крещатъ с ыглами, по всеи по ней иглы, простою рукою брать нельзя, корень белъ морковью» (Трав. Бирюк., л. 1 об.); «Трава Адамлева глава, росто(м) в локоть, а растетъ кустиками при болота(х) раменски(х), цвѣтъ рудожелтъ кувшинцами, а листо(в) по ней 8 или 9 или 10» (Трав. V, л. 25 об.–26); «Девесиль растетъ от корени листье кусто(м), а и(з) листьа стволъ оди(н) со о(т)рослями, листки по немъ зелены нигла(д)ки, цвѣты жо(л)ты с половины былинны и до верха несамоча(с)ты, а величиною цвѣты подобны маковому, а расте(т) по старымъ дворица(м) и по огорода(м), корень то(л)стъ великъ, расте(т) не в глубину по подземелью, и у корени отра(с)ле(и) много, корень цвѣтомъ желтоватъ, в серединь бу(т)то бѣловатъ» (Трав. IV, л. 82) и под.

Необходимо отметить, что в травнике определяются только дифференциальные признаки, поэтому приметы стебля, листьев, цветка, плодов, корня указываются далеко не всегда, а только в том случае, если цвет, форма, величина какой-либо части целебной травы чем-либо выделяются на общем растительном фоне. Модель описания порождается объектом, поскольку в травнике еще нет полного отрыва признака от его носителя. В современных ботанических атласах указываются признаки всех частей растения даже в том случае, если

¹⁴ См.: Пименова М. Вас. 1) Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы. С. 47–49; 2) Наименования целебных растений в древнерусских «Травниках» // Русская речь. 1993. № 4. С. 75–76.

данные приметы являются «фоновыми», то есть современная модель описания накладывается на объект. Кроме модели описания отличаются «взгляды» на растение: травник описывает целебную траву сверху вниз, от верхних частей растения к корню, а ботанический атлас, наоборот, снизу вверх¹⁵. Например, описание травника XVII в.: «Петровъ крестъ растетъ при великихъ рекахъ, в лугахъ и в степяхъ, ростомъ в локоть, видом синя, походитъ на молодую дятловину, листочки крестиками, цветъ синь или багровъ, красноватъ или лазоревъ, на четыре грани, сверху востроватъ, подъ цветомъ что пуговки белыя, а в нихъ семечки белыя жъ, ниже цвету листовъ нету, корень синь крестами, а на немъ что чешуя рыба черная» (Трав. Бирюк., № 1). Ср. описание современного ботанического атласа: «Петров крест чешуйчатый. Многолетнее травянистое растение, с длинным, ветвистым корневищем, обильно усаженным мясистыми чешуями. Надземная часть стебля до 30 см высотой, с относительно редко расставленными чешуями... Цветки в одностороннем кистевидном соцветии, венчик 14–17 мм длины, трубчатый, к зеву мало расширенный, обычно беловато-розовый или бледно-лиловый. Цветет в апреле–мае. Встречается в лесах и кустарниках» (Ботан. атлас, с. 231).

Описания травника не содержат оценочных синтагм, однако на уровне текста в целом выражается мелиоративная эстетическая оценка, поскольку прагматически ценные растения описываются как яркие, выделяющиеся. Например, описание полифункционального мифического растения Царь Архангел, которое «всем травам Царь»: «Трава царь арха(г)елъ собою мала, а ростом в стрелу, а видо(м) синя, по сторона(м) по девяти листо(в), а на верху четыре цвѣты: червленъ, зеле(н), багре(н), си(н)» (Трав. V, л. 30 об.); «Царь Архилин, она жа и халим, растет при великих реках, при полниках, на долинках и в лесах. Ростом в пояс, собою тонка, видом синя, а молодая походит на чернь. Листья редки по 6-ти и по 13-ти и по 16-ти листов, продолговаты. Наверху четыре цвета: червленныи, зеленъ, багрянъ синь. А рвать ея июня 24-го числа сквозь серебряную цепочку, а когда не случится, то хоша сквозь гайтан» (Трав. Бирюк., л. 1 об.); «Трава царь а(р)хангелъ росте(т) мала в локоть, тонка,

¹⁵ Пименова М. Вас. Рукописный «Травник нижегородского мещанина Ивана Бирюкова» в контексте медицинской литературы XVII–XVIII вв. // Общее и региональное в древнерусской и старовеликорусской языковой культуре: Межвуз. сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 1993. С. 90–91.

видо(м) сinya, на сторона(х) по девяти ли(с)ковъ, въверху четыре цвѣта: че(р)вленъи, зеле(н), багря(н), сийъ» (Трав. II, л. 2 об.)¹⁶.

В заключение следует отметить, что дальнейший анализ наименований растений и их описаний в древних «простонародных» травниках может послужить основой соответствующего словаря, который позволит наглядно представить особенности языковой картины мира человека Древней Руси.

Сокращения

- Ботан. атлас — Ботанический атлас / гл. ред. В. К. Шишкин. М.; Л., 1963.
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси: в 12 т. М., 1978–1994.
Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. М., 2003.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. Л.; СПб., 1965–2010.
Трав. Бирюк. — Травник нижегородского мещанина Ивана Бирюкова XVII в. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. VI.16. 35 л.
Трав. I — Травник XVIII в. // Там же. 0.VI.6. 83 л.
Трав. II — Травник XVIII в. // Там же. 0.VI.19. 13 л.
Трав. III — Травник XVIII в. БАН. 33.14.11. 47 л.
Трав. IV — Травник кон. XVIII в. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 218.357. 248 л.
Трав. V — Травник 1703–1705 гг. // Там же. Ф. 310.1072. 159 л.
Трав. VI — Травник, или Описание трав, какая как растет и каким видом в вышину, и цветом, и корнем. XVIII в. // Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук. 38.5.51 (собр. Плюш., № 212). 165 л.
Трав. VII — Травник нач. XIX в. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. 0.VI.5. 100 л.
Трав. VIII — Травник сер. XVIII в. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 334.289. 39 л.

¹⁶ *Пименова М. Вас.* Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы. 1987. С. 49–51.

Е. В. Генералова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Аннотация

Субстантивация интерпретируется как динамически изменяющийся, развивающийся процесс. В статье рассматриваются модели субстантиватов в старорусском языке XV–XVII вв., делаются выводы об особенностях семантики, грамматической природе, употребительности разных моделей (наиболее многочисленными оказываются субстантиваты — обозначения лица, названия пошлин и названия грамот). Обсуждается вопрос лексикографического представления субстантивированных прилагательных.

Ключевые слова: субстантивированные прилагательные, русский язык XV–XVII вв., семантика, модель, узуальная и окказиональная субстантивация, функционирование в памятниках.

LEXICAL-SEMANTIC GROUPS OF SUBSTANTIVIZED ADJECTIVES IN THE HISTORY OF LANGUAGE

Summary

Substantivation is presented as a dynamically changing, developing process. In the article models of substantivized adjectives in the Russian Language of XVth–XVIIth centuries are described. Also the conclusions are made about semantics, grammar and functioning of different models of substantivates (the designations of persons, charters and duties appeared to be the most numerous). The question of lexicographical representation of substantivized adjectives is also discussed.

Key words: substantivized adjectives, russian language of XVth–XVIIth centuries, semantics, model, usual and occasional substantivation, functioning in the texts.

Разными исследователями неоднородное явление субстантивации интерпретируется с разных точек зрения, которые взаимодополняют одна другую. Интересно отношение субстантивации к диахронно-синхроническому разграничению материала. С одной стороны, никто из исследователей не отрицает активность процессов субстантивации в современном языке, и Е. А. Земская особо подчеркивает, что это регулярный переход, кроме того, отмечает среди морфолого-синтаксических способов способ именно синхронного словообразования¹. С другой стороны, субстантивация — достаточно древний способ словообразования, и в этом смысле интересно изучение процесса в истории языка в преемственности и одновременно своеобразии.

Относительно древности процесса субстантивации кажется убедительной точка зрения Е. И. Аюповой: говорить о субстантивации правомерно лишь после распада древнейшего синкретизма имени². Исследуя материалы памятников XI–XVII вв. на предмет истории русского словообразования, Ю. С. Азарх пишет, что древнейшими субстантиватами являются образования со значением лица (по происхождению прилагательные мужского рода или множественного числа)³. В книжно-церковных текстах достаточно рано возникают субстантивированные прилагательные в форме среднего рода, чаще множественного числа, в большинстве случаев — кальки с греческого.

Субстантивация — развивающийся процесс, и количество субстантиватов в языке растет со временем. В старорусском языке частотны разные модели.

1.1. Самой многочисленной в языке XV–XVII вв. по-прежнему остается **группа субстантиватов со значением лица**, но семантика этих образований несколько иная, чем в древнерусском. Например, непродуктивной становится группа обозначений жены по мужу — субстантивированные прилагательные в форме женского рода (*дьяконова, королева*)⁴.

1.1. В памятниках обиходного и делового языка XV–XVII вв. чаще всего встречаются субстантиваты, по образованию прилагательные

¹ Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

² Аюпова Е. И. Субстантивация в группе наименований ребенка в русском языке // Исследования по русскому языку: Сб. ст. к 70-летию проф. Э. А. Балалыкиной. Казань, 2007.

³ Азарх Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. М., 1984. С. 113.

⁴ Там же.

в форме мужского рода или множественного числа, **наименования лица по характерному признаку**. Характерным может выступать некий внешний (*беззубый, бородатый, горбатый, безрукий, брюхатый*) или внутренний выдающийся признак (*богатой, глупый (глупые), умный, мудрый, ленивый*).

С функциональной точки зрения подобные субстантиваты очень типичны для пословиц: Беззубому орѣхъ и зубатому не грѣхъ (Сим. Послов., с. 82, XVII в.); Бгъ суди виноватова хто обидит бородатова (Сим. Послов., с. 81, XVII в.) (*бородатый* ‘крестьянин, бедняк’); Для умнова печать а для глупова замокъ (Сим. Послов., с. 95, XVII в.). Но их появление закономерно и в других текстах разнообразной жанровой принадлежности (что является свидетельством их наличия в лексической системе языка соответствующего периода). См., например: Безрукие, възграйте в гусли; буявые, воскликните бражником песни безумия; безногие, възсочите... Глухие, потешно слушайте; нагие, веселитесь, ремением секитесь, дурость к вам приближается (Служба кабаку, с. 48, XVII в.); Умный фастат отцом-матерью... Глупой фастат добрым конем (Ист. песни, с. 345, XVI в.); Сошли мнѣ Бог глупово [glupovo], богатово, у кого я умѣю принять (Разг. Фенне, с. 383, 1607 г.); Глухой — głuchy, глухая — głuska (Двор тур. султ., с. 290, 2-я пол. XVII в.) (зафиксирован даже субстантиват в форме женского рода).

1.2. Для языка памятников старорусского языка характерны субстантиваты — **наименования лица, указывающие на имущественный статус** путем характеристики какого-либо признака, связанного с этим (всегда бедственным) социальным положением: *голенькие, нагие, босые*. Субстантивация таких прилагательных происходит в форме множественного числа, т. к. это обозначение группы населения. Ср.: Люди богатые живут славно, а голенких не ссужают, на беду себе денги копят (Азб. о гол. и небог., с. 32, сер. XVII в.) (характерна антонимия словосочетания *богатые люди* и субстантивата *голенькие*); Да не бьют, не мучат нагих, босых, и из раю нагих, босых не выгонят (Пов. Гор.-Зл., с. 111, XVII в.) (формула *нагие-босые* — устойчивое сочетание в языке этого периода, деловая формула, выражающая смирение и самоуничижение).

1.3. Другая группа субстантиватов, обозначающих группу населения (субстантивация также происходит в форме множественного числа), это **наименования лица** не столько по имущественному, сколько **по социальному положению: большие, средние, меньшие**.

Возможна была и более узкая социальная семантика — в этом случае субстантиваты означали положение не в обществе, а в семье.

Так, субстантивирюясь в форме мужского рода единственного числа, *большой* означает ‘глава семьи, хозяин дома’: Большой в доме что ханъ в Крыму (Сим. Послов., с. 82, XVII в.), в форме множественного числа *большие, старшие* означают ‘взрослые’: И к болшим быти послушну (Дм., с. 33, XVI в.); ни прилагательное *взрослый*, ни субстантиват *взрослые* в этот период не фиксируются.

1.4. Особо следует сказать о группе субстантиватов — обозначений лиц по профессиональным занятиям: *окольничий, стряпчий, подъячий, стремянной, ближний* и т. д.). Таких слов немало и в современном языке (*пожарный, заведующий* и др.). Наблюдение за функционированием таких существительных в языке памятников XVI–XVII вв. позволяет увидеть различные стадии субстантивации этих лексем. Так, слово *стремянной* известно в языке этого периода как полноценное прилагательное (в сочетаниях *стремянной двор, стремянной приказ*) и при обозначении профессии используется в основном в словосочетаниях (*стремянной конюх, стремянные стрелцы*); субстантиваты единичны, например: Да того жъ дни, какъ послы будутъ къ Москвѣ, велятъ быть на встрѣчѣ спалникомъ, столникомъ, стряпчимъ... подъячимъ, стремяннымъ... торговымъ людямъ посотенно, нарядись по посолскому обычаю, у кого какихъ нарядовъ прилучилось (Котошихин, с. 50, 1667 г) (субстантиват *стремянные* использован в кругу других субстантиватов, т. е. при эллиптическом механизме субстантивации можно наглядно видеть и действие закона аналогии).

Слово *ближний* находилось в «более продвинутой» стадии субстантивации, активно используясь в языке XVI–XVII вв. и как прилагательное, и как субстантивированное существительное, в том числе со значением профессии — ‘приближенный к правителю, имеющий право доступа в покои’. По текстам нетрудно восстановить исходные словосочетания *ближние люди, ближний человек* и др.: А до 15 лѣтъ и болши царевича окромѣ бояръ и ближнихъ людей, видѣти никто не можетъ (Котошихин, с. 14, 1667 г.); А примать вас будет королевского величества ближней человек маршалок де Бельфон в здешнем местечке Кролеве (Ст. сп. Потемкина, с. 246, 1669 г.); А какъ царица пойдет въ мылню, и съ нею мать и иные ближняя жены и сваха, и осматриваютъ еѣ сорочки (Котошихин, с. 10, 1667 г.), в результате сворачивания этих исходных словосочетаний возникают субстантиваты *ближний* и *ближние*: А послѣ обѣдни жаловалъ великий государь бояръ и околничихъ, и ближнихъ и всякихъ чиновъ людей, имянинными пирогами (Выходы ц. в. к., с. 419, 1664 г.).

Высокочастотно в памятниках XVI–XVII вв. слово *стряпчий*, обозначающее придворного, выполняющего различные поручения (значение ‘поверенный’ устанавливается позже). Эта лексема известна только как обозначение профессии и преимущественно как субстантиват: послано наперед съ стряпчими: шапка горлатная другого наряду, колпакъ большой (Выходы ц. в. к., с. 8, 1633 г.), челобитье стряпчего Федора Семенова сна Воеикова (МДБП, с. 218, 1676 г.). Однако есть несколько контекстов, в которых слово *стряпчий* используется как прилагательное в сочетании *стряпчий конюх*, обозначающем человека, в обязанности которого входило наблюдение за царскими лошадьми и каретами: Бьет челом холоп твой стряпчей конюгъ Евсютка Верещагинъ (МДБП, с. 231, 1679 г.); И я... сие отписку послал от стану до стану с стряпчими конюхами (РД II-2, с. 23, 1670 г.).

Примером конечной стадии субстантивации, полной субстантивации, может служить хорошо известное в языке этого периода древнее слово *окольникчий*, обозначающее один из высших боярских чинов: князь Борис Александрович Репин да окольникчей Василей Иванович Стрешневъ (МДБП, с. 262, 1642–43 гг.); А съ царемъ ъхалъ къ Москве окольникчей Володимерь Васильевичъ Морозовъ (ДТП II, с. 54, 1552–1618 гг.).

1.5. Немногочисленна группа субстантиватов — указаний на место происхождения человека. Ведущая роль при указании на связь человека с определенной местностью принадлежит в этот период конструкциям с оттопонимическими прилагательными (*рузские прикацики, болхавский торговый человек, московский пушкар* и т. д.)⁵. Субстантиваты же с такой семантикой известны исключительно в форме множественного числа как обозначения совокупности людей. Такие образования, во-первых, встречаются в тексте Вестей-Курантов — от прилагательных, образованных от иноязычных существительных (*гданьские, гесские* и др.), а во-вторых, единичны в некоторых деловых памятниках: И кирилловским соловецких тако же речками з бревны и с дровы пропуцати в весне до рыбные ловли и до красные рыбы (АСМ, 1580 г.). Субстантиват *братские* зафиксирован как обозначение народности бурятов (Грамотки, № 300, XVII — нач. XVIII в.).

⁵ См. подробнее: Генералова Е. В. Прилагательные, образованные от топонимов: проблема семантической и лексикографической информативности // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 6 / отв. ред. О. А. Черепанова. СПб., 2005. С. 41–51.

2. В нескольких (непродуктивных) группах субстантиватов восстанавливается другой опорно-семантический компонент (не ‘человек’), субстантивация здесь тоже эллиптического происхождения. Это, во-первых, **субстантиваты — названия Бога** (*Вышний, Всевышний, Всемогущий, Высочайший*), образованные в форме единственного числа мужского рода от прилагательных, являющихся часто употребительными эпитетами Бога, и использующиеся в памятниках самой разной жанровой и стилистической принадлежности.

Во-вторых, это **субстантиваты, обозначающие животных** (*борзые, вороной, вороные*). В дневнике Р. Джемса зафиксировано субстантивированное в форме мужского рода единственного числа прилагательное *глухой* для обозначения тетерева (наряду с ним используются и расчлененное наименование *глухой тетерев*, и суффиксальное образование *глухарь*: Джемс, с. 3, 1619 г.).

В целом на примере самой многочисленной группы субстантиватов — указаний на лицо, группы, активной и в современном языке, можно наблюдать сам механизм субстантивации: прежде всего эллиптический (в абсолютном большинстве случаев легко восстановить опущенные слова *человек, люди*), но в ряде случаев и аналогический.

Грамматически для обозначений лица используется преимущественно форма мужского рода, чаще единственного числа, в исключительных случаях форма женского рода. Ю. Б. Смирнов отмечает, что «субстантивированные прилагательные, не относящиеся к мужскому роду, весьма разнородны в семантическом отношении и могут обозначать как людей, так и различные неодушевленные сущности», в то время как «результаты субстантивации прилагательных мужского рода предсказуемы и однозначны: в субстантивате всегда присутствует семантический компонент ‘человек’»⁶. Таким образом, как подчеркивает Ю. Б. Смирнов, лексические свойства этой группы субстантиватов оказываются обусловленными их грамматическими признаками, в связи с чем список потенциальных субстантиватов мужского рода — окказиональных субстантиватов — является открытым, включая слова с разной степенью субстантивации, и практически любое прилагательное может быть субстантивировано

⁶ Смирнов Ю. Б. О разграничении окказиональных и узуальных субстантивированных прилагательных (лексикографический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 9. Вып. 4. С. 61.

в форме мужского рода⁷. То есть группа субстантивов — обозначений лица едва ли может быть инвентаризирована.

В деловом языке XVI–XVII вв. самыми многочисленными являются две следующие группы субстантивов: названия пошлин и названия грамот.

3. Субстантивы — обозначения пошлин — это обозначения в форме среднего рода единственного числа (*бражное* ‘пошлина за право варить брагу’, *береговое* ‘пошлина, взимаемая за охрану чего-либо’, *борчее* ‘пошлина в пользу сборщика податей’, *восьмьничее* ‘торговая пошлина, составляющая восьмую часть дохода’, *воротное* и др.). См., например: И кто у них [монахов] в их дворе учнет жити людей, — и тем людям не надобе моя, княжо Андреева Ивановича, дань, ни ямские деньги, ни посошная служба..., ни бражное, ни поворотное, опричь перевоза (АФЗХ II, с. 122, 1534 г.); А лъсу без берегового Иван Яковълевич не дает, просить за сто по полуполтине, за три года щитае три рубли, а нам, гсдрь, платит нечем, голодную смертьтю помираем, а Федор Ильичъ запълатил на Москвѣ береговое Ивану Яковълевичу Рагозину (ПНРЯ, с. 56, XVII в.). Примеры таких образований многочисленны. К этой группе близка группа обозначений платы за какую-либо работу: *головное* ‘то, что пожаловано голове, начальнику’, *годовое* ‘жалование на год’, *банное* ‘плата за посещение бани’ и др.

Основная масса таких образований представляет собой прилагательные в форме среднего рода единственного числа, при этом большинство используется и как прилагательные в других словосочетаниях, ср.: *борчее*, с. и *борчие книги*, *воротное*, с. и *воротные петли*. Для таких субстантивов (по образованию — прилагательных в форме среднего рода единственного числа) принципиально невозможно установить исходное словосочетание и восстановить опущенное существительное. Это так называемая деэтимологизированная субстантивация — субстантивация, не сохраняющая живые связи с базовым словосочетанием. Очевидно, большинство субстантивов — названий пошлин возникает не путем эллипсиса, а по аналогии, в результате чего ряд таких образований (например, *восьмьничее*) — полные субстантивы.

Гораздо реже обозначения пошлин субстантивируются в форме женского рода (здесь как раз можно реконструировать существительное *пошлина*), ср.: *выезжая* ‘пошлина, взимаемая при выезде с торговых и промышленных людей’. При этом в современном языке для субстантивов, обозначающих платежи, финансовые суммы

⁷ Там же. С. 62.

и т. д., фиксируется форма множественного числа (*наличные, премиальные, отпускные*) и восстанавливается опорный семантический компонент 'деньги'.

4. Субстантиваты — названия грамот — это образования принципиально другого рода, такие слова известны и как субстантиваты, и как прилагательные в сочетаниях с определяемым *грамота*. Субстантивация, имеющая место в форме женского рода единственного числа, носит безусловно эллиптический характер. Субстантивированных образований такого рода насчитываются десятки: *беглая, бессудная, ввозная, выводная, данная, проезжая, духовная, правая* и т. д. См., например: А суд боярской: которому намеснику дано, и ему давати полные и докладные; а правые и беглые давати з доклада, а без доклада правые не давати (Судебник 1589 г., с. 428); А хотя на них безсудную возьмет не по тем их срокам, — и та безсудная не в безсудную (АФЗХ II, с. 145, 1539 г.). Даже зафиксированные только в словосочетаниях прилагательные обнаруживают явную тенденцию к субстантивации; каждое прилагательное, использующееся терминологически в сочетании со словом *грамота*, потенциально может быть субстантивировано в форме женского рода единственного числа.

5. Для церковно-книжных контекстов типичны иные субстантиваты — образования с абстрактной семантикой. Субстантивация прилагательных происходит в форме среднего рода множественного числа (*благая, благоотребная, земная, годная*) и среднего рода единственного числа (*тленное, временное, вечное*). Последняя модель является очень продуктивной, хорошо известна и в современном языке (*разумное, доброе, вечное*). Е. И. Аюпова отмечает, что грамматическая форма среднего рода и контексты словоупотребления доказывают их изначальную обусловленность местоимениями типа *что-то, нечто, все*, выступавшими в роли определяемого слова; абстрактность семантики обеспечивает легкость перехода от прилагательных к существительным и продуктивность модели⁸.

6. Фиксируется небольшая группа субстантиватов — пространственных обозначений, см., например: *поднебесная, вышняя* 'небеса как место пребывания Бога'. Здесь интересна субстантивация прилагательного *вселенный*. В языке XVI–XVII вв. это слово функционирует и как прилагательное, и как субстантиват. В качестве прилагательного слово *вселенный* встречается преимущественно в составе устойчивых сочетаний *вселенный мир* (в заключительной формуле

⁸ Аюпова Е. И. Субстантивация в группе наименований ребенка в русском языке. С. 22.

о вечном поминовении во вкладных списках) и *вселенная земля*: Поминаги им [игумену Лаврентию с братией] сына моего [Т. Дмитриева] докуле мир вселенный стоит и та чесная обитель (АФЗХ II, с. 334, 1566 г.); Донележь Богъ благоволитъ Пречистые дому стояти и миръ вселенный, а изъ списковъ насъ [Василья и его сестру] не выгладити (А. Угл., с. 79, 1586 г.), т. е. сочетаемость этого прилагательного в исследуемый период уже не свободная, и условия употребления ограничены. Субстантивируется слово в форме женского рода единственного числа (как опорный компонент восстанавливается 'земля'), находясь, таким образом, в ряду подобных субстантиватов с пространственной семантикой: Разумеши ли кончину арапа онаго, иже по вселенной и всеа руския державы летал, яко жюк мотыльный... Паисей Александрейский епископ? (Авв. Письма, с. 225, 1676 г.); Вселенна [wselenna], Weerelt (Разг. Хеймера, л. 11 об., кон. XVII в.).

7. Особые субстантиваты от прилагательных фиксируются в формирующемся в конце XVI–XVII вв. официально-деловом стиле. **«Официально-деловые» субстантиваты** (*вышепомянутое, выше-реченное*) образуются от прилагательных-комполит, лексикализующихся в форме среднего рода единственного числа. См., например: И о вышереченном млсти прошу [И. Кольцов] и стократно челом бью (ПНРЯ, с. 66, XVII в.); За симъ вѣчных блгъ желател а любви твоеи всегда искател Фегка Мусинъ Пушкинъ прося о вышепомянутом [выполнить работу и прислать узду] млсти премного челом бьет (Грамотки, № 311, XVII–нач. XVIII в.).

Можно также упомянуть о немногочисленных, только оформляющихся в группы субстантиватах — обозначениях неких конкретных предметов (*воровское* 'краденое', *атласное*, *камчатное*, *бархатное* 'одежда из соответствующего материала', *вотчинное* 'строение и имущество, составляющие наследственную собственность') и процессов (*всенощное* и *всенощная* и др.)

В целом в языке этого периода не так много полных субстантиватов (неизвестных как прилагательные), в основном это названия должностей и пошлин. Большинство же широко употребительных субстантиватов неполные, известны в языке и как прилагательные, и как существительные, например: Указъ, как лѣчити болныхъ людей (Леч. Щук., л. 1, кон. XVII — нач. XVIII в.) и А болных и раненых застали мы 2000 (Пов. аз. ратн. сид., с. 80, 1642 г.).

Можно видеть, что субстантивация представляет собой развивающееся историческое явление. При его рассмотрении следует постоянно иметь в виду тесную взаимосвязь трех аспектов: грамма-

тического, лексико-семантического и функционально-стилистического. То есть, например, говоря о преобладании субстантивации в форме среднего рода множественного числа (*благая, добрая* и др.), следует обязательно указать на абстрактную семантику таких образований, их высокую стилистическую окраску и употребление в книжных контекстах.

Не останавливаясь подробно на дискуссии о разграничении узальной и окказиональной субстантивации в современном русском языке, заметим, что критерии такого разграничения в истории языка оказываются не однозначны. В диахронии определение узальности субстантивации особенно затруднительно, так как количество дошедших до нас контекстов ограничено, смоделированные контексты и переложения заданного текста в принципе невозможны, и наконец, в ряде случаев мы наблюдаем процесс субстантивации «в процессе».

То есть в истории языка скорее можно основываться на большей или меньшей употребительности образований, как ни зыбок этот критерий. В связи с этой сложностью выделения узальных субстантиватов в истории языка представляется, что лексикографически все неполные субстантиваты необходимо подавать не отдельной статьей, а в рамках словарной статьи на имя прилагательное. Языковая реальность такова, что субстантивация — это исторический процесс, объединяющий разнородные явления, имеющий свою специфику на каждом историческом этапе.

Сокращения

- Авв. Письма — Аввакум. Письма // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М., 1960.
- Азб. о гол. и небог. — Азбука о голом и небогатом человеке // Русская демократическая сатира XVII века / подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954.
- АСМ — Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. / сост. И. З. Либержон. Л., 1990.
- А. Угл. — *Шумаков С.* Угличские акты (1400–1479 гг.) // Чтения в Обществе истории древностей российских. 1899. Кн. 1. Отд. 1.
- АФЗХ II — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. Ч. II. М., 1958.
- Выходы ц. в. к. — Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всея Руси самодержцев (1632–1682 гг.) / сообщ. П. М. Строев. М., 1844.
- Грамотки — Грамотки XVII–начала XVIII в. / изд. подгот. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова / под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

- Двор тур. султ. — *Старовольский С.* Двор турецкого султана: по шести переводам второй половины XVII в. (расписан русско-польский словарь из докт. дис. Е. М. Иссерлин «Лексика русского литературного языка 2-й пол. XVII в.» Л., 1961.).
- Джемс — *Ларин Б. А.* Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959.
- Дм. — Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 1994.
- ДТП II — Дела тайного приказа. Кн. II // Русская историческая библиотека. Т. 22. СПб., 1908.
- Ист. песни — Исторические песни XIII–XVI веков (по спискам XVIII–XX вв.) / изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.
- Котошихин — *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. 2-е изд. СПб., 1859.
- Леч. Щук. — Указ как лечити больных людей // Государственный исторический музей. Собр. Щукина. № 290).
- МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.
- ПНРЯ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия / изд. подгот. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. М., 1965.
- Пов. аз. ратн. сид. — Поэтическая повесть об азовском осадном сидении 1642 г. // Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949.
- Пов. Гор.-Зл. — Повесть о Горе-Злочастии // Русская повесть XVII в. / подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц; сост. М. О. Скрипиль. М.; Л., 1954.
- Разг. Фене — *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / ed. By L. L. Hammerich, R. Jakobson. Vol. II: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.*
- Разг. Хеймера — *Niederländisch-russische Gesprächsbuch von J. Heemer. 1696 // Günther E. Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jahrhundert. Berlin, 1964 (ротапринт).*
- РД II-2 — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. Т. II, Ч. 2. М., 1959.
- Сим. Послов. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / собрал П. Симони // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. 66. СПб., 1899.
- Служба кабаку — Служба кабаку: праздник кабацких ярыжек // Русская демократическая сатира XVII в. // подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954.
- Ст. сп. Потемкина — Статейный список П. И. Потемкина // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.
- Судебник 1589 г. — Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 года // Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956.

О. А. Черепанова

**ПИНЕЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ XVII в.:
К ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ ПАМЯТНИКА**

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые проблемы историографии региональной хроники, написанной на Пинеге в XVII в.; исследуется ряд лексических элементов, содержащихся в тексте.

Ключевые слова: региональное летописание, историография, лексический состав, семантика.

**REGIONAL CHRONICLE OF THE XVIIth CENTURY
«PINEZSKY LETOPISECZ»: RESEARCH SOME LEXICAL TOPICS**

Summary

The article considers the actual problems of the historiography of the regional chronicle, which was written on Pinega-river region in the XVIIth century. Author of the article researches some lexical topics represented in this text.

Key words: regional chronicle, historiography, vocabulary, semantics.

Памятник получил наименование «Пинежский летописец» (далее ПЛ), потому что был обнаружен в Архангельской области, на Пинежье, в деревне Засурье¹, примыкавшей к селу Сура, в 1969 г., но главным

¹ Рукописный сборник, в котором находится Пинежский летописец, был передан летом 1969 г. непосредственно автору этих строк Михаилом Артемьевичем Кунниковым, в доме которого я жила во время диалектологической экспедиции кафедры русского языка ЛГУ в деревне Засурье, рядом с поселком Сура. М. А. Кунникову было тогда 76 лет. Это был грамотный, многим интересующийся человек, который, однако, почти не выезжал за пределы родных мест, поскольку сообщение с Сурой было лишь во время майско-июньского половодья на реке Пинеге (именно с 1969 г. из Архангельска в Суру стал летать маленький самолет с периодичностью 2 раза в неделю, на котором наш отряд и прибыл на место работы). Он рассказывал, что в молодости довольно

образом потому, что он был создан непосредственно на Пинеге и в нем содержатся некоторые исторические сведения о событиях, происходивших именно в этих местах. Интересный с точки зрения содержания и языка текст был издан всего через три года после его поступления в древлехранилище Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), несмотря на значительные трудности издания памятников в те годы.

Краткое текстологическое, историко-литературное и отчасти палеографическое описание рукописи выполнено А. И. Копаневым и предваряет публикацию памятника в издании «Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома». Рукописный сборник, включающий ПЛ, находится в Древлехранилище им. В. И. Малышева (Пушкинский Дом) под номером 440. Владельческие записи в рукописи позволяют предположить, что некий пинежанин по имени Нехорошко, возможно, был тем деревенским историком, который в 1661 г. создал ту редакцию ПЛ, о которой идет речь². Рассматриваемый текст является, очевидно, второй редакцией исторического повествования. Первая хранится в Государственном историческом музее (Муз. № 3996, л. 160–273); она также имеет пинежское происхождение и, вероятно, принадлежала той же семье, что и сборник, в котором находится вторая редакция, о чем свидетельствует запись: «Сия книга глаголемая Марьи Нехорошого дочери, Оврамовской жене Тороканова» (речь идет о дочери предполагаемого автора 2-й редакции — Нехорошко, которая вышла замуж за Авраамия Тороканова)³. В тексте 2-й редакции повествование доводится до 1613 г., в то время как в 1-й редакции только до 1583-го; 2-я редакция интересна упоминаниями о событиях на Русском Севере в целом и о тех, в которых принимали участие пинежане, конкретно, житель деревни Лавела, существующей и сейчас. Это краткое житие Артемия Веркольского, святого Пинежского края, почитание которого не только не угасло с течением времени, но получило в наше время еще большее звучание

близко общался с преподобным Иоанном Кронштадтским. Когда тот приезжал на свою родину в Суру, то Михаил Артемьевич, тогда молодой человек, был приставлен к нему в услужение на барке, на которой о. Иоанн плыл по Пинеге и реке Суре, которая тогда, особенно в половодье, была судоходной для небольших судов.

² Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 57–91. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

³ Есть предположение, что у текстов 1-й и 2-й редакций один и тот же автор, но это требует подтверждения исследованием содержания и языка рукописей.

и распространение. Только в ПЛ (т. е. во 2-й редакции) под 1596–1597 г. говорится о первой разведке Мангазеи с участием пинежанина: «Лета 7105 году Юрье Долгушин устьцылемец да пан литовский полоненик, да Смирной пинежанин лавелец первые Мунгазею проведали Надым реку»⁴ (с. 80). Это свидетельство оказалось настолько интересным и важным, что в том же издании, где опубликован ПЛ, помещена статья М. И. Белова о разведочном походе поморов в Мангазею; в ней с позиций исторической науки оценивается значимость этого факта⁵.

«Пинежский летописец», как и прочие исторические хронографы, имеет компилятивный характер. В нем использованы (нередко в виде дословных повторений целых отрывков) «Сказания о начале Москвы», в частности повествование об убиении Даниила Суздальского (тип 3-й по классификации редакций М. А. Салминой⁶), «Сказание» Авраамия Палицына, Житие царя Федора, составленное патриархом Иовом; многие исторические сведения носят легендарный характер — сказание о боярине Кучке, его детях Кучковичах и начале Москвы, о взятии Смоленска, о казнях Ивана Грозного, о гибели его сына.

Многие черты текста ПЛ говорят о провинциализме его составителя, далекого от событий центральных районов Московского государства. Об этом свидетельствуют ошибки в датах, перемещение некоторых событий во времени и пространстве, мена имен.

1-я редакция пинежского памятника была рассмотрена М. А. Салминой в связи с ее работой над «Сказаниями о начале Москвы»⁷; 2-я редакция, т. е. текст, называемый «Пинежский летописец», ей еще не была известна. Занимающее важное место в ПЛ повествование об убиении суздальского князя сыновьями боярина Кучки почти полностью совпадает с 3-м типом этого «Сказания об убиении суздальского князя Даниила и о начале Москвы» по текстологической классификации М. А. Салминой. Не исключено, что этот 3-й тип текста сложился именно в пинежских местах, но это требует дополнительных изысканий.

⁴ Здесь и далее при цитировании сохраняется графика и орфография издания.

⁵ Белов М. И. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. С. 279–285.

⁶ Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. Гл. 111. Текстологическое исследование «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы». С. 82–126.

⁷ Там же.

И хотя ПЛ — произведение не в полной мере оригинальное, компилятивное, его язык — это типичный язык произведения хроникально-повествовательного жанра XVII в. В нем обнаруживается стремление к беллетристичности, он динамичен, содержит много лексем и оборотов речи, свойственных бытовому языку эпохи и даже фольклору. Эти особенности объясняются тем, что автор — человек грамотный, но без больших навыков в области книжной словесности, а источники, которыми он пользуется, часто пересказываются, передаются на память. В качестве иллюстрации приведем параллельные отрывки текста из «Сказания» Авраамия Палицына и ПЛ.⁸

«Сказание» Авраамия Палицына

Того же лета 7109 года излиание гневоб-
быстрое бысть от бога. Омрачи господь небо
облаки и толики дождь пролиася, яко вси
человеци во ужась впадоша. И преста вся-
ко дело земли и всяко семя сеянное, возрас-
тши, расседесе от безмерных вод, лиемых
от воздуха; и не обвея ветер травы земныя за
десять седмиц дней и прежде простретиа
серпа поби мраз сильный всяк труд дел че-
ловеческих и в полях, и в садах, и в дубравах
всяк плод земный⁸

«Пинежский летописец»

В то же время [в лето 7109]
гневом божиим омрачи бог не-
бо облаки и дождь пролиася на
землю, и залило хлеб на нивах
и траву, а в Поморие безмер-
ным мразом во всю вселенную
иззябл (с. 81).

Книжные элементы в определенном количестве также присут-
ствуют в повествовании, но они, очевидно, были чужды составителю
Летописца, поэтому встречаются искажения как фонетического об-
лика книжных слов, морфологических показателей словоформ, так
и синтаксических конструкций: *жербий* вместо *жеребий*, *зшед* вместо
зошед, и *ту срете бысть* образцом Никитиным и под.

Настоящая статья содержит некоторые наблюдения над лексикой
«Пинежского летописца». Особое внимание уделяется тем лексемам,
которые не представлены в лексикографических источниках, харак-
теризующих язык этого периода (в первую очередь это СлРЯХИ–XVII,
картотека и вышедшие тома СОРЯ) или в тексте ПЛ их семантика
высвечивается в несколько ином плане, чем в словарных статьях.
Небезынтересным представляется отметить некоторые семантиче-
ские процессы и дать историко-лингвистический комментарий к от-

⁸ Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и
Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955. С. 105.

дельным словам. Более полное описание лексики памятника и сопоставление первой и второй редакций — дело будущего.

Существительное *устье* как наименование нижней части реки при ее впадении в другой водоем употребляется в беспредложных конструкциях: «и прииде *устие* Днепровское и поиде по Днепру горе» (с. 65), в несогласуемой форме: «Ис того езера втечет *устие* (= устьем) в море Варяжское» (с. 65) и в усеченной, неизменяемой, не включенной в строй предложения форме: «тело его повергоша *усть* Смядыни реки меж двема колодома» (с. 69), «и как будет *усть* Смядыни реки, и стретоша его погани убийцы» (с. 69). Приведенные словоупотребления и конструкции демонстрируют, очевидно, этапы образования модели топонимов, распространенных на Севере и сохранившихся до настоящего времени: Усть-Цильма, Усть-Ижора, Усть-Нарва, Устюг, Устюжна и под.

Дает повод для комментариев наречное образование в следующем контексте: «И Кучко боярин не возмог противитися *ни малешей* *напротив* Данила» (с. 73). Даже при выраженном оканье, нашедшем отражение в тексте, более верным считаю прочтение *ни малешейно против*. Такое прочтение поддерживает и семантика наречия/предлога *напротив*, а также параллельный контекст из «Сказания об убиении Даниила Суздальского»: «И Кучко боярин не возмог противитися нимало *против* Данила»⁹. Возможно, пересказывая текст или побуждаемый стремлением сделать его более выразительным, автор ПЛ употребил разговорно-диалектное наречие. Наречия с общим значением «мало, немного» и прилагательные, от которых наречия такой семантики могут быть образованы, представлены по говорам большим числом дериватов с корнем -мал-, при этом образование большей части из них обусловлено, несомненно, стремлением к повышению экспрессии речи: *мале*, *малене(о)*, *маленек*, *маленько*, *маленюшко*, *малехочко*, *малешечко*, *малешко*, *малешехонький*, *малешущий*, *малещенный*, *малехтенный*, *малехтёненький*, *малехтиханьный*, *малехочкий* и др. (СРГК, т. 3, с. 189–192; СРНГ, вып. 17, с. 325–326). В ряду подобных образований вполне может находиться и наречие, употребленное в ПЛ.

В Летописце присутствует ряд слов, зафиксированных лексикографическими источниками, но в тех оттенках или употреблениях, которые в них не отмечены. Так, в СлРЯХI–XVII глагол *иззябнути*

⁹ Салмина М. А. Повести о начале Москвы. С. 233.

имеет два значения: 1. иззябнуть, озябнуть (XVI–XVII вв.); 2. обморозиться, перемерзнуть: Иззябоша мнози [воины] Тип. Лет. 187; Плоть его вся иззябла и острупела. Ж. Нифонта, XVII–XVIII вв. (СлРЯXI–XVII, вып. 6, с. 159). По семантической соотнесенности отрывков из «Сказания» Авраамия Палицына и ПЛ (пример см. выше) видно, что в Летописце глагол имеет значение «погибнуть от мороза (об урожае)».

Семантика слова *любовник* в СлРЯXI–XVII (вып. 8, с. 329) представлена двумя значениями: 1. любимец, друг, почитатель; 2. сторонник, приверженец (фиксации XII–XVII вв.). В тексте ПЛ слово имеет вполне современное значение: «Мужчина по отношению к женщине, находящейся с ним во внебрачной связи»: «...княгиня Марья прелстилася на красоту их хорошую и сжилася с ними любовью постельничной... И княгинина его с Кучковыми детьми, своими *любовники*, почали тужить, что ушел от них ранен князь Борис» (с. 72). (Современное значение не зафиксировано в Картотеке СОРЯ; не отмечено и в СлРЯXVIII, вып. 12).

Очевидно, как приближение к разговорной речи можно рассматривать и употребление сочетания *грако воронове*: «глаголют царю Дмитрию: „Доколе стужают и досажают твоему благородству грако воронове, возгнездившеся во гроб каменной“ (с. 88). *Грако воронове* — это крик, карканье, граканье ворон, причем выражение употреблено в переносном смысле, по отношению к людям. В «Сказании» Авраамия Палицына в сходном контексте находим *граворонове*. Древней письменности известны лексемы *гракати*, *грай* (птичий), *воронограй*, в частности как название отреченной гадательной книги. Грамматическая характеристика конструкции затруднительна, однако в ПЛ можно видеть тенденцию к восприятию слова *грако* как отглагольного существительного (не отмеченного словарями), которое может быть соотнесено с севернорусским *грак* 'птица семейства вороновых с черным опереньем' (СРГК, т. 1, с. 387) (ср. также укр., блр. *грак* «ворон»).

Не отмечены в лексикографических собраниях лексема *всхожий*, употребленная в сочетании *на всхожем солнце* (с. 73), т. е. на восходе солнца; *подмовка* 'навет, наговор' при наличии в словарях лексем *подмовити* 'подговорить, склонить к чему-л.', *подмолвивати*, *подмолвляти* 'подговаривать, уговаривать сманивать' (СлРЯXI–XVII, вып. 15, с. 283); *земский* в сочетании *земский судья*; *княгинина* 'княгиня' с двойным суффиксом женскости и некоторые другие.

Текст отражает значительную активность в преобразованиях лексического состава и его функционирования в период, когда обще-

ство находилось в состоянии социального стресса, каковыми были и XVI, и XVII вв. В частности, это проявляется в активизации словообразовательных процессов, обогащающих словарный состав, в перемещении словообразовательных дериватов из области разговорной речи в сферу литературно обработанных текстов. Это касается, например, префиксальных глагольных дериватов, передающих различные способы действия, в том числе и видовые отношения: *отполонить* (снаряд отполонили) (с. 77), *сказнить* (с. 77), *прокликать* (с. 77), *погордети* (с. 81), *погромить* (с. 79). Эти лексемы свойственны не только ПЛ, они есть в «Сказании» Авраамия Палицына, отмечены в словарях, но подкрепляются цитатами почти исключительно из текстов XVI–XVII вв.

Особо хочется остановиться на лексеме *струбец*. Общее значение этого слова в ПЛ становится ясным из контекста: «И князь Борис пошел зле Оку реку, и нашел струбец мертвого утопшаго, и влез в струбец опочинути, что не знаючи пути без дороги ко граду Володимеру» (с. 72). Княгиня и Кучковичи, замыслившие известить князя, направили на поиск князя его любимого пса. «И добежал пес до струпца Мертваго, и забил голову в струбец, а сам для тесноты не вмещается, и почал радоватися государю своему, князю Борису, а вони хвостом машучи» (с. 72–73). Как отмечено в СлРЯXI–XVII, *срубцец* (струбец) это уменьш. к *срубъ*, *струбъ* (которое, в свою очередь, определено как ‘сооружение со стенами, собранными или построенными из бревен’, 1383 г.) || ‘Надгробное сооружение в виде небольшого сруба’. Иллюстрация приведена как раз из «Сказания об убиении Даниила Суздальского», 3-го, наиболее близкого к ПЛ типа (по типологии М. А. Салминой). Слово имеется в четырех типах текста «Сказания об убиении Даниила Суздальского» в сходных контекстах.

К слову *струбец/срубцец* можно сделать историко-этнографический комментарий. Струбец/срубцец — это, как следует из ряда контекстов, одиночное, вне кладбища захоронение, в нежилом месте, в тексте ПЛ — на берегу реки. Там специально отмечено, что струбец находится над мертвым утопшим. В 5-м типе «Сказания об убиении князя Даниила Суздальского» упоминается «струб мал, под ним бо погребен баше убиенный человек»; еще в одной рукописи этого же памятника (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Q. XVII.252) говорится, что князь Борис «нашел струбец, сиречь гробницу мертваго утопшаго». Таким образом, погребенный — утонувший или убитый, т. е. окончивший жизнь неестественным путем человек; был обычай хоронить вне кладбища именно таких покойников.

Время фиксации слова может быть отнесено примерно на столетие ранее, чем это следует из цитации в СлРЯХI–XVII, поскольку оно присутствует в первоначальной редакции севернорусского «Сказания о Иоанне и Логгине Яреньгских»¹⁰, которое, согласно мнению В. О. Ключевского, датируется концом или даже серединой XVI в. В этом памятнике оно имеет то же значение: «Сице явися ей члкъ в видѣнии и велѣлъ ей идти в Сярту тако именуему, от Яреньги попришь шесть. Тамо де есть *срубцеуъ*, и в нем члкъ погребенъ, имя еи свое сказа: Иван» (с. 246); «...и она у *срубца* иваннова приложила и исцѣление получила» (там же); «...и онѣ *срубцеуъ* росклали, аже явивыися лежить во плоти» (там же). В тексте этого житийного сказания срубец находится над телом утонувшего в море: «И паки до явления Иванова за мало лѣтъ, егда от моря взяша его и погрѣбоша в срубцѣ, женѣ же некоеи прилучися у срубца Иваннова бытии и не подобнѣ еи прикоснутися къ срубцу Иванову, и порину я невидимая сила и на земли поверже» (с. 246). У поморов была (возможно, и есть) своя «философия» в отношении тех, кого «взяло море». Они были объектом своего рода почитания, о чем свидетельствует тот факт, что целый ряд поморских жителей, получивших позднее статус святости, нашли свою смерть в морской пучине. Известный севернорусский книжник XVII в. Сергей Шелонин, которому принадлежит более развернутая и более книжная по типу языка редакция житийной повести об Иоанне и Логгине Яреньгских, подробно рассказывает о том, что срубец над покойным появлялся в тех случаях, когда похоронить почившего в земле было затруднительно, например из-за того, что почва промерзла: «...обычаи есть в примори живущимъ члкомъ, от моря утопшихъ члкъ взимати тѣлеса и земли предавати погребения... аще ли случится жестока земля, и камена... взимають убо они своими объятии тѣло умершаго, и полагають на берегу моря, и созидають округъ нго гро древянъ, елико доволно тѣло умершаго вмѣстити» (с. 256–257). Рассказ Сергея Шелонина и пояснение слова *струбец* словом *гробница* в одном из вариантов сказания об убиении суздальского князя говорит о неактуальности слова, вероятно, и реалии в XVII в.

Из сказанного не следует, что срубец мог появиться только в ситуациях, о которых речь шла выше. Наличие наименования такого рода захоронения, синонимичного слову *срубец/струбец* — *голбец*,

¹⁰ Святые Иоанн и Лонгин Яреньгские в традиции книжности и народной культуры // Черепанова О. А. Культурная память в древнем и новом слове. СПб., 2005. С. 219–269. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страницы.

возможно, *горбец*, свидетельствует о распространении на Руси такого рода сооружений над местом захоронения.

При этимологической форме *сруб* вариант *струб*, скорее всего, возник по фонетическим причинам в результате вставки взрывного *t* между щелевым и плавным. Это явление известно с древнейших времен (ср. такие образования, как *струя*, *остров*), остается оно актуальным и в современном просторечном произношении (например, *страм* вместо *срам*). Но устойчивость в текстах ПЛ варианта со взрывным может находиться в связи с тем, что в древнерусском существовало слово *strupъ* ‘рана, труп, грех’ (Фасмер, с. 784), тем более что в ПЛ отмечен и вариант слова *струбец* — *strupец* (с. 72), а слово *труп* также весьма актуально в памятнике. Последнее предположение еще раз подтверждает ограниченное применение слова *струбец/strupец* и самой реалии в практике жизни XVII в.

Несомненно, что лексика и особенности других языковых уровней «Пинежского летописца» заслуживают углубленного изучения с учетом редакций и литературных источников памятника, поскольку в ПЛ мы видим совмещение различных языковых и речевых тенденций XVII в., местные особенности языка и отражение авторской индивидуальности составителя этого текста.

Сокращения

- Картотека СОРЯ — картотека «Словаря обиходного русского языка XVI–XVII вв.», хранится в Словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина, СПбГУ.
- СлРЯXI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979; Вып. 8. М., 1981; Вып. 15. М., 1989; Вып. 27. М., 2006.
- СлРЯXVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 12. СПб., 2001.
- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–4. СПб., 2004–2010.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1. СПб., 1994; Т. 3, СПб., 1996.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л., 1981.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. Л., 1987.

Л. Ю. Астахина

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОПИСКОВ И ОШИБОК В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация

В статье раскрываются термины *лексические описки* и *ошибки* применительно к работе с источниками по исторической лексикологии и лексикографии русского языка. Изучать их нужно с целью исключения их из корпуса словаря на этапе составления. Категории лингвистического источниковедения помогают их выявлению в источниках и предотвращению в будущих публикациях. Ввиду большого количества слов, которых не было в русском языке, предлагается термин «псевдогапакс» для обозначения этой группы.

Ключевые слова: историческая лексикография и лексикология, лингвистическое источниковедение, описки, ошибки, псевдогапаксы, несуществующие слова.

ON THE STUDY OF LEXICAL SLIPS AND ERRORS IN LEXICOGRAPHICAL PRACTICE

Summary

The author describes the terms “lexical slips” and “errors” in relation to work with sources for historical lexicology and lexicography of Russian language. To investigate their need to exclude from the shell at the stage of compiling the dictionary. Categories language source studies to help them identify the sources and prevention of future publications. Given the large number of words, which were not in the Russian language, it is proposed the term «pseudogapaks» to refer to this group.

Key words: historical lexicography and lexicology, linguistic study of sources, errors, mistakes, “pseudogapaksy”, non-existent words.

Авторам и редакторам «Словаря русского языка XI–XVII вв.» нередко приходится решать проблему, касающуюся определения

границ слова, вычленения его из сплошного рукописного текста. Цель — исключить слова, которых нет и не было в языке на стадии подготовки очередного выпуска словаря. Чтобы проверить сомнительные лексические факты изданий по рукописям, последние приходится разыскивать в архивных фондах, так как в силу различных причин не всегда указано местонахождение оригинала, взятого для публикации. Архивные описи не рассчитаны на лингвистов, а в связи с перегруппировкой фондов поиск необходимой рукописи в них представляет немало трудностей, а иногда это сделать невозможно.

Выявлению «несуществующих» слов в оригиналах помогают категории лингвистического источниковедения, разработанные профессором С. И. Котковым. Термины *лингвистический источник*, *лингвистическая содержательность* и *информационность* характеризуют источник со стороны его содержания, формы и физического состояния.

Описками считаются неверные написания слов в рукописях. Так, в Новгородской переписной книге 1498 г., составленной в Шелонской пятине, читаем: «А дана **глотная** грамота на три годы Гриде Палеху» (Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 137, оп. 1, Новгород, № 2а, л. 10). Речь в грамоте шла о льготе: человек за это время должен был распахать пашню, завести скот, построить жилье, и поэтому он освобождался от налогов. Описки как факт письменной формы языка возникают вследствие отвлечения внимания писца от создаваемого текста или в результате «недослышки» (термин заимствован у Б. А. Ларина): хозяйственные книги могли составляться на основе памяти или под диктовку казначея, келаря и других должностных лиц. В рукописной приходо-расходной книге Антониева Сийского монастыря 1575 г. казначея Леванида, хранящейся в Санкт-Петербургском институте истории РАН (СПбИИРАН), читаем: «Шил мастер шестеры сапоги **сытцеловые**, дал от того моргорца 6 алтын» (ф. 5, оп. 2, № 1, л. 6 об.). В книге далее встретилось несколько раз в подобных же контекстах слово *исцельные* (л. 29, 47 и др.), написанное верно. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксированы слова *исцеловый*, *исцельный* как определение к сапогам, сделанным из целого куска кожи (вып. 6, с. 350). Считаю, что описка **сытцеловый** представляет собой искаженный вариант слова, возможно, записанный «на слух» или «по памяти» человеком, который слышал это слово впервые. Заметим: в монастырях грамотеи могли быть людьми пришлыми, не знакомыми с обиходными местными наименованиями.

Более значительная категория подобных сомнительных слов относится к числу **ошибок**, возникших по разным причинам. **Ошибками** считается передача в публикациях и картотеках неверно прочитанных слов рукописей. Причин ошибок может быть несколько. При чтении и выписке отрывков из текстов рукописей встает задача изучения палеографических особенностей полуустава, индивидуальных особенностей писцов, создававших скорописные документы, т. е. изучения лингвистической информативности источника.

Первая причина — неверно прочитанная буква в слове.

Слово **распахивать** встретилось в Картотеке «Древнерусского словаря» (КДРС). Выборщиком И. М. Калининым, собиравшим материалы по северным говорам в 1915–1917 гг., оно вынесено (в КДРС поступили его выписки из рукописей в 1934 г.) в заголовок карточки с такой цитатой: «Тимошке Евтихиеву велено за рекою против Подтабалской деревни подсеку распахивать без оброку на 5 лет». Сокращенное обозначение источника, данное на карточке (А. О. Кн. власт. ук. 1688 г.), расшифровывается так: Архив Онежского Крестного монастыря. Книга властелинским указам 1688 г. Как видим, отсылка глухая, не указан точный «адрес» цитаты: нет номера единицы хранения, номера листа. Но в РГАДА, где теперь хранится этот фонд, существуют подробные (хотя и не всегда детализированные) описи. За 1688 г. среди множества хозяйственных книг Онежского Крестного монастыря «Книга властелинским указам» — единственная. Она написана скорописью на 12 листах четырьмя почерками. На л. 12 обнаружилась эта цитата: «Тимошкѣ Евтихиеву велено за рекою против Продтабалнои дрвни подсѣку роспахиват<ь> без оброку на пят<ь> летъ» (ф. 1195, оп. 1, ед. хр. 387, л. 12). Слово **роспахиват** с выносным *т* на конце в рукописи написано четко. Книга была опубликована в журнале «Palaeoslavica» (1998, т. VI).

Второй причиной можно считать поспешность в работе с рукописью, вследствие которой не все буквы оказываются прочитанными и принятыми во внимание при выписке цитат.

В Картотеке ДРС есть единственная цитата на слово **споловьѣ**: «В Каменеву дѣревню и на споловьѣ дано 41 четверть ячменя». А. О. П-Р-К. Б. Д. 1670 г. В том же фонде РГАДА за 1670 г. имеется 27 книг, в которых могла бы содержаться эта цитата. Выбираем по описи только приходо-расходные книги, относящиеся к Белому Двору (как подсказывают буквы П-Р-К. Б. Д. в выходных сведениях карточки), т. е. непосредственно к хозяйству самого монастыря, и оставляем в стороне книги принадлежащих монастырю деревень и подвластных

ему монастырей. Таких книг пять. В одной речь идет о выдаче монастырского «борошня» (вещей), в другой переписаны крестьяне по дворам, в третью внесены денежные расходы на устроение монастыря и на монастырское имущество (на одежду, обувь, починку посуды, инвентаря, амбаров и др.), а в четвертой наряду с денежными выдачами есть сведения и о выдаче зерна на посев. Последняя имеет архивное название: «Приходо-расходные книги (денежные и материальные) службы монастырского Белого двора в Устье Онежском в период управления приказчика старца Афонасия. 30 октября 1669 г. — октябрь 1670 г. На 85 листах». Здесь на л. 34–34 об. нашлась указанная цитата. Только слово в ней другое: «СтарцѸ Іѡсїю в КаменевѸ дѣвню і на исполовьє дано сорокѸ полторы || четверти ячмени да двѣ четверти ѡвса» (ф. 1195, оп. 1, ед. хр. 159, л. 34–34 об.). Как видим, поиск привел к тому, что слово изымается из текста Словаря на букву «С». Оно с другими цитатами-иллюстрациями уже было помещено на букву «И» в 6-м выпуске. В Картотеке ДРС к карточке с искаженным текстом теперь добавлена верная цитата с указанием ее точного места в рукописи.

Отметим случай, когда начальная буква *и*, написанная с выходом в нижнее междустрочие в слове *испод*, была не замечена выборщиком: «Треух лазоревого сукна спод лапчатой лисеи» (РГАДА, ф. 1195, оп. 1, ед. хр. 87, л. 6 об.; ед. хр. 88, л. 8. 1665 г.).

Нередко в рукописях наблюдаются совпадения на письме отдельных букв, например, *п* и *н*, что характерно для русской скорописи не только XVII в. В. А. Борисов в сборнике 1853 г. «Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей» в одной из публикуемых рукописей принял букву *п* за *н* и слово *пищій* ('писчий') передал в издании как **нищій** в следующей фразе: «Велено мне сиротѣ твоему в Шуе в таможене во дьячках быть без жалован(ь)я из нищие днги» (акт № 122). Эта челобитная 1674 г. Афоньки Постникова переиздана в книге «Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край» (М., 1984) под № 171 по рукописи, и ошибка исправлена.

Неверно прочитанная и переданная в выписке выносная буква может также исказить слово.

В карточке, выписанной для КДРС из рукописного текста начала XVIII в. (точнее — 1704 г.) «**Артикул поварничѣ**», оказалось слово **тынье**. Обращение к подлинной рукописи Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге показало, что во всей книге это слово написано с выносной в сходных контекстах типа: «ветчины нареж

в длину на палець а тонко в ножевое ты?е и поклади на тѣ ж места» (Отдел рукописей РНБ. QX, № 4, 1-я половина XVIII в., л. 19), «нареж вдол в ножевое ты?е влож в горшокъ» (там же, л. 27 об.) и т. п. Здесь намеренно поставлен знак вопроса на месте выносной. Необходимо было изучить лингвистическую информационность текста с целью выявления особенностей почерка писца, найти различные случаи изображения им выносных согласных. Выяснилось, что выносное *л* он передает тем же начерком в словах *стол*, *котел* — на конце, *шпильки*, *миндалный*, *телный*, *мелко* — в середине слов, в императиве глагола *толки*, что и в искомом слове. Выносное же *н* встретилось в словах *голиндра*, *конфект*, *фиронтелли*, *голендерский* и др. в виде четко изображенного знака *н* под титлом. Следовательно, нет слова **тынье**, а правильное слово — *тылье* с выносным *л* (без еря); видимо, имелась в виду тыльная сторона ножа, может быть, его рукоятка.

Странно, но слово **тынье** встретилось недавно еще раз. В журнале «Palaeoslavica» Л. М. Городилова опубликовала «Енисейские товарные ценовные росписи XVII в.»¹. К изданию прилагается (что особенно ценно для авторов исторического словаря) указатель слов, в котором зарегистрировано рассматриваемое нами слово. На л. 31 читаем: «пимы долгиe половинчатые тыне Ѹские \ цена шесть алтнѣ четыре денги». В публикации, осуществленной А. Н. Зерцаловым в 1900 г.², на этом месте читается слово *тынгуские*. Рукопись хранится в Сибирском приказе РГАДА (ф. 214, оп. 1, ед. хр. 254). При сверке выяснилось, что прав А. Н. Зерцалов. Причина появления слова **тынье** состоит в том, что в подлиннике буква *г* после *н* написана высыхающим пером, и, вероятно, в микрофильме, по которому осуществлялась публикация, ее было невозможно прочесть правильно.

Здесь со всей остротой выявляется проблема издания скорописных текстов по микрофильмам и фотокопиям, которые, не будучи сверенными по рукописям, не обладают абсолютной достоверностью как лингвистические источники.

Вопрос о чтении в скорописных текстах выносных букв разрешается с наибольшими трудностями. Так, в картотеке ДРС встретилась карточка с цитатой: «Пришел тот Дружина ко племеннику моему Алеше на дворъ... и почал на дворѣ нахвално того племянника моего Алешу тут бранит и с повѣти почал в него ослопьемъ бросати и

¹ Palaeoslavica. XV/2007. N 2. P. 207–260.

² Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1900. Кн. 2, отд. 1. С. 63–130.

вилами стойными **утиню** на укол шибати». Колл. Зинченко, № 34, сст. 1. 1633 г. Кто-то разделил слово на **у** и **тыню** и поставил вопросительный знак, а карточка с цитатой оказалась в алфавитном отрезке на букву «Т». При сверке с рукописью в СПБИИРАН оказалось, что выносная буква в выделенном слове написана так, что ее можно прочесть как *и*, *л* или *ч*. Пристальное изучение почерка писца показало, что слово скорее можно прочесть как **утыч(ь)ю**: выносные в словах **явочку**, **Федорович** написаны аналогично. Материалы картотеки «Словаря русских народных говоров» в Институте лингвистических исследований РАН зафиксировали наречие **утычью** в уральских, зауральских, вологодских, северодвинских местах в значении: ‘стоймя’, ‘торчком, перпендикулярно’. Приведены контексты, записанные и в г. Кургане: «Ставь доски-те утычью. — Дак ведь заноза-та утычью воткнулась, не скоро достанешь». В «Опыте областного великорусского словаря Ф. И. Буслаева» читаем: «**Утычью**, нар. Концом прямо, а не съ боку, невкось. Волог. *Никол.*»³. Это же слово есть и в недавно опубликованном Словаре Дилакторского⁴, со ссылкой на «Опыт областного словаря».

При подготовке очередного выпуска «Словаря русского языка XI–XVII вв.» слово **струинный** остановило внимание единственной фиксацией и странным звучанием: «Дороги цвѣтныя, сруинныя, другия полосатыя». Слово встретилося в «Росписи всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова...» 1655–1659 гг., которая помещена в «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских»⁵. Рукопись удалось разыскать с помощью заведующего читальным залом РГАДА А. И. Гамаюнова, но так как номер листа был не указан, пришлось читать весь текст. В рукописи дороги определены как *струистые* (РГАДА, ф. 141. Приказные дела старых лет, оп. 3, ед. хр. 108, л. 313). Публикатор принял выносные буквы *с* и *т* за *нн*.

Еще одной причиной появления ошибок можно считать и недостаточное внимание к сплошному скорописному тексту, когда часть слова была принята за отдельное слово. Из указанной выше рукописной приходо-расходной книги Антониева Сийского монастыря 1575 г. казначея Леванида пришло в Картотеку слово **тыи**:

³ Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. С. 152.

⁴ Словарь областного вологодского наречия по рук. П. А. Дилакторского, 1902 г. СПб., 2006. С. 532.

⁵ Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 3. С. 148.

«Дано ис казны намѣсникѹ |
| иеромонахѹ Паисею мѣсным образом
| на венцы шесть яѹимков да левокъ да
| полталяра да ерлянкѹ да шеснатцат
| тьи серебряные, вѣсѹ в нихъ полѹѹнта
| десять золотниковъ»

(ф. 5, оп. 2, ед. хр. 1, л. 113).

Обращение к рукописи показало, что две буквы в конце четвертой строки после слова «шеснатцат» были не замечены выборщиком, увлеченным необычным словом **тьи**, в котором дужка над **ы** была прочитана как *и* выносное. Две полустершиеся буквы в конце предыдущей строки можно принять за элемент, который писец хотел удалить, но именно они и явились началом слова *цаты* — перенос слова в XVI в. не обозначался никаким знаком. Как видим, важно принимать во внимание все полустертые и смазанные участки текста, так как в них может заключаться недостающий элемент слова.

Иногда приходится сталкиваться с особенностями написания букв в конце скорописной строки. Так, в одной из публикаций актовых материалов XVII в. факт игнорирования издателем особого начерка буквы в конце строки привел к появлению невероятного слова, неверно были прочитаны в этом слове и переданы в публикации три другие буквы — в сочетании с выносной.

Глагол **стреговати** (в форме *стрегует*) оказался в публикации Н. П. Сильванского «Акты о посадских людях — закладчиках»: «Елфимко Осиповъ, на Ямской улице, посадцкой человекъ въ тягль написанъ, а сказываетца въ ямщикахъ, а въ ямщикахъ ево нѣтъ, племя у него въ ямщикахъ и стрегуетъ ево у себя»⁶. Издатель указал лист рукописи (л. 30) и источник: «Дело Архива Оружейной палаты, 151 г<ода> № 13 на 495 листах. Под № 30 на стр. 135–255 напечатаны из этого дела л.л. 1–171, 228–291, 406–427»⁷. Инфинитив установлен по форме настоящего времени, закономерно принято во внимание чередование суффиксов *-у-* в настоящем времени и *-ова-* в инфинитиве. Проверка по рукописи, архивные данные которой установлены с помощью заведующего хранилищем поместных и дворцовых фондов Российского государственного архива древних актов А. В. Антонова, показала, что здесь написан известный глагол

⁶ Летопись занятий Археографической комиссии за 1909 г. Вып. 22. СПб., 1910. С. 148.

⁷ Там же. С. 255.

стеречь в настоящем времени *стерегут* (ф. 396, оп. 1, ч. 27, ед. хр. 41766. 1643 г.).

Как возникла необычная форма в печатном тексте? При изучении лингвистической информативности рукописи (в данном случае — внешних ее особенностей и почерка писца) оказалось, что публикатор не учел явления конца строки. В конце строки буквы могут осыпаться вместе с разрушившейся бумагой, исчезнуть, могут приобрести неожиданные начертания. Публикатор не обратил внимания на особенности передачи буквосочетания *-сте-* в конце строки: *сте|регут ево у себя*. Не были замечены особенности буквы *e*, которая изображена в виде греческой буквы эпсилон и как бы «сползла» вниз, она была принята за дополнительный элемент буквы *t*. Конечное *t* в слове *стерегут* — выносное, написано над буквой *у* и началом следующего слова *ево*, над буквой *e*. Для формы **стреует** в рукописи не хватает одной буквы *e* — после конечной *t*, для слова *его*.

Еще одной (непредвиденной) причиной является дефект текста, случившийся при верстке или печати, когда сдвигаются буквы или часть набора. Так, в «Житии Стефана Пермского» читаем:

«...да стадо Х̄во
|астет и умножаетсѧ по всѧ дни, а невѣрных стадо умау
|рливаетсѧ, и оубываетъ и ѡскудѣваетъ. И тако помогающе
|Б̄гоу бл̄говолѧщоу ж и дѣйствиющеу, дроугоую постави ц̄рквѣ»⁸.

Здесь три искаженных слова: **астет**, **умаурливается** и **помогающе**. Как видим, сдвинулись крайние буквы двух строк набранного текста. К слову **астет**, помещенному в начале второй строки, должна быть присоединена буква **р**, попавшая в начало следующей строки в слово **умау|рливается**. А вторая буква **у** в этом слове, помещенная в конце строки, должна быть присоединена к концу слова **помогающе**, находящемуся в конце третьей строки. На этом месте должны быть известные в русском языке слова: **растет**, **умаливается** и **помогающеу** (причастие в дательном падеже).

Известно, что категории лингвистического источниковедения (лингвистическая содержательность источника, его информативность), разрабатываемые с начала 60-х гг. профессором С. И. Котковым, редко принимаются во внимание при издании рукописей, особенно скорописных. А между тем именно они ведут к такому исследованию

⁸Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Елифанием Премудрым. СПб., 1897. С. 34.

письменного памятника, которое необходимо для его публикации (по словам С. И. Коткова: «исследование для издания»). В изданиях, осуществленных историками, особенно ценны бывают лингвистико-исторические сведения, приводимые во вступительных статьях, а особенно — в примечаниях к публикациям.

Так, в книге Л. М. Марасиновой «Новые псковские грамоты XIV–XV вв.» есть подстрочное примечание к слову **сзарывати**: «Вторая буква написана нечетко, возможно **сдарывати**, возможно, слово искажено»⁹. При знакомстве с рукописью оказалось, что на этом месте написано **съярывати** в следующем контексте: «А в тых полосах не съярывати меж никому ж» (РГАДА, ф. 1209. Поместный приказ. Столбцы по Пскову, № 43259, ч. 3, № 8, [дело 1], л. 35). Буква **ѣ** была принята публикатором за **з** или **д**. Выявление ошибки оказалось возможным благодаря точному указанию издателя на «адрес» рукописного текста, а также его сомнение, выраженное в примечании, имеющем лингвистикоисторический характер. При обращении к рукописи выяснилось, что нечеткость в написании второй буквы мнимая: после **с** ясно читается **ѣ**. В букве **ы** в этом же слове виден аналогичный начерк первого элемента, то есть **ѣ**, как и после **с**.

Иногда все слова текста понятны, находят употребление и в современном русском языке, но образовывать единое словосочетание не могут. Встает вопрос о возможности или невозможности присутствия в русском языке тех или иных словосочетаний.

Так, в издании «Русская историческая библиотека» в «Наказе Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле» 1655 г. находим предписание воеводе: «А какъ годъ доидеть, и ему, Афонасью, государевымъ денгамъ, и хлебу, и соли, и мяжкой рухледи приходу и росходу дѣлати смѣнные и помѣтные списки... какъ и в иныхъ сибирскихъ городехъ смѣнные и помѣтные дѣлають»¹⁰. Словосочетание **сменные и пометные списки** повторено дважды. Тот, кто знаком со скорописью XVII в., знает, что в слове **сменные** одна буква **н** могла быть выносной. Не принял ли публикатор за **н** выносное **т**? Но именно этого наказа обнаружить не удалось. Лингвистическая содержательность и содержание этого памятника дали возможность идентифицировать в соответствующей клаузуле формулу приказа воеводе по другим аналогичным документам того же времени, хранящимся в фон-

⁹ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966. С. 68.

¹⁰ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1894. Т. 15. С. 30.

де Сибирского приказа (РГАДА, ф. 214). Скорее всего, нужно было присылать *сметные* и *пометные* списки, и это подтвердилось контекстами, в которых эти слова были написаны без выносных букв.

В настоящем исследовании мы постарались показать некоторые подобные «недоразумения», раскрыть причины их появления, опираясь на категории лингвистического источниковедения при их исправлении. В настоящее время таких несуществующих слов-призраков можно насчитать более сотни только в фонде Картотеки ДРС, выявленных авторами «Словаря русского языка XI–XVII веков». По большей части они встречаются **один раз**. Дважды отмечено только слово *тынье*. Есть и невероятные словосочетания, которые состоят из известных слов: так, дважды выявлено словосочетание *непорочным делом*.

Нужно сказать несколько слов о терминах. Известно, что термин должен быть однозначным, не иметь эмоциональной окраски, значение его в лучшем случае должно определяться значением составных частей слова, желательно, чтобы он был однословным. К описанным в настоящей статье словам, которых никогда не было в русском языке, но которые все же нашли отражение в изданиях древних текстов, т. е. стали фактом языка, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой подходит термин «**слово-призрак** (слово ложное) *англ.* ghost-word, *нем.* Phantomwort, Gespenstwort, *лат.* vox nihili. Слово, обязанное своим существованием ошибке писца или другому какому-л. недоразумению. *Русск.* поручик Кижже вм. поручики же»¹¹. Исследователи называют слова и выражения, которых нет и не было в языке, «призрачными», «несуществующими», «фантастическими» (И. Г. Добродомов), «словами-фантомами» (А. Н. Шаламова), «мнимыми словами» и «лексикографической фикцией» (А. М. Молдован). Термины эти отличаются неоднозначностью, эмоционально-оценочной окраской, которая присутствует в словах *призрак*, *фантом*, *фантастический*, *фикция*. Можно считать их кальками с иноязычных терминов. В этом определении указана причина появления слова, что, разумеется, главное, однако ничего не говорится о статусе таких слов. А они выявляются довольно часто лексикографами-историками, которые не имеют права пропустить ни одной лексемы, зафиксированной в Картотеке ДРС.

Предлагаю называть их *псевдогапаксами*. Термин *гапакс* (греч. *ἅπαξ* — ‘один раз, однажды’) относят к слову, употребленному один

¹¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 425.

раз в каком-либо источнике; *псевдо* — препозитивная морфема со значением ‘ложный, мнимый, вымышленный’. В этом термине соединяются элементы, отражающие характерные особенности определяемого понятия: слова-псевдогапаксы и словосочетания-псевдогапаксы стали фактом письменного языка, т. к. были зафиксированы чаще всего в опубликованных памятниках письменности (в рукописях мною отмечено только два случая), иногда — в исторических словарях, в Картотеке ДРС, но их в языке нет и никогда не существовало. Наука точно установила, что они возникли вследствие определенных условий и методов работы с текстом рукописей. Термин *гапакс* относят к слову, о котором ничего неизвестно, кроме его единственной фиксации. Со временем могут выявиться и другие случаи его употребления, т. е. еще **не доказано**, что такого слова не существовало в языке. Гапакс потенциально может стать псевдогапаксом, а может и не стать им. Мы останавливаемся на термине *псевдогапакс*, т. к. он однозначен, нейтрален по стилистической окраске, вписывается в систему лексикологической терминологии, значение его выясняется из составных частей слова.

Современная лингвистика указывает на продуктивность компонента в сложных словах в составе русских терминологических систем. Приводя многочисленные термины из различных областей знаний (типа *псевдоартроз*, *псевдоморфизм*, *псевдореминисценция* и др.), И. Г. Кудрявцева, на основе наблюдений над материалом, отраженным в современных лексикографических источниках, делает вывод, что «изменение статуса *псевдо*- на протяжении его эволюции в русском языке (от связанного компонента в составе сложных заимствованных слов до самостоятельной словообразовательной единицы) связано с возрастанием его сочетаемости, его продуктивности и регулярности, а также с увеличивающимся числом его модальных значений»¹². Эта возросшая активность компонента *псевдо*- дает основание для введения термина «псевдогапакс» в наше языкознание.

В заключение можно добавить, что ранее такие слова воспринимались как курьез, вызывали улыбку, но теперь (а их накопилось, как было отмечено, более сотни), видимо, наступило время, когда лингвистическая наука должна признать существование этой группы слов, принять во внимание это явление при работе над темой «русская историческая лексикология» и определить свое отношение к ней.

¹² Кудрявцева И. Г. Эволюция процессов словообразования и морфемобразования в системе субстантивной префиксации // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Мат. Всерос. Академич. школы-семинара. СПб., 2005. С. 108.

Д. Г. Демидов

ИНДИКАЦИЯ ИМЕН УКАЗАТЕЛЬНЫМИ МЕСТОИМЕНЕНИЯМИ В ЭПИГРАФИКЕ, ПРИПИСКАХ И ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI-XVII вв.

Аннотация

Особой семиотической ситуацией памятников эпиграфики определяется первичная дейктическая функция сочетаний типа *крѣсть сии*. Текстовая анафора способствует развитию препозиции местоимений при наименованиях объектов права (в частности, границ участков), документов, прецедентов и правонарушений, субъектов права. С XV в. резко расширяется круг именной лексики, сопровождающейся препозитивным артиклетподобным *томъ*. Функциональная ценность вещи непосредственно отражается на характере и способах сопровождения (индикации) имени данной вещи тем или иным указательным местоимением. Узкопредметные термины с указательными местоимениями почти не употребляются; родовые термины с такими местоимениями переживают прономинализацию. Эти обстоятельства препятствуют грамматикализации артикля.

Ключевые слова: дейксис, анафора, артикль, лексические группы, субъект права, объект права, документ.

INDICATION OF NAMES BY DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN EPIGRAPHY, POSTSCRIPTS AND BUSINESS WRITING LANGUAGE IN THE XI-XVIIth CENTURIES

Summary

The primary deictical function of combinations like *kręstъ sии* is determined by a specific semiotic situation observed in epigraphy relics. A text anaphora facilitates the development of prepositions with names of law objects (land borders, in particular), documents, precedents, offences, and subjects of law. Starting from the XVth century the scope of nominal vocabulary accompanied by an article-like *tomъ* considerably widens. The functional value of a thing is directly reflected in

the character and methods of accompaniment (indication) of the said thing name by a certain demonstrative pronoun. Specific terms are practically not used with demonstrative pronouns; generic terms with such pronouns endure pronominalization. These circumstances prevent grammaticalization of the article.

Key words: deixis, anaphora, pronoun, lexical groups, subject of law, object of law, document.

Субстантивные и атрибутивные функции указательных местоимений (далее м-й) влекут за собой триединую проблему номинации, анафоры и дейксиса¹. Способы реализации готовой номинации в конкретном контексте называют референцией. М-я осуществляют отсылку к другому фрагменту текста, в котором уже осуществлена референция или называется денотат, и тогда возникает анафорическая кореференция или коденотация; м-я при этом употребляются в относительном значении. Первичный дейксис выражается также указательными м-ми, антецеденты которых находятся вне текста и представляют собой реальные вещи. Первичный дейксис и есть указание в собственном смысле слова².

Такой первичный дейксис особенно ярко представлен в эпиграфике, поскольку надписи на предметах представляют собой памятники с особой семиотической ситуацией. Если в обычной речевой деятельности предмет речи порождается текстом и слушающий воспринимает этот предмет посредством текста (текст первичен, предмет вторичен), то в случае нанесения надписи на предмет ситуация восприятия текста слушающим (=читающим) кардинальным образом меняется: она уже зависит от предмета речи — того предмета, который содержит надпись (предмет первичен, текст вторичен).

Слушающий вынужденно превращается в читающего, а говорящий (пишущий, автор) отстраняется вплоть до исчезновения какой бы то ни было авторизации, если автор не называется прямо или не

¹ Номинация выражается полнозначительным именем, анафора — м-ем, повторным или синонимическим именем, дейксис — м-ем. Предметом настоящей статьи являются имена и м-я в тексте речи. Разумеется, мы опираемся на значения описываемых слов в словаре языка. В текстах задаются свои дейктические системы и свои референции, в языке дана единая дейктическая система и система готовых номинаций.

² См.: *Виноградов В. А. Дейксис // Лингвистический энциклопедический словарь /* гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 128; также: *Кибрик А. Дейксис // www.krugosvet.ru.* (дата обращения: 02.11.2010).

совпадает с лицом, названным в специальной владельческой формуле. Материальный носитель текста из безразличного для семантического успеха коммуникации технического средства (а порой и препятствующего фактора) превращается в определяющий этот успех показатель. Смысл обычного текста остается неизменным при перенесении его с одного материала или физического предмета на другой; смысл надписи сразу меняется, как только она будет перенесена в книгу (без указания, откуда она взята) или на предмет иного функционального предназначения.

Ситуацию можно сопоставить с учением о перформативе Дж. Остина. В высказывании выделяется локуция (семантика), перлокуция (риторический эффект) и иллокуция (намерения). Разные иллокуции создают перформативное или констатирующее высказывание. Поправка Дж. Остина состоит в том, что перформатив не следует изучать как констатив³. В древности перформативность речи была выше.

В нашем случае функцию поведения человека (слушающего, воспринимающего) выполняет предмет: так же, как поступок человека включается в речь вместо очередного элемента языка, здесь внешний носитель (хранитель) языковой информации включается в сообщение в качестве неязыкового элемента этой информации, но уже не со стороны реакции, а со стороны стимула.

Перформативы бывают эксплицитные и имплицитные. Не зная истории того или иного высказывания в тех или иных постоянно повторяющихся обстоятельствах, мы даже не догадываемся, какие именно детали этого высказывания выражались эксплицитно и со временем стали имплицитными. История связывания постпозитивных дейктических элементов, основу изучения которой заложил Фр. Бопп, состоит в том, что эксплицитный способ выражения дейктических отношений становится имплицитным, и средство из собственно дейктического становится словообразовательным⁴. Этот механизм нам еще недостаточно известен, поэтому очень полезно отдельно изучить тексты с особой семиотической ситуацией авто-референции.

³ *Остин Дж.* Как совершать действия при помощи слов. Смысл и сенсibiliи. Избранное. М., 1999. С. 39 и др.

⁴ Пример обратных отношений находим в китайском языке: номинативные слогоморфемы имеют вторичную дейктическую, фразо- и словообразовательную функцию.

Не рассматривались надписи, в которых нет автореференции. Так, надпись на Тмутараканском камне 1067–1068 гг. не включается в круг наших источников, поскольку речь в ней идет не о камне, а о ширине Керченского пролива. Учитываются только тексты, в которых можно усмотреть первоначальный перформатив («сообщаю, что...»). К таковым относятся надписи на крестах, колоколах, камнях, пушках, сосудах, предметах церковной утвари.

Если слова *азъ; цесарь славы, жертва, богъ нашъ, самъ господь, двая, агньць божии, кръвь, гроб; чара, ковшь*, различные антропонимы предваряются несогласованным дейктиком *се* в составе бинаминальной синтаксической структуры, то другие имена, написанные на соответствующих предметах, сами по себе, без сопровождения дейктическим элементом, номинативную и указательную (дейктическую) функции совмещают в названном имени. Но такое совмещение функций, совершенно обычное и даже предпочтительное в наши дни в виде заголовка, надписи или подписи, складывалось не сразу. Датированные надписи XI–XII вв. практически не содержат таких надписей. С XIV в. распространяются надписи без указательных частиц или *м-й*.

Если анафорическая связь — обязательное условие появления атрибутивной функции указательного *м-я*, то вторичным заимствованием из анафорических внутритекстовых выражений в контексты первичного дейксиса необходимо признать только случаи препозиции *м-я*. В связи с этим особую актуальность приобретает анализ дейктических сочетаний с постпозитивным атрибутивным указательным *м-ем*. Если рассматривать историческую динамику одной и той же лексемы в этом употреблении, то можно убедиться, что постпозиция была исконной, препозиция развивалась исторически под влиянием повествовательных текстов с развитыми анафорическими отношениями.

Наиболее часто надписи с упоминанием самого предмета, на котором она нанесена, встречаются на крестах. Вплоть до XVII в. *м-е си(и)* употребляется в постпозиции. Контексты с постпозитивным *м-ем*: *поставити; доспѣти; писати; стяжати кръсть си(и)*. Контексты без *м-я*: *поставити; вознести; дѣлати, построити кръсть*. В позиции подлежащего *м-е* не ставится: *Кръсть* — церковное украшение; охранникъ всѣи вселенѣи, царемъ держава, вѣрнымъ оутврѣжение, ангеломъ слава, дѣмоньмъ прогонитель; намъ похвала, намъ утѣшение; древо видимо есть.

Условием возможного пропуска *м-я сей* является преобразование формулы *поставити кръсть*. В позиции субъекта крест мыслится

как понятие, а не как данный конкретный определенный предмет. Если учесть, что в других древнейших надписях на предметах типа *се чара* имя предмета находится в позиции сказуемого биномиального предложения, то можно усмотреть следующую историческую последовательность ослабления дейктика в надписях: подлежащее, определение, отсутствие дейктика, отсутствие имени предмета. С постпозицией м-я *си(и)* известны надписи на крестах 1133, 1161, 1171, недатиров. XII в., 1234, 1359, 1388, недатиров. XIV в., 1458, 1504 гг., недатиров. XVII в.; с препозицией — с<вя>*тои со крѣсть* 1225 г. и *сии святии крѣсть* 1690 г.

Чтобы объективно показать процесс перехода атрибутивного м-я *сей* с постпозиции на препозицию в функции первичного дейктика, добавим к сведениям о надписях на крестах другие памятники эпиграфики⁵ (перед примером — год или век создания и надписания предмета). 1133 *Рѣк(у) сѹ*, 1323 *суды сѹ*, 1336 *двери сѹ*, 1341 *колокъ(л) сѹ*, 1383 *раку сѹ*, 1383 с<вя>*т<ы>мъ стр<ас>т<я>м симъ х<рис-то>вам*, 1392 е<вангел>*уе се*, 1410 *икона си*, 1413 *въздухъ сѹи*, 1435 *понагия си*, 1454 <це>*рк<о>въ сѹ*, 1455 *олтарь сѹи*, 1458 *икона сѹ*; XII в. сѹ *сѹсудъ*, 1379 *сей колоколъ*, 1389 *сѹи въздухъ*, 1405 *сѹе кадило*, 1413 *(с)и(и) костелъ*, 1420 *сей колоколъ*, 1449 *сѹи потиръ*, 1452 *сѹи въздухъ*, 1456 *сѹя икона*, 1463 *сѹя рака*, 1466 *сѹи въздухъ*, 1469 *(с)ѹе кадило*, 1477 *сей въздухъ*, 1478 *сѹя каплица*, 1485 *сѹи въздухъ*, 1492 *сѹа пѹцаль*, 1486 *сѹи ерусалимъ*, 1487 *сей колоколъ*, 1491 *сѹа стрѣльница*, 1486 *сѹи ерусалим*.

Материал показывает, что именно в XV в. стала происходить смена традиции — ставить м-е *сей* не после, а перед именем существительным. Лексика, которая способствует такой инновации, связана с новыми и редкими предметами и/или их именами, ср. особенно: *кадило*, *ерусалим*, *колоколъ*; *костелъ*, *каплица*; *пѹцаль*, *стрѣльница*. Слова

⁵ Материал взят из следующих источников: *Артемьев А. Р.* Подписные каменные кресты Псковской земли XV–XVII вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 144–148 (далее Артемьев 1999); *Михайлов М. И.* Памятники русской вещевой палеографии. СПб., 1913; *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964; *Орлов А. С.* Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., 1952; *Рождественская Т. В.* 1) Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992; 2) Язык и письменность средневекового Новгорода. Богослужебные надписи и берестяные грамоты XI–XV вв. СПб., 2008; Святыня города Полоцка: церковь св. Спаса и крест препод. Евфросинии // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXIX. Отд. VII. № 1. СПб., 1841. С. 1–6; *Шляпкин И. А.* Древние русские кресты. Кресты новгородские до XV в. СПб., 1906; Русский крест XII в. в г. Гильдесгейме. СПб., 1913.

рака, *въздухъ, икона*, возможно (*съ*)*судъ* сопровождалась то пост-, то препозитивным м-ем *сей*. Пример XII в. сомнителен, поскольку буквы *съ* вполне можно принять за повторение приставки: *съсъсудъ*. Слова *кръстъ, понагия, евангелие, олтарь* сохраняли преимущественно древнюю постпозицию м-я. Это наименования предметов церковного обихода. При расширении обычая надписывать так же и светские предметы м-е «переместилось» в начало.

Приписки и послесловия, содержание которых посвящено только что созданному тексту, имеют в принципе такое же семиотическое отношение к описываемому предмету, что и разобранные эпиграфические источники. Они являются составной частью этого предмета, референтом служит сам текст, поэтому такие метатекстовые отрывки содержат м-я с первичной собственно дейктической функцией. В приписке к Остромирову евангелию содержится формула *стяжати + имя + съ (сътяжавъшоумоу еу(ангел)ие се)*. Дьяк Григорий, несомненно, был знаком с традицией подписывания крестов и использовал знакомую формулу.

В грамотах уже совсем не встречается биномиальная структура без начального *а*: есть только *а се грамота*. Если частица *а* отсутствует, то обязательно появляется глагольное сказуемое. Как глагол, так и имя после *се* в данном случае по своей коммуникативной задаче представляет собой перформатив.

В большинстве типов грамот позиция автора совпадает с позицией говорящего. Об этом свидетельствует распространенная формула начальной клаузулы *се азъ (язъ)*. Специальное исследование этого зачина⁶ приводит к заключению, что южные и восточные славяне независимо друг от друга усвоили соответствующую клаузулу из формуляра⁷ византийских частных актов, однако ни в них, ни в болгарских, ни в сербских документах схожего строения частицы *се* нет. Это способ выражения собственно русской необходимости объективировать изложение от 1-го лица. В новое время канцелярия лексикализует этот предметный (не эгоцентрический) дейксис: *настоящим...*

⁶ См., например: Золтан А. Се азъ... К вопросу о происхождении начальной формулы древнерусских грамот // RL. 1987. N 11. P. 179–186; то же: www.springerlink.com (дата обращения: 02.11.2010).

⁷ «Клаузула — часть документа, содержащая отдельно мыслимое и выраженное в тексте правовое действие или отношение; формуляр — состав и порядок следования клаузул в документе» (Дерягин В. Я. Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв. М., 1980. С. 4).

В грамотах говорящий действует в своих интересах и не особенно заботится об интересах читателей. Его задача — войти в существующее правовое поле и составить такой документ, который сохранял бы как можно дольше свою юридическую силу. Реальность предметного мира, изображаемого с различными прагматическими целями в грамотах, располагает к предметоцентрическому дейксису. Один и тот же предмет может многократно упоминаться в грамоте в целях констатации изменения его правового статуса. Лица играют подчиненную роль. Будучи субъектами права, но не законодателями, они всегда исполняют закон, грамота показывает их различное положение относительно описываемых предметов — объектов права, они выступают не как действующие лица, а как исполнители положений.

В грамотах до XV в. — памятниках письменности неэпиграфических — среди лексем, которые архаическим способом присоединяют после себя указательное *м-е* в дейктической функции, известно только слово *грамота*. Характерно, что в условиях распространения новой сложной формы *сия* в этой позиции встречается еще старая простая форма *ся*, однако исконной простой формы Им. п. ед. ч. ж. р. *си* нам не встретилось. Затруднительно разобрать форму (кресть) *си*, согласующуюся в постпозиции с существительным мужского рода. Возможно, это древнейшая форма мужского и женского «личного» рода. В формах со значением времени *ночесь*, *вёснусь*, *осенесь* и *осенесь*, *зимусь*; *утрось*, *дньсь* древнейшая форма В. п. всех родов *сь* закрепляется в изначальной постпозиции⁸.

Исконная форма сохраняется в одной из наиболее старых формул, но уже в препозиции⁹:

А ту были на суде со мною бояре мои (имена)... *Си* же грамота псана бысть, ищъло было отъ рожества Господня до *сего* лѣта, 1000 лѣтъ

⁸ Соболевский А. И. Некоторые древние формы славянского склонения // Русский филологический вестник. Т. LXXI. Варшава, 1914. С. 15–26.

⁹ Цитаты ниже приводятся по следующим изданиям: Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964 (далее АСЭИСВР); Грамоты, касающиеся до сношений северо-западной России с Ригою и Ганзейскими городами, в XII, XIII и XIV веке / найдены в Рижском архиве К. Э. Напьерским. СПб., 1857 (далее ГрСЗРРГ); *Тихомиров М. Н., Щепкина М. В.* Два памятника новгородской письменности. (Труды Гос. историч. музея. Вып. VIII. Памятники культуры). М., 1952 (далее ДПНП); Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги / изд. С. И. Котков, И. С. Коткова. М., 1982 (далее ПЮВРН); Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868 (далее РЛА); Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подгот. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963 (далее СмГр).

и двесте летъ и осмьдесять лѣтъ и три лѣта, а на четвертое лѣто псана (1284 г., РЛА, с. 19). Прямой дейксис здесь используется дважды — при указании на составляемый документ и при указании на время.

Другие финальные сочетания. Формула санкции:

(1) Аже кто вѣступитъ . на сию грамо(т)оу . да не со мною . съ однимъ . станеть прѣ(д) богомъ . съ всимъ моимъ . племенемъ(ь) (Духовная Климентя, до 1270 г., ДПНП, с. 9).

(2) Князь Герденъ кланяеться всемъ *темь*, кто видить *сую* (так!) грамоту (1264 г., РЛА, с. 13).

А *сую* гра(мо)ту... крѣпко держати... (1405 г., РЛА, с. 119).

В случае (2) возникает контекстное противопоставление *сия грамота* — *всѣ тѣ* (кто ее будет видеть). Такое противопоставление строится на основе западноевропейского эгоцентрического дейксиса. Ср., как та же идея в то же время выражена русским человеком безотносительно латино-немецких эквивалентов (1): автор не связывает себя со своей грамотой, наоборот, он апеллирует ко всем своим сородичам. Ср. более поздний русский вариант формулы без противопоставления:

Мы мужи Полочяне даемъ вѣдати, кто на *сию* грамоту узритъ или услышитъ чтучи (1407 г., РЛА, с. 129).

Формула *дати сию грамоту* (на что), видимо, более позднего и, скорее всего, заимствованного происхождения:

Мы великий князь Витовтъ дали есмо *сию* грамоту буркгимистру... что (= что) же... (1399 г., РЛА, с. 94).

(3) А на *то* на все дали есме *сию* грамоту... (1399 г., РЛА, с. 95).

В примере (3) осуществляется противопоставление анафорического субстантивного *то* и собственно дейктического атрибутивного *сию* в рамках единой дейктической системы текста.

Здесь, как и в примере (2), прослеживается такое противопоставление, которое характерно для эгоцентрического дейксиса (я — *сия грамота* — *то* всё). В русской традиции князь дает не документ (грамоту), а объект права (село, осеннее полюдь и т. п.), ср. Мстиславову грамоту. С русской точки зрения не грамота влечет за собой правовое действие (номинализм), а правовое действие фиксируется словесно (реализм). Формула (4) не противоречит русской точке зрения:

(4) и пѣчяти есмо привѣсили к *сеи* грамоте (1407 г., РЛА, с. 129).

Синонимом формального греческого слова *грамота* выступает содержательное слово *пярда*:

Что ся учинило тяже... *то* (ж) все отложихомъ, а миръ докончахъмъ на *сеи* правдѣ: Новгородцмъ гостити... (ГрСЗРРГ. Догов.

в. кн. Адександра Невского с нем. послами 1257–9, № Ia). Слово *правда* в отличие от слова *грамота* соучаствует в катафоре вместе с указательным м-ем благодаря своей внутренней форме. В случае двустороннего соглашения с участием и постоянным упоминанием обеих сторон точкой отсчета берется одна из сторон, а не само соглашение — *правда*, ср.: *Тага правда. латинескомуоу въззати. оу роуской земли* (СмГр, 1229 г., сп. А).

Собственно анафорическое употребление указательных м-й уже не встречается в постпозиции. Характер анафорической связи здесь может быть приближен к общедейктическому принципу:

(5) А оже оубьють Новгородца посла за моремъ или Нѣмецкый посолъ Новѣгородѣ, то за *тоу* головуу 20 гривенъ серебра.

(6) А оже оубьють коупчиноу... то за *тоу* головуу... Оже ударять... *то* 6 гривенъ за рану... (ГрСЗРРГ. Мирный дог. кн. Ярослава Владимировича с немецкими послами ок. 1195, № Ib).

Отсылка в примерах (5) и (6) осуществляется не к предшествующему имени путем его буквального повтора вместе с указательным м-ем или хотя бы путем его синонимического повтора, а путем апелляции к описанной выше ситуации. В современном русском языке такие случаи воспринимаются как редкость, небрежность в построении речи или как особый стилистический прием, ср.: *Собака устроилась у ног, как будто... у этих башмаков она нашла последнее утешение. Они мелют зерно и из этой муки пекут хлеб. Вы прислали ему деньги, эта новость меня раздосадовала. Невозможно перечислить бедствия, которые несет истребление лесов*¹⁰. Такая ситуация представляет собой огромную трудность при автоматизации анализа анафорических связей в тексте. В древности она была совершенно обычна. Антецедент здесь выступает как квазиантецедент, а номинативная функция имени активно совмещена с функцией анафорической — еще одна сторона синкретизма. Анафора в этом случае оказывается нестрогой.

Нестрогой анафора бывает обычно при субстантивном способе отсылки, без какого бы то ни было участия номинации в предшествующем контексте. Вопреки ожиданиям¹¹, небольшое число древ-

¹⁰ Бергельсон М. Б. и др. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.

¹¹ Мы привыкли к артиклевому употреблению атрибутивных указательных м-й при определенной референции и строгой анафоре, например: на берегу реки стоит дом, у *этого* дома растет дерево. М-е появляется при повторной номинации. Этот тип употреблений развился довольно поздно.

нейших примеров показывает, что именно с нестрогой анафоры начиналось бурное развитие атрибутивной функции указательных м-й. Расположим материал в хронологическом порядке.

Аче боудеть соудъ, князю..., а въ *томъ* миру ити гостю... (ГрСЗРРГ. Мирный дог. кн. Ярослава Владимировича с немецкими послами ок. 1195, № 1b).

Номинация в условиях нестрогой анафоры требуется для лексического уточнения предмета речи. Здесь нет еще точного повтора термина, и ни о какой «артиклеподобной» роли м-я не может быть речи.

Аче будетъ судъ князю... а в *томъ* миру ити гостю домовъ, бес пакости (1189–1199 гг., РЛА, с. 2).

...Княжо, *тимъ* словомъ не дослужилъ ся еси того коня (1271–89 гг. РЛА, с. 27).

Аже другъ друга убить до смерти, а имуть ть *того* челоуѣка, кто розбои учинилъ... (1271–89 гг., РЛА, с. 26).

Антецедент с двойной связью. Лексема *челоуѣка* вместе с препозитивным *того* одновременно играет и роль анафоры, и роль катифоры.

После второго упоминания одного и того же предмета нестрогая анафора уже невозможна: и ваша милость *тъи* листы видѣли (1465 г., РЛА, с. 203).

Все представленные местоименно-именные сочетания называют предмет в обобщенном виде, а именно: наименования документов (с *тою грамо(то)ю*, *тимъ словомъ*, *въ томъ миру*, *тое смиренъе*, *сии рядъ*), наименования прецедентов и правонарушений (*томъ дѣлѣ*, *тъи бои*, *за тоу голову*), наименования объектов права (*сю свободу*, *тъи товаръ*), наименование субъекта права (*тотъ челоуѣкъ*). Сильной прономинализацией обладают следующие словосочетания: *тотъ челоуѣкъ*, *томъ дѣлѣ*, *тимъ словомъ*. Как видим, пишущие стремятся назвать предмет речи настолько обобщенно-родовым образом, чтобы дейктическая функция выходила на первое место, а номинативная функция играла бы подчиненную роль. Имена, сопровождаемые м-ми, с функцией нестрогой анафоры в тексте можно назвать обобщающими.

Другие сочетания в РЛА: *тии* людье рекли... и *они*... (1271–89 гг.), с *темъ челоуѣкомъ* (1271–1289 гг.), *сии* гость (1301 г.), с *тъими* истци (1392 г.), *того* Немьчина (1405 г.), *тымъ* добродороднымъ и почестливымъ мужомъ (1470 г.), *тому* ради вашѣму здоровью (1475 г.). Как видим, со временем круг наименований лиц расширяется, происходит

этикетная отсылка не только непосредственно к лицам, но и к их субстантивированным признакам.

Наименования объектов права в древнейших грамотах XIII в.: *тѣ* волости, *тѣ* села, *тые* коне (В. п. мн. ч.), *той* конь, *тыи* товаръ.

В целом такая строгая атрибутивная препозитивная анафора еще очень далека от артиклеподобных употреблений указательного м-я, поскольку повторяемое имя в подобных конструкциях входит в парную местоименно-соотносительную модель *а (что) селъ... тѣхъ селъ... Ту же 12 тысячи серебра, тыи колоколъ, тѣмъ же вѣсомъ* суть меры товара — лексика, примыающая несколько позже.

Лексический повтор — не самый древний прием отсылки к известному, ср.: *чѣи товаръ тѣи товаръ*, что в Ругодивѣ порублено у Новѣгородскихъ купцевъ... (1392 г., РЛА, с. 86); *исклад* вчинили... *а тотъ искладъ* держяти на обѣ сторонѣ... какъ уставленъ будетъ... (1407 г., РЛА, с. 129).

К наименованиям документов и элементов их содержания можно отнести сочетания *та грамота, тѣ грамотѣ, тая бы обида, про тую жялобу, тую думу, темъ словомъ, того повѣтрия, о тыхъ шькодахъ*.

В XV в. заметно уже артиклеобразное употребление и резкое расширение круга именной лексики, присоединяющей к себе атрибутивное указательное м-е.

Пре- или постпозиция м-я *тѣ* имеет значимость функции, однако напрямую делать заключения вроде следующих было бы неверно: «В рассматриваемых нами текстах м-е *тот* используется только в препозиции; следовательно, роли указательного члена оно не выполняет. Но и в таком употреблении м-е *тот* может выступать в двух значениях: 1) в значении собственно указательном (*ТОТ судья, в ТА места, за ТОТ рубеж, ТОЕ купли* и т. д.); 2) в значении 3-го лица. Значение 3-го лица м-е *тот* приобретает в сложноподчиненном предложении с придаточным подлежащим или в сложноподчиненном переходного типа: *а осада городная, где хто живет, тутъ ТОТ и сядет* (№ 34, 1434, стр. 87); *возвержите на господа печаль свою, и ТОЙ вас препитает* (№ 104, 1572, л. 4 об., стр. 427). В этих примерах *тот* и *той* являются синонимами к м-ю *он*»¹². Ошибка в этом рассуждении

¹² Петухова Е. Н. Склонение указательных местоимений Тѣ, ТА, ТО в памятниках XIV–XVI вв. (на материале «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XVI вв.») // Ученые зап. Иркутского пединститута. Т. 14. 1958. С. 67–91; 69–70.

заключается в том, что исходной посылкой полагается мнение, будто бы указательный член (артикль) может быть только постпозитивным, как в румынском, шведском, болгарском языках, русских диалектах. Препозитивный артикль хорошо развит в немецком, английском, французском и других западнороманских языках, в чешском наблюдается сильная тенденция к такому развитию, в некоторых русских деловых жанрах — тоже. В грамотах при актуальных именах наблюдается то же явление.

Функция строгой анафоры с участием как м-я, так и имени (так называемая номинальная анафора, в отличие от «прономинальной анафоры», выражаемой одиночным местоименным субстантивом) начиная с XV в. способствует выделению особых групп лексики и оформляет терминологическую базу делопроизводства:

— объект права (купли, продажи, дарения, завещания, определения границы, взимания пошлины, платежа (за что надо будет платить), спора и т. п.; в целом — объект собственности): *ее рѣчку, на том островѣ, то озеро, то истокъ, на тех плесех; то село, то село, то село з деревнями, тѣ села* (мн. ч.), *тѣ села и деревни и пустоши, то село з деревнями = та вотчина, тотъ починокъ, тотъ мой вотчиной починокъ, тѣ селища, то селища, тотъ хлѣбъ, тѣ земли, о сей земли, тѣ земли, та спорная земля, то село з деревнями с хлѣбом з земнымъ = та земля, от того берегу* (земли церковные), *на той трети земли, та вотчина, та моя вотчина, та наша вотчина, та вотчинка, та вотчина = тотъ вкладъ, за тѣмъ же вкладомъ* (деревни с угодьями, предметы, деньги), *того вкладу, тѣ пустоши и полусела (= полуселцо) и полудеревни = та вотчина, тѣ помѣстья, та деревня, ту деревню, то поле, съ тѣми пожнями, тѣ пожни, тое пожни половину, ту половину пожни, тѣ пожни, о той пожнѣ* (молчал), *та заполица, та кулишка, то болото, те угодья, тотъ лугъ, о той полянѣ* (суд был), *с тою поженкою, тот починок, тот лужек, тот наволоок, о том наволоке, тотъ лѣсъ, та сѣча, в ту сѣчу, той бортной отвод, ту борть, на том кладище, то кладище* (место, куда складывали дрова), *то дубье, ту семь нивъ; в том дворе, ту избу, тѣ хоромы; да тою огородою, тое дорогу, да тою ж дорожкой; тѣ иконы, тотъ мед и рыба, по ту рыбу, тое ржи, ту рожь, того хлѣба, а то; тѣ хоромы, тѣ кельи, тотъ дворъ, тѣ дворы, в той слободке, та слободка; тѣ денги, то серебро, тотъ оброкъ, ту сто рублевъ, ту четыреста рублевъ, тѣ два рубля; тотъ крестъ, тот аргамакъ, то монастырское судно, тѣ возы; тотъ убытокъ, тѣ всѣ убытки, та моя купля, тот товаръ; тою мель-*

ницею, тѣ варницы, та варница; тотъ ямъ, тот наволоок, то мѣсто, тѣ мѣста; те холопи и робы;

— обозначение границ участков (особенно в разводных, отводных, разъезжих и межевых грамотах): *по той меже, темъ путемъ, по та мѣста, до сех мест... до сего розъезда* (в протоколе судебного заседания), *та межа* (если без *та* — уже другая), *по тот роз<ъ>ѣздъ, по тому розводу, по тому отводу, на том отводе, в ту же мѣру, тѣмъ же ручьемъ, по тому ж ручью, тою же рѣчккой, на той же водотечи, тѣмъ <же> врагомъ (оврагом), на тот же враг, на тот камень, а на том дубе, тот путь, тою дорогою, тем (же) путиком, до того же путика, от того куста, у тое сосны; тою же Черною грязью; модель с + Род. + на + Вин., от + Род. + к + Дат. (до + Р., по + В.)* чаще обеспечивается конкретными повторяющимися именами без м-й: *пень, дубъ, береза, осина, ель, ивовый кустъ; взножье, подолъ* и под.;

— субъект права, участники процесса (в судных списках), правового действия: *той монастырь, та церковь, се яз, того человека, того холоуя, тѣ люди, тѣ люди и крестьяня/е, тѣ крестьяня/е, тѣ сторожилцы, тѣ сироты, те отводчики, того дворника манастырского; с тѣх лодьи (монастырских), то судно, с тое лодки; тот Лавер, тотъ Офонаско, тот Савка, за тѣм Одроном, тот Гридка Рыкула, тот Семен старецъ* и многие другие имена собственные с определением *тот*¹³;

— документ (и/или его содержание): *си грамота*, (редко: *та грамота* — в списках с подлинников; *грамоту даную*), *ся наша грамота; сия вкладная* (обычно), *ся вкладная* (в монастырских документах), *оприч сеѣ данои, сия мытная, си (ся) купчая, опрочѣ сеѣ купчеи, тѣ крѣпости* (XVI в.), *тоѣ запис* (В. п.), *къ сей записѣ... руку приложилъ, в (по) сеи духовнои, сию духовную* (и другие формы), *в сеи*

¹³ М-е онъ-его в этой функции (онъ Иван — его Ивана) стало распространяться только в XVII в. Это инновация, видимо связанная с переходом слова онъ в личные м-я: возникает семантическое согласование с именем лица; когда такое согласование исчезает, он-его становится полностью относительным м-ем, и побеждается двоичная система — я : не-я (тот), участники беседы (я, ты) : неучастники (он). То, что мы называем сейчас м-ем «3-го лица», есть относительное м-е, не дифференцирующее лицо и неліцо. В истории русской местоименной системы был относительно короткий период (XV–XVII вв.), когда субстантив онъ указывал только на лицо и был действительно личным м-ем. До этого он был исходной формой указательного м-я 3-й степени дальности, после этого стал полностью относительным м-ем, окончательно слившись в единую парадигму с исконным относительным его-ему.

своеи духовнои грамоты, по сей душевной, к сеи розѣзжеи, по сеи моеи памяти, сеь список, в семъ списку, та безсудная (будущая, несуществующая), сеи наш листъ (в грамоте 1458 г. Киевской княгини, с полонизмами), тѣ крѣпости (будущие, возможные; бывшие, сгоревшие), к сеи межевои, к тои розѣзжеи (о другой грамоте), к тои к мировои записи (другой, ссылка на нее), к тому противню (копии), к сей кабале, сю кабалу, через сию заповедь (= нарушая изложенный запрет); сей путь; а на то послуси... (то = заключенная сделка, грамота);

— событие (прецедент; цель существования собственности, детали сыска и судопроизводства): *та гибель, ту гибель; в кормли той; тѣ потесы*; часто просто после описания — в субстантивной форме: *а на то послуси...*, *за тѣм дѣлом, о том дѣле; за тою порукою*.

К XVII в. функция строгой номинальной анафоры распространяется настолько широко, что в документах, в которых совсем немного указательных м-й, например в таможенных книгах (ПЮВРН), основная их доля при указании на предмет падает на эту функцию: *тое кобылу, реже свою кобылу, за ту свою колыбу, дал за тот мерин, реже за тот свои мерин, купил тово мерина, того коня, на тое свою лошада* (многократно). В таких текстах функция указательного м-я особенно приближена к артиклю.

Окончательной грамматикализации определенного препозитивного артикля в русском языке не произошло. Выражению определенности лексика подвергается избирательно, прежде всего та, которая многократно повторяется в деловых документах и важна с точки зрения точности исполнения написанного. Это прежде всего апеллятивы и специальные (но не слишком редкие и индивидуальные) термины.

Позиция указательного м-я находится в коррелятивных отношениях с его функцией. Если м-е имеет первичную собственно дейктическую функцию, то оно находится в постпозиции к определяемому слову. Если м-е имеет анафорическую функцию в тексте, то оно быстро переходит в препозицию. Такое распределение складывается в связи с развитием письменной формы речи, для которой семиотическая опора на внешние предметы исключена. Вот почему постпозитивный артикль получает распространение исключительно в устной народной речи, в памятниках, хорошо ее отражающих, например в хождениях, и практически неизвестен даже в грамотах. Пожалуй, это один из фундаментальных признаков древней канцелярской сугубо письменной речи, противопоставленной устному говорению

(ср. современную частицу -то). К XVII в. пишущие научились **изображать** устную речь на письме с разными целями, поэтому постпозитивный артикль находит свое воплощение у таких авторов, как протопоп Аввакум.

Фоновые предметные характеристики референтов оказываются важными при объяснении собственно лингвистических свойств имен. Функциональная (в нашем случае юридическая, религиозная) ценность вещи непосредственно отражается на характере и способах сопровождения имени данной вещи тем или иным указательным м-ем.

Указательными м-ми сопровождается лексика активного словарного запаса, часто употребляемая и очень востребованная в практике делопроизводства. Редкие и уникальные слова, гапаксы употребляются без указательных м-й, например¹⁴: *водолѣвъ* (237), *водотечъ* (432), *дрововозъ* (237), *заказчикъ* (245), *инокняжець* (224), *пятенное* (237), *пятно* (278), *пятенчик* (653).

Итак, на одном полюсе находятся подобные, всегда производные, часто сложные слова с узким терминологическим значением, на другом полюсе — слова с тенденцией к прономинализации: *(то) дѣло*, *(то) мѣсто*, *(си) сторона*, *(онѣ) полѣ*, *(тотѣ) часѣ*, которые без местоимений употребляются редко.

В эпиграфике долго сохранялось употребление существительных с исконной постпозицией указательного м-я, например при словах *крѣстѣ*, *понагья*, *евангелие*, *олтарь*, известных с XI в. При словах *рака*, *въздухѣ*, *икона* постпозиция м-я переходила в препозицию. При обозначениях новых предметов *костелѣ*, *каплица*; *пицаль*, *стрѣльница* известна уже только новая препозиция.

При автосемантическом употреблении слова *грамота* определение *си(я)* до XV в. могло находиться как в пре-, так и в постпозиции. Чаще всего в рассмотренных памятниках с постпозитивным указательным м-ем употребляются слова *крѣстѣ* и *грамота*. Отличие древнейших выражений *крѣстѣ си*, *грамота си* от позднейших *крѣст-отѣ*, *грамота-та* в том, что первые сложились в условиях предметоцентрического дейксиса, вторые — в условиях развития эгоцентрического дейксиса.

Приведем теперь для сравнения примеры слов, которые употребляются без указательного м-я и которые не выступают в грамотах как антецеденты каких-либо анафо?ров, т. е. не включаются в коре-

¹⁴ В скобках приведены номера грамот по изд.: АСЭИСВР. Т. 1.

ферентные цепи¹⁵: ок. 1580 князь, бояре, слуги, сироты; крестъ, печать; дань, явка, посохъ, моление, ку?пчина, розбои, татба, будущий векъ, казнь; ок. 1380–1417 сынъ, люди добрые; 1392–1427 игумен, дьяк, послуси; соха, топор, коса, рубль, деньга, соколъ, вол, кадь ржи; Петрово заговенье, городецкая мера радонежская; 1432–1445 жена, игуменъ, братия, мужъ, дядя, родители, послуси; манастирь, полколodeзя, варница, поляны, кладици; поминокъ; 1432–1462 князь великий, приставъ, поледшикъ; невод, озеро, реки; дань, пицая белка, ям, подвода, пошлаина, суд смесной, правда, вина, казнь; 1436 отец, дворский, сотцкий, становщик, староста; грамота, конь, сено; места, дань, писчая белка, ям, подвода, городовое дело, ставленое, закосное, портное, оброк, пошлаина, душегубство, суд смесной, правда, вина, урочны лета, по силам, казнь; 1438 великий князь, бояре, дѣти боярские, дворяне, гонцы; монастырская села, подводы; ратная вѣсть, казнь; ок. 1430–х чернец; дом святой Троице, топор, коса, лес, Черная речка, Никола, грань, поток, алтын, овца; отвод.

Из лиц без м-й упоминаются такие, которые имеют высокий социальный статус и обычно отдают распоряжения, либо выполняют важные контролирующие или свидетельские функции. Предметы имеют в основном символический характер. Поражает обилие отвлеченных имен, связанных с правовыми либо антиправовыми действиями. Древнейшие из них — результат простого метонимического переноса (*посохъ* как вид платы). Как видим, совпадений с теми существительными, которые участвуют в кореферентных цепях и тем более сопровождаются атрибутивными указательными м-ми, очень мало.

Поэтому представленные данные показывают, что указательные м-я являются надежным индикатором выделения лексики со специальными функциями: 1) наименований предметов, на которые наносятся надписи, и типов и жанров письменности, при которых они приписываются или в начале и/или в конце которых они называются, иначе говоря, имен с автореферентцией, 2) обобщающих имен с нестрогой анафорой и 3) юридических терминов, важных для ста-

¹⁵ Грамоты подобраны по тому же источнику из соображений максимального лексического разнообразия, т. е. так, чтобы их лексический состав повторялся как можно меньше; в скобках дается год создания грамоты; сначала перечисляются наименования лиц, затем — предметов, затем — непредметные имена. Чтобы корректно показать свойство текста, соблюдается принцип полноты выборки.

ринного делопроизводства. Назовем все три группы прономинально маркированными именами (ПМИ).

Индикация ПМИ была широко распространена в древней формульной речи, к нашему времени она сохраняется лишь со вторичными стилистическими изобразительными целями. Особого класса ПМИ сейчас уже нет ни в русском безартиклевым, ни в западных артиклевых языках, потому что способы референции развивались и там, и там, но прямо противоположным образом. В русском класс ПМИ лексикализовался (определенная референция происходит без м-я), в западных грамматикализовался, распространившись на все имена. Грамматическая возможность отметить м-ем определенность в русском языке сошла на нет и перешла на уровень стилистики; в западных языках развернулась до грамматической необходимости.

О. В. Блинова

ВОСПРОИЗВОДИМЫЕ СОЧЕТАНИЯ С УЧАСТИЕМ
ЛЕКСЕМЫ «МЕСТО» В ПРОСТРАНСТВЕННОМ,
ВРЕМЕННОМ И КОЛИЧЕСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГРАМОТОК XVII – НАЧАЛА XVIII в.)

Аннотация

Автор рассматривает особенности употребления лексемы «место» в различных значениях как в составе связанных сочетаний, так и в свободных контекстах.

Ключевые слова: грамотки, грамматикализация, воспроизводимые сочетания.

WORD-GROUPS WITH LEXEME «МЕСТО»: MEANINGS OF SPACE,
TIME, NUMBER (ON A MATERIAL OF RUSSIAN HOUSEHOLD LETTERS
XVIIth – THE BEGINNINGS OF XVIIIth CENTURY)

Summary

The author considers a specific character of use of lexeme «место» depending on its meaning in collocations or free phrases.

Key words: household letters, grammaticalization, collocations.

Примечательная способность лексической единицы к стиранию собственного значения в пользу значений, выражающих грамматические отношения, разумеется, обусловлена ее семантикой¹. В данной

¹ Ученые неоднократно отмечали, что в самых различных языках именно слова с пространственным значением часто становятся источниками грамматикализации (см., например: *Майсак Т. А.* Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // *Вопр. языкознания.* 2000. № 1; *Вострикова Н. В.* Грамматикализация глаголов каузации движения и изменения положения в пространстве [Электронный ресурс] // *Труды Международной конференции «Диалог-2003».* URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Vostrikova.htm> (дата обращения: 02.11.2010)).

статье, при учете перечня значений слова «место, а ср.», представленном в словарях, исследуются наиболее общие компоненты значения, обуславливающие участие лексемы в конструкциях и сочетаниях, демонстрирующих на выбранном материале разные стадии грамматикализации² и разную степень воспроизводимости.

Предстоит решить следующие задачи:

- используя метод сплошной выборки, в значительном по объему и однородном материале (528 грамоток XVII–начала XVIII в.)³, выделить все без исключения случаи использования лексемы «место»;
- распределить выделенные контексты в группы по значению;
- каждую выделенную внутри группы единицу (лексему, воспроизводимое сочетание⁴, конструкцию) охарактеризовать по категориям: частотность, модель образования, лексический состав. Если речь идет о конструкции, то особое внимание следует обратить на средства выражения синтаксических отношений внутри конструкции (согласованность элементов конструкции, соблюдение предполагаемых моделей управления).

1. «Место» в пространственном значении.

1.1. Случаи употребления лексемы в значении «часть пространства, земной поверхности», «поселение», «участок земли, угодье» и прочие достаточно разнообразны. В общей сложности на 528 писем приходится 21 пример. Устойчивых сочетаний с участием лексемы в указанном значении не зафиксировано, в отношении образования форм словоизменения лексема затруднений у пишущих не вызывает.

² «Грамматикализация... представляет собой, в общем виде, процесс, в ходе которого некоторая языковая единица становится грамматической (или в большей степени грамматической). Наиболее очевидный пример грамматикализации — это приобретение знаменательным словом грамматической функции, в результате чего бывшая лексема получает служебную роль и становится грамматическим показателем, т. е. модификатором типа вспомогательного глагола, предлога/послелога, частицы, аффикса и т. п.» (Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. С. 4).

³ Тексты бытовых писем содержатся в издании: Грамотки XVII–начала XVIII в. М., 1969. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

⁴ Решение вопроса о том или ином сочетании как о «воспроизводимом» принимается на основании количества употреблений этого сочетания в корпусе и (изредка) на основании данных словарей. Конечно, этот статистический критерий «работает», но оказывается невостребованным: в тех случаях, если в ходе развития языка рассматриваемое сочетание превратилось в самостоятельную компактную лексическую единицу, например наречие.

1.2. В значении «звание», «чин», «должность» лексема употребляется шесть раз, дважды — в составе комплекса «*прислать на место*», причем в одном случае — в составе устойчивого сочетания «*убылье места*» (вакантные должности): *да от отставки дву члвкъ стрельцов которые были присланы на убылье места* (с. 274).

1.3. «Конструкция с заместительным значением» существовала в двух основных видах:

а) **предлог *в* / *за* / *(на)* + родительный падеж существительного/личного местоимения + место** (*буди гсдрь ко мне милостив по жалуи стан за отца места на чужей стороне брату моему Андрею*, с. 308).

б) **предлог *в* + притяжательное местоимение + место** (*а буде к Москве не приедет и нико в свое место не пришет и я пришло и другую грамоту*, с. 32).

Насколько можно судить по выбранному материалу и данным словарей, в состав первой разновидности может входить и существительное, и личное местоимение в родительном падеже (*въ рыбы место, въ ока место, въ члвеколюбия место, въ пса место, въ отца место, въ Игоря место, за Исака место, въ него место, въ нея место*⁵); вторая разновидность обычно включает притяжательное местоимение (*в мое место, в свое место*), но не притяжательное прилагательное (*в Игорево место*). Материал показывает, что обе конструкции были разными по включению предлогов: во второй конструкции (с притяжательным местоимением) употреблялся только предлог *в*.

Можно также отметить, что в ходе исторических преобразований первая конструкция претерпела изменения порядка элементов (*в отца место > вместо отца*), а во второй изменился не только порядок элементов, но и состав конструкции (*в свое место > вместо себя*)⁶.

2. «Место» во временном значении.

Для современного русского языка в его кодифицированном, литературном варианте следует отметить утрату данного значения лексем⁷. Исключение, возможно, составляют диалекты. В значении

⁵ Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 2. М., 2003. С. 247.

⁶ В грамотках конца XVII в. замечен также пример *слезы маи места вады*, где конструкция эквивалентна современной, но нет следов предлога *в* (см.: Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII–начала XVIII в. М., 1964. С. 74).

⁷ Так, следов временного значения рассматриваемой лексемы нет в следующих словарях: Словарь Академии Российской. 1789–1794. Т. IV. М., 2004; Словарь цер-

«определенный отрезок времени» «Словарь русских народных говоров» (СРНГ, вып. 18, с. 128–131) приводит в том числе такие примеры употребления лексемы: *Пошли двоимя шли опеть сколько-то места, попадутся им Дубина-человек.* (Шадр. Перм., 1860); *Старуха, погодя немного места, родила* (Новоторж. Твер., Афанасьев. Новг. Слов. Академ. 1956).

В нашем материале примеров с независимым употреблением лексемы «место» во временном значении нет.

2.1. В составе воспроизводимого сочетания «место» в упомянутом значении употребляется лишь единожды, поэтому вид сочетания можно уверенно восстановить только с помощью словарей и в следующем виде: **название отрезка времени (день, неделя, год) + «место» в родительном падеже**⁸: *и ты ему бил челом и он де на н(е)д(е)лю места дал сроку* (с. 68).

«Словарь русского языка XVIII в.» (СлРЯXVIII, вып. 12, с. 147–148) приводит как примеры с соблюдением формы родительного падежа: *Благай мало от сего клею в воду да мокнет день места*, так и примеры с заменой ожидаемой падежной формы на форму именительного/винительного падежа: <...> *выставь на неделю место на воздух*, <...> *я с минутой место отдохну*. Это, если отвлечься от напрашивающегося фонетического объяснения окончания в первом примере,

ковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Репр. изд. Кн. 1. СПб., 2001; Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. II. М., 1958; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I. М., 2001; Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. Т. II. М., 1999; Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000. Тем не менее в «Словаре современного русского литературного языка» (Т. 6. М.; Л., 1957) в статье «место» есть значение «какой-либо определенный момент, отрезок времени», который, правда, приводится с пометами «устар. и обл.», причем значение иллюстрируется примерами из произведений А. Н. Островского, А. К. Толстого, Л. Толстого, В. Г. Короленко. А в «Современном толковом словаре русского языка» (Т. II. М., 2006. С. 64) имеется не проиллюстрированное значение «место — часть времени или внимания, которая посвящается кому-л. или чему-л.» с пометой «перен.».

⁸ Ср. современные примеры с другим лексическим наполнением из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru): *Прошел приблизительно час времени, и мы, не желая утомлять хозяев, хотя никаких знаков к окончанию визита нам никто не подавал, стали прощаться* (Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000)); *У него минута времени больше стоит, чем мы с тобой вместе в неделю зарабатываем* (Виктор Пелевин. Generation «П» (1999)), *И дать им на это один месяц сроку* (Саватеева И. Пока не приватизирован Кремль // «Родник», (1991)).

можно трактовать как постепенную потерю элементами конструкции показателей синтаксической связности.

В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ, вып. 18, с. 128–131) приведен вариант конструкции: *с час места прошло* (Тобол., 1917) с указанием на значение — «около часа». Такая семантическая специализация конструкции (присвоение значения приблизительности) произошла только при предлоге *с*: *с минуточку удивлённо смотрел на Башуцкого и развёл руками* (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989): Национальный корпус русского языка).

2.1.1. Состав следующей конструкции таков: предлог *по / до* + указательное местоимение + *места/местъ*.

Рассматривать данное явление именно как конструкцию позволяет не раздельное написание⁹ (например, *по ся мест* в отличие от *покамест*), а возможность изменения состава сочетания: 1) в его состав могли входить разные местоимения — указательные *сеи* или *тот*: *а ко ржи гсдрь нет подрядчиков по сех местъ толко сами которья привозят у тех купит послал в городы для покупки* (с. 269); *а что товарищ твои по грамоте срокъ о перемене тебе указывает. тот с которого числа ты учал в Кузмодемьянску у дела быт. и здес то ж говорят до толко ли. и до тех местъ удержим ли потому от ково было и помочи чаят* (с. 21). Чаще всего в выборке встречается сочетание *по ся мест* (12 случаев из 16); 2) существовал выбор из двух предлогов (*по* и *до*), первоначально — с разным управлением (*по* + Винительный падеж, *до* + Родительный падеж); 3) наблюдались некоторые колебания в форме существительного (*по ся мест, месть, местъ — по ся места — по ся место*). Конечно, о грамматической согласованности существительного и указательного местоимения речи быть уже не может, но некоторые следы такой согласованности язык сохранил.

2.1.2. Если рассматривать также наречие (и союз) *покамест* на предмет отличий в употреблении от конструкции «*по сех местъ*», можно привести следующие наблюдения: «Словарь русских народных говоров» приводит параллельные формы: *потамест, потаместь, потамесь — потамес — потама, потам* (наречие) (СРНГ, вып. 30, с. 265), *посяхместь — посямест, посяместь — посямес, посямесь* (наречие) (СРНГ, вып. 30, с. 260), но *покаместа — покамес,*

⁹ Издатели «Грамоток XVII — начала XVIII в.» публиковали тексты со словоразделами и употребляли именно такие написания — слитное *покамест* в отличие от раздельного *по ся мест*. Однако грамотки обычно писались без деления на слова (об этом см., например: Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М., 1965. С. 5).

покаместь, покаместя — покам — покаме (наречие и союз) (СРНГ, вып. 28, с. 367). В качестве союза могли употребляться только образования от формы местоимения в винительном падеже мн. ч. *ка¹⁰, то есть можно говорить об определенной синтаксической специализации того варианта, который грамматикализовался раньше других. Грамотки также демонстрируют, что вариант «покаместь» (общее число употреблений — 9) употреблялся как союз: *пожалуи вели священнику Никифору молоть безденежно по десети четвертеи на год да Леонтию дьячку до пяти четвертеи покаместь я из Дзвиска буду* (с. 115), в отличие от столь же частотного «по ся месть» (общее число употреблений — 11).

3. «Место» в количественном значении.

3.1. В выборке лексема «место» в количественном значении зафиксирована только в составе сочетания «*небольшое место*» (небольшое количество чего-либо). Можно также говорить о существовании выражения «(послать) *запасу небольшое место*» (о съестных припасах): *и твоя млсть гсдрь батюшка пожалуйте запасцу пришлите небольшое место а сухареи не присылайте и тех у нас сухареи* [так в ркп.] *много* (с. 121); *а запасу послала небольшое место* (с. 32). В выборке таких примеров всего три.

«Словарь русских народных говоров» (СРНГ, вып. 18, с. 128–131) приводит достаточно много примеров на данное значение: *Ты куды денешь еко место картошки?* (Перм., 1969); *Репы много разворовано, с избу места* (Кем., Арх., Ончуков), *Такое место напрясть, ведь не баран чихал* (Добрян., Перм., 1926), но среди устойчивых выражений в этом словаре сочетаний «небольшое место», «с небольшим местом» нет.

В нашем материале наибольший интерес вызывают следующие примеры: *икры черные хотя небольшое пожалуи купи* (с. 24); *послал в великои постъ рыбки небольшое осетръ да лосос свежие* (с. 13); *и кладка у стряпчего с великим мешкотою на ден кладед по К п или гараздо по К с небольшим да и тем велит жидатца* (с. 185, речь идет о погрузке подвод — в день по 20 пудов или в лучшем случае по 20 с небольшим). Эти примеры позволяют предположить, что встречающееся в современном русском языке выражение, употребляемое по отношению к числу, количеству чего-либо «*X с небольшим*»¹¹,

¹⁰ См.: Фасмер М. Этимологический словарь. Т. 3. М., 1971. С. 304.

¹¹ Например: *ему было сорок с небольшим; через год с небольшим, рублей триста с небольшим.*

ранее выглядело как «*X с небольшим местом*» (по аналогии с тем, что выражение, эквивалентное сочетанию «*небольшое количество чего-либо*», выглядело как «*небольшое место*»).

По результатам предпринятого обзора возможностей употребления лексемы можно сформулировать некоторые выводы. Все случаи употребления делятся на две группы: «свободное употребление», когда лексема реализует все разнообразие возможностей, предполагаемых ее частеречной отнесенностью и грамматическими характеристиками, и «связанное употребление» — с условным делением всех случаев употребления а) с упором на воспроизводимость лексического состава сочетания (как, например, в устойчивом сочетании *убылые места*) и б) воспроизводимость некоторой модели образования сочетания (*в отца место, по сех мест*). В нашем материале лексема «место» сохраняет способность к свободному употреблению только в значении, условно названном «пространственным».

Следы количественного и временного значений лексемы можно найти в составе устойчивых сочетаний, часть из которых, вместе с постепенной утратой элементами сочетания свойственного им значения, приобретает синтаксическую специализацию.

Сокращения

СлРЯXVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 12. СПб., 2001.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Л., 1982; вып. 28. Л., 1994; вып. 30. СПб., 1996.

Е. В. Чендекова

**НАИМЕНОВАНИЯ ТКАНЕЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI–XVII ВВ.:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Аннотация

В статье рассматривается функционирование тематической группы наименований тканей в русском языке XI–XVII вв. в зависимости от принадлежности текста к одному из трех типов памятников письменности на Руси в исследуемый период (церковная литература, повествовательная литература и деловые документы).

Ключевые слова: тематическая группа, наименования тканей, древнерусский литературный язык, деловая письменность.

**WORD-GROUP “NAMES OF FABRICS”
IN RUSSIAN LANGUAGE OF THE XI–XVIIth CENTURIES:
FUNCTIONAL ASPECT**

Summary

The article contains material about a thematic word-group “names of fabrics” in russian language of the XI–XVII centuries. The auther direct attention above all at the functional aspect.

Key words: thematic group, the names of fabrics, old Russian literary language, business written language.

Тематическая группа наименований тканей, являющаяся составной частью предметно-бытовой лексики, отражает, наряду с другими тематическими группами в ее составе, изменения в развитии словарного состава русского языка XI–XVII вв. В силу своей широкой употребительности наименования тканей встречаются во всех разновидностях письменной речи. Однако их функционирование в тексте варьируется в зависимости от характера памятника, времени его создания и жанра текста.

Г. В. Судаков отмечал среди особенностей «функционирования предметно-бытовой лексики в книжно-письменных источниках предельную обобщенность семантики, актуализирующуюся способность выступать в качестве символа идеи, предмета, а не обозначения конкретного предмета»¹. Эта особенность находит свое отражение и в функционировании тематической группы наименований тканей. В понятие термина «книжно-письменные тексты» в данной статье включаются следующие типы памятников письменности Древней Руси: церковная (или церковно-книжная) литература и повествовательная светская литература. Такое объединение связано с тем, что функционирование наименований тканей в текстах указанных типов памятников письменности практически идентично и, в свою очередь, противопоставлено употреблению наименований тканей в деловых документах.

Книжно-письменные источники содержат ограниченное количество наименований тканей, с преобладанием имен существительных и имен прилагательных — производных от них. При этом среди заимствованных слов отмечается доминирование имен существительных, употребляемых в общем значении «драгоценная (шелковая) ткань», без указания на сорт, цвет, место производства и т. п. См.: *И повелѣ Володимерь, рѣжючи наволоку, орници, бѣль розметати народу* (1115 г. — Пов. врем. лет // БЛДР, т. 1, с. 310); *В Бедери же торгъ на кони, на товар, да на камкы, да на шелкъ и на всякий иной товаръ* (XVI–XVI вв. ~ 1472 г. ~ Хожд. Аф. Ник. // БЛДР, т. 7, с. 356) и др. При употреблении заимствованных имен существительных — наименований тканей в более узком значении «ткань определенного сорта» конкретизация признака предмета также отсутствует. Ср.: *тѣ богато на земли живаше. в багрѣ и въ наволоцѣ хожаше... раби его предитекоуще мнози. въ брачинѣ. и в гривнахъ златахъ* (до 1200 г. (после 1192 г.) — Сб. поуч. // ИОРЯС, т. 10, с. 202); *Камбятъ же пристанище Индѣйскому морю всему, а товаръ въ немъ все дѣлають алачи, да пестреды, да киндяки* (XVI–XVI вв. ~ 1472 г. ~ Хожд. Аф. Ник. // БЛДР, т. 7, с. 364); *Всякие узорочные товары: камки, и сукна добрые, ...и изуфи* (1679 г. — СлРЯХI–XVII, вып. 6, с. 212); *А даровъ, что въ Казани оставлено от нашего величества в ларѣцахъ камокъ и бархатовъ и отласовъ, и участковъ золотыхъ...* (XVII вв. ~ Пов. о жен. Ив. Гроз. // ПЛДР, с. 11); *со всякими драгоценными за-*

¹ Судаков Г. В. Русская бытовая лексика XVI–XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. С. 1.

морскими товары, беспрестанно приходят: з бархаты и отласы, со златоглавы и оксамиты, с олтабасы и с каберцами, и с камками (XVII вв. ~ Сказ. о расск. жит. // ПЛДР, с. 190) и др. Исконно русские по происхождению наименования тканей в книжно-письменных текстах также имеют общее значение «ткани определенного сорта; материала; качества»: *И оуспаша пароусы паволочиты, а Словене кропинны и раздра а вѣтръ, и рѣша Словени: имемса своим толъстинам* (1079г. — Пов. врем. лет // БЛДР, т. 1, с. 84); *Да ся (не) облечеша в непотребную сукна и платна* (XIV в. — Срезн., т. 3, с. 615); *мы же пло(т) свою пита~(м). и лномь с шелкы одѣвае(м)* (XIV в. — СДРЯХІ–XIV, т. 4, с. 448).

Основным значением имен прилагательных — производных от наименований тканей, является значение «сделанный из соответствующей ткани»: *Ношааше ризоу соукъняноу* (XI в. — Срезн. 3, с. 616); *Злато много, сръбро и годоваблени ризы никому же въ пользу будутъ* (XIII в. — СлРЯХІ–XVII, вып. 4, с. 58); *А то блаше не право прити къ врато цревомъ въ ѡдежи суклянѣ* (XIV в. — Срезн., т. 3, с. 616); *ѡ(т) иуды родиса двца. имѣюще одежу вусинну* (1406 г. — СДРЯХІ–XIV, т. 2, с. 313); *Коли лучитсѣ плат(ь)е какое кроити... камчято, и тафтяно, и зугъ, и кушачно, зенденинное, крашенинное, сукняное, армячное и сермяжное...* (XVI в. — Домостр., с. 375) и др.

Для книжно-письменных текстов характерно отсутствие имен существительных — наименований тканей в уменьшительной форме. Соотношение случаев употребления полных и кратких форм имен прилагательных приблизительно одинаково и не зависит от времени создания памятника и от его жанровой принадлежности.

Составные наименования с опорным словом, являющимся названием ткани, в книжно-письменных источниках практически отсутствуют, что связано, по-видимому, с базовым обобщенным значением, в котором наименования тканей употреблялись в данных типах текста.

Отличительной чертой функционирования наименований тканей в повествовательной светской литературе является более широкое, чем в церковно-книжной литературе, употребление имен существительных — наименований тканей во множественном числе. В большинстве случаев в церковной литературе наименования тканей в XI–XVII вв. употребляются в форме единственного числа, в повествовательной древнерусской литературе более употребительна форма множественного числа.

Гораздо более обширный материал для исследования представлен в текстах деловой письменности, которые по результатам исследо-

вания можно в зависимости от времени создания разделить на две группы, каждая из которых обладает своими характерными особенностями — период XI–XIV вв. и период XV–XVII вв.

Памятники деловой письменности XI–XIV вв., в которых встречаются наименования тканей, не отличаются большим разнообразием и ограничены различными разновидностями грамот и грамоток, духовными распоряжениями, данными, купчими и подобными документами. Для наименований тканей, употреблявшихся в деловой письменности в этот период, также характерен именной состав лексики с преобладанием имен существительных.

Общей для исконно русских наименований является наличие мотивировки названия, в соответствии с которой в тематической группе наименований тканей, соответствующей рассматриваемому периоду, можно выделить две подгруппы. Это, во-первых, наименования, отражающие качественную характеристику ткани по материалу и способу изготовления, например: *ряднина*, *узчина*, *уновина*, *частина*. Ср.: *А како приидеть латиньскии . гость . в городъ . с волока . дати имъ . княгини . поставъ частини* (1297–1300 гг. — Смол. грам. XIII–XIV, с. 127); *Како то будетъ . како придуть латиньскии гость . оу городъ с волока . дати имъ княгини поставъ частины* (1-я пол. XIV в. — Смол. грам. XIII–XIV, с. 53); *А старого доходу шло с тое волости монастырю с сохи... 6 пятков лну, 5 локот ряднины* (1501 г. — СлРЯХI–XVII, вып. 20, с. 287). Во-вторых, это наименования, связанные с цветом ткани, например: *голубина*, *зелень*, *рудавьщина*, *хѣрь* (*сѣрь*), *чърмень*. Ср.: (Ѡ) *михала ко прокоше цето ти воудоро, цето ти церѣмени, цето ти роудавещене и голубине добре* (1-я пол. XIII в. (1200–1210 гг.) — ДНД, с. 354); *у вигара ·К· локото хѣри безо локти у валита в кюлолакши ·ИД· локти хѣри* (50–80-е гг. XIV в. — ДНД, с. 500); (Ѡ) *фларя Ѡ коцанкова ·е· портище голубине* (70–90-е гг. XIV в. — ДНД, с. 500); (Ѡ) *фларя.. портище зелени* (70–90-е гг. XIV в. — ДНД, с. 510–511). Встречаются в памятниках деловой письменности и родовые наименования тканей, исконно русские по происхождению: *сукно*, *холстъ*. Ср.: *Во сѣтехо 3 гривнѣ, во соузнѣхо и во хлостѣхо* (1200–1210 гг. — ДНД, с. 354); (Ѡ) *лазоря ко от... сѣконо свить* (2-я пол. XII в. — ДНД, с. 371); *а харѣтонъ воза · дѣсать локотъ сукона и грѣвону* (40–70-е гг. XIV в. — ДНД, с. 513).

Случаи употребления заимствованной лексики, относящейся к группе названий тканей, в памятниках деловой письменности XI–XIV вв. более редки, чем в книжно-письменных текстах, например:

водмоль, зендень, обирь [объярь], скорлатъ, хамъ. Ср.: и приехалъ Проконии къ Смоленску. то и первое и дали ему скорлата портъ (ок. 1300 г. — ИОРЯС, т. 10, с. 241); *хаму ѠГ локти* (10–30-е гг. XIV в. — ДНД, с. 444); *кожухъ желтая обирь съ женчугомъ* (1327–1328 гг. — Срезн., т. 2, с. 509); *у ваваса и ваакшина ѠВ локти водмолу* (50–80-е гг. XIV в. — ДНД, с. 500).

Уже в этот период развития русского языка в памятниках деловой письменности появляются имена существительные — наименования тканей в уменьшительной форме, например: *зендянца, узчинка, хамецъ*. Ср.: *а водале ми еси хамеве* (10–20-е гг. XII в. — ДНД, с. 245); *Поклонъ Ѡ Маринъ къ сну к моѣму Григорью купи ми зѣнданцю добру* (XIV в. — 1400 г. — ДНД, с. 536); *узцинку выткала и ты ко мнѣ пришли а не угодице с кымъ прислатъ и ты у себя избѣли* (10–20-е гг. XV в. — ДНД, с. 558).

Составные наименования с опорным словом, являющимся названием ткани, в этот период также практически отсутствуют. В исследованных памятниках встретилось всего несколько случаев употребления составных наименований, образованных из сочетания прилагательного и существительного и указывающих на следующие признаки: «качество ткани»: *зѣнданцю добру* (XIV в. — 1400 г. — ДНД, с. 536); «цвет ткани»: *желтая обирь* (1327–1328 гг. — Срезн., т. 2, с. 509); «место изготовления»: *А хтѡ хочетъ въ коупечѣствѡ вложитъ въ-Иванское, дастъ коупьцемъ пошлымъ вкладоу пятдесятъ гривень серебра, а тысяцкому соужно Ипское* (1136 г. — Срезн., т. 3, с. 615); *А одѣяніе потребное имати у игумена обычныхи, а не Нѣмечькихъ суконъ* (1382 г. — Срезн., т. 3, с. 615). В дальнейшем подобные составные наименования становятся устойчивыми и функционируют в языке достаточно широко. В связи с этим можно говорить о появлении терминологических словосочетаний и о тенденции к образованию терминосистемы уже в этот период развития русского языка.

Редкими являются и имена прилагательные со значением «сделанный, сшитый из соответствующей ткани», причем оба случая употребления связаны с наименованием ткани *скорлатъ*: *Андрѣю сыну моему бугаи соболи съ наплечки съ великимъ женчугомъ съ каменемъ, скорлатное портище сажено зѣ бармами* (1327–1328 гг. — Срезн., т. 3, с. 381); *А се дано сыну своему князю Дмитрию... опашень скорлатенъ сажень* (1359 г. — Срезн., т. 3, с. 381).

Наибольший интерес для исследования изменений, происходящих в лексико-тематической группе наименований тканей, представляют

памятники деловой письменности XV–XVII вв., в особенности таможенные книги различных регионов Московского государства, приходо-расходные, вкладные и кормовые книги монастырей, исторические акты и т. д. Эти документы отражают «процессы вхождения и освоения заимствованных слов и процессы приспособления русских языковых средств к обозначениям иноземных предметов»².

В период XV–XVII вв. происходит значительное количественное изменение анализируемой тематической группы, выражающееся в тенденции к постепенному увеличению словаря, главным образом: а) за счет увеличения количества видовых наименований, заимствованных из других языков; б) за счет образования новых лексем словообразовательными средствами русского языка.

С процессом адаптации иноязычных слов в русском языке связана широкая фонетическая и грамматическая вариативность, приводящая к избыточности словаря. Например: *адамашка* — *дамашка* — *едамашка* — *одамашка* — *одомашка*; *дарага* — *дараги* — *дораги* — *дорога* — *дороги*; *еренгъ* — *еренга* — *еренка* — *еренокъ* — *еронокъ* — *яренгъ* — *яренкъ* — *яринокъ*; *мъли* — *мъль* и др. В процессе семантического развития происходило постепенное сокращение количества наименований за счет выработки основного варианта, «сочетающего семантическую определенность с широкой сферой употребления в устной и письменной речи и территориальной неограниченностью»³.

В период XV–XVII вв. в деловой письменности русского языка приобретают большую распространенность составные наименования тканей с опорным словом, являющимся названием ткани, которые характеризуют ее разновидность посредством указания на сорт ткани, цвет или место изготовления⁴. Их появление вызвано необходимостью уточнения, детализации, более четкой дифференциации наименований различных видов тканей. Такие составные наименования чаще представляли собой двусоставные атрибутивно-именные словосочетания, в которых определяющее слово выражалось полной или краткой формой имени прилагательного, ср.: *две сукне лунскихъ*

² *Мальшева И. А.* Архангельская таможенная книга 1710 г. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. Курск, 2009. С. 133.

³ *Судаков Г. В.* Русская бытовая лексика XVI–XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах. С. 25.

⁴ См.: *Чайкина Ю. И., Смольников С. Н.* Таможенная книга Устюга Великого 1751–1752 г. как источник для изучения языка и культуры севернорусской провинции XVIII в. // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000.

(1503 г. — Скарб. кн. Метр. Лит., л. 4); *бархатъ двоєморхъ* (1589 г. — Савв., с. 12); *камка червчата* (1629 г. — Савв., с. 48); *6 косяков отласу гладково* (1634 г. — Там. кн. Вол. 1634–1635, т. 1, л. 141); *20 аршин камки неклеиново* (там же, л. 135 об.); *107 аршин камки евской* (там же, л. 35) и др. Особый интерес в этой группе представляют наименования, в состав которых входят прилагательные, образованные от топонимов. Некоторые из них становятся промежуточной ступенью для образования имен существительных — названий тканей⁵. Ср.: *пятнатцать аршин сукна аглинсково* (1610–1611 гг. — Вкл. кн. Тр.-Серг. мон., л. 426) => *двѣ паловинки сукна аглицы зеленои* (1647 г. — СОРЯ, с. 37) => *двѣ половинки аглицы* (1646–1647 гг. — Курск. там. кн. 1646–1647, л. 14–15); *поставъ сукна лун(д)ского червчатого* (1584–1585 гг. — Срезн., т. 2, с. 55) => *7 половинок сукон лундышев* (1634 г. — Там. кн. Вол. 1634–1635, т. 1, л. 285 об.–286) => *7 половинок лундышев* (там же, л. 95) и др.

В составных атрибутивно-именных наименованиях нередко случаи возникновения эллиптических конструкций, когда родовое слово опускается, а определяющее имя прилагательное выступает в качестве самостоятельной лексической единицы, обозначающей название ткани. Ср.: *два поставы махалскихъ, дванатцать поставовъ трыцкихъ фарбованыхъ* (1507 г. — Скарб. кн. Метр. Лит., л. 41 об.); *подстав анбурской* (1634 г. — Там. кн. Вол. 1634–1635, т. 1, л. 80 об.); *8 подставов аглинских* (там же, л. 285 об.–286); и др.

Многосоставные словосочетания включали в себя несколько определяющих слов, выраженных именами прилагательными, характеризующими обозначаемую реалию одновременно по нескольким признакам — место производства, сорт ткани, цвет, качество, материал, назначение ткани и т. д. Ср.: [*сукно*] *новогонское зеленое* (1503 г. — Скарб. кн. Метр. Лит., л. 14 об.); *бархатъ червчатъ Бурской двоєморхъ* (1589 г. — Савв., с. 11); *26 зурфъ бела Анбурская* (там же, с. 15); *суконъ мирскихъ сермяжныхъ сорокъ безъ дву аршинъ* (1591 г. — Мон. прих.-расх. кн., л. 162); *отласъ Турской двойной* (1629 г. — Савв., с. 53) и др.

В исследованных источниках большое распространение получил особый тип конструкций, представляющих собой несогласованное определение со значением признака предмета, выраженных имена-

⁵ Генералова Е. В. Прилагательные, образованные от топонимов: проблема семантической и лексикографической информативности // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 6. СПб., 2005. С. 48.

ми существительными без предлога, т. е. приложений. Эти словосочетания синонимичны словосочетаниям с определяющими словами, выраженными именами прилагательными, и в большинстве своем имеют значение «сделанный, изготовленный из соответствующей ткани», ср.: *отъ себе посолъ далъ камку бурку — шолкъ черлений, а рудожолтый, а голубый* (1507 г. — Скарб. кн. Метр. Лит., л. 48 об.) и *кафтан, камка буръская на червце* (1582 г. — Вкл. корм. кн. Моск. Сим. мон., л. 2); *летник комчат от шва оксамитна* (1509/10 г. — АРГ 1505–1526, № 53) и *лѣтникъ камка червчата* (1513/14 г. — там же, № 111). Нередки случаи одновременного употребления в рамках одного документа конструкций с именами прилагательными и несогласованными определениями, выраженными существительными⁶. Ср.: *покровы-пелены камка луданная красная* (1696 г. — Вкл. кн. Серп. Выс. мон., с. 44) и [*покровы*] *обложены камкою луданъ желтой* (1696 г. — там же).

Во многих случаях такие составные наименования становятся устойчивыми, терминологизируются, образуя составные термины, ср.: *40 аршин камки куфтерю* (1634 г. — Там. кн. Вол. 1634–1635, т. 1, л. 53); *10 зенденей дюменди* (1620 г. — СлРЯХІ–ХVII, вып. 4, с. 400); *Три камки китаиские лаудану* (1676 г. — там же, вып. 8, с. 180); *фараузъ отласъ* (1676 г. — Савв., с. 68) и др. При этом наименования тканей, входящие в состав подобного словосочетания, могут употребляться и как самостоятельные лексические единицы, т. е. единичные наименования и терминованные словосочетания вступают в синонимические отношения, ср.: *Кокошник красного лаудану з золотыми переплеты* (1714 г. — СРНДР, с. 70); *...шуба кунья куфтерю черленою крита* (1503 г. — Скарб. кн. Метр. Лит., л. 14 об.); [*оларь*] *опушенъ камкою бѣлою* (1664 г. — Вкл. кн. Серп. Выс. мон., с. 35) и др.

В составных наименованиях встречаются случаи лексической избыточности, когда наименование ткани дополняется определяющими именами прилагательными, обозначающими признак, заложенный в самом названии ткани, например: *6 косячков объярей шелковых* (1634 г. — Там. кн. Вол. 1634–1635, т. 1, л. 142 об.); *кафтан камчат камка червчата* (1521/22 г. — АРГ 1505–1526, № 1251) и др.

⁶ См.: Генералова Е. В. Особенности функционирования имен прилагательных в обиходном русском языке XVI–XVII вв. // Материалы XXXI Всероссийской науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 3. История русского языка. Русская диалектология. Язык и ментальность. Ч. 1. СПб., 2002. С. 12.

В памятниках деловой письменности XV–XVII вв. большое распространение получили уменьшительные формы имен существительных — наименований тканей, что связано с усилением роли разговорной лексики в деловой речи. Ср: *лѣтникъ камочка ала ношень* (1642/43 г. — Акты моск. мон., л. 68); *Патрахель отласец золотной* (1612 г. — Вкл. кн. Тр.-Серг. мон., л. 776); *тафтицы зеленые пять локотъ* (1505 г. — Скарб. кн. Метр. Лит., л. 11 об.); *Ризы... опушены дорошками полосатыми* (1626 г. — Вкл. кн. Тр.-Серг. мон., л. 772) и др.

В составных наименованиях тканей дополнительные определяющие имена прилагательные, конкретизирующие признак, обычно находятся в постпозиции к определяемому слову или устойчивому словосочетанию, например: *круживо кутня ала* (1619 г. — Корм. кн. Коляз. мон., л. 24); [*покровы*] *подложены киндякомъ краснымъ*, [*покровы*] *обложены камкою луданъ желтой* (1696 г. — Вкл. кн. Серп. Выс. мон., с. 44) и др. Тем не менее как следствие ненормированности языковой системы этот порядок слов нередко нарушается, ср.: *третяя [шуба] штаметомъ сукномъ черленнымъ крыта* (1504 г. — Скарб. кн. Метр. Лит., л. 29 об.); *опушка камка зеленая каѣтеръ, стихаръ камка бѣлая кормазинъ* (1664 г. — Вкл. кн. Серп. Выс. мон., с. 35) и др.

В памятниках деловой письменности XV–XVII вв. в составных наименованиях тканей определяющие имена прилагательные встречаются как в полной, так и в краткой форме. Исключением являются некоторые наименования тканей, для которых характерно использование прилагательных только в полной форме, даже в случае употребления опорного слова в уменьшительной форме, например: *дороги (дорожки)*, ср.: *Тутъ дѣлаютъ дороги кашанские и бархаты и кизылбашские камочки* (1624 г. — СлРЯХI–XVII, вып. 4, с. 323); *Трои дороги ряшские* (1633 г. — СРНДР, с. 37); *ризы... опушены дорошками полосатыми* (1626 г. — Вкл. кн. Тр.-Серг. мон., л. 772); *Ризы отлас золотной... подложен дорожками зелеными гилянскими* (1631 г. — там же, л. 267 об.) и др. Исключительно в полной форме встречается и прилагательное *гарусный* в значении «сделанный из соответствующей ткани», ср.: *Пелена кумачная опушка гарусная* (1624 г. — Сл. перм. XVI–XVIII, вып. 1, с. 138); *девет кичак гарусных* (1641–1642 гг. — Курск. там. кн. 1646–1647, л. 14–15); *нашивка гарусная* (1611 г. — СлРЯХI–XVII, вып. 4, с. 11) и др.

В XV–XVII вв. в тематической группе наименований тканей, отмеченных в памятниках деловой письменности, наряду с развитием

слов, обозначающих вид ткани, наблюдается изменение семантики родовых наименований, как исконно русских по происхождению: *сукно*, *полотно*, *холстъ*, так и некоторых заимствованных, сохранивших общее значение «драгоценная (шелковая) ткань»: *камка*, *бархатъ*, *атласъ*, *тафта*. Сущность семантических изменений данных наименований заключается в изменении объема значения, которое проявляется в конкретизации наименований с помощью различных прилагательных⁷. В многочисленных комплексных наименованиях разновидностей этих тканей, появляющихся в памятниках деловой письменности XV–XVII вв., выделяется несколько групп по ведущему признаку: место производства, качество, назначение, цвет. Наиболее многочисленной для шерстяных тканей является группа наименований, объединенных общим родовым понятием *сукно*: *сукно абинное*, *сукно аглинское/аглица*, *сукно анбарское*, *сукно армячное*, *сукно багрецовое/багрецъ*, *сукно байка*, *сукно бурматное*, *сукно валтухъ*, *сукно глоцкое*, *сукно еренковое/еренокъ*, *сукно кампарское*, *сукно карковое*, *сукно колтрышское*, *сукно кондаковщина*, *сукно кармазин*, *сукно кострыжное/кострыжъ*, *сукно летчина*, *сукно лун(д)ское/лундъишъ*, *сукно махалское*, *сукно монастырское*, *сукно муральское* и др. В подгруппе шелковых привозных тканей такими родовыми наименованиями в период XV–XVII вв. становятся названия *камка* (*адамашка*, *бурская/бурка*, *венецицкая*, *гиръйская*, *двоеличная*, *евская*, *индейская*, *кармазинъ*, *куфтеръ*, *кизылбаишская* и др.), *бархат* (*бурский*, *виницейский*, *турской*, *флоренский*, *гладкий*, *косматый*, *петливатый*, *рытый*, *одноморхий*, *двоеморхий* и др.), *тафта* (*кармазин*, *виницейка*, *китайка*, *бурская*, *виницейская*, *объяринная* и др.). Возникновение многочисленных наименований разновидностей ткани свидетельствовало о том, что основное слово постепенно приобретало значение общего названия определенного типа тканей, становясь родовым понятием.

Таким образом, можно говорить об отличиях в функционировании тематической группы наименований тканей в книжно-письменных текстах и в деловой письменности XI–XVII вв. Для памятников литературно-письменного языка на всем протяжении рассматриваемого периода характерно употребление ограниченного числа наименований, преобладание номинативной лексики, тенденция к преимущественному употреблению родовых названий, отсутствие разговорных

⁷ Носкова З. Я. История наименований тканей в древнерусском языке XI–XIV вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. С. 10.

элементов и регионализмов. Деловая речь, содержащая элементы речи разговорной, является основной сферой функционирования изучаемой тематической группы, и именно ей принадлежит «главная роль в формировании русского бытового словаря, в складывании общерусских лексических средств»⁸. Для наименований тканей, отмеченных в памятниках деловой письменности XI–XVII вв., характерна широкая фонетическая и морфологическая вариативность, одновременное функционирование семантических дублетов; отмечается наличие разговорных элементов и регионализмов. XV–XVII вв. характеризуются тенденцией к увеличению числа видовых названий, а также изменением семантики родовых наименований.

Сокращения

- Акты моск. мон. — Акты московских монастырей и соборов 1509–1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984.
АРГ 1505–1526 — Акты русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997; Т. 7. СПб., 1999.
Вкл. кн. Серп. Выс. мон. — Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря / изд. Л. А. Воронцовой. М., 1898.
Вкл. кн. Тр.-Серг. мон. — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1987.
Вкл. корм. кн. Моск. Сим. мон. — Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря. Копия 1808 г. М., 1808.
ДНД — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
Домостр. — Книга, называемая «Домострой» // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10: XVI в. СПб., 2000.
ИОРЯС, т. 10 — *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка. X–XIV вв. // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. 10. СПб., 1861–1863.
Корм. кн. Коляз. мон. — Кормовая книга Колязина монастыря (1610–1657 гг.). Тверь, 1892.
Курск. там. кн. 1646–1647 — Курская таможенная книга за январь 1646 — декабрь 1647 г. // Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги / под ред. С. И. Коткова. М., 1982.
Мон. прих.-расх. кн. — Монастырские приходо-расходные книги. Вып. 1. Книги Павлова Обнорского и Болдина Дорогобужского монастырей. Л., 1924.
ПЛДР — Памятники литературы древней Руси. XVII в. Кн. 2. М., 1989.

⁸ *Судаков Г. В.* Русская бытовая лексика XVI–XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах. С. 31.

- Пов. врем. лет — Повесть временных лет.
- Пов. о жен. Ив. Гроз. — Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне.
- Савв. — Описание старинных царских утварей, одежд, оружія, ратных доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива Московской оружейной палаты. Съ объяснительнымъ указателемъ Павла Савваитова. СПб., 1865.
- Сб. поуч. — Сборникъ поученій изъ Произведеній Іоанна Златоустаго, Василия Великаго и др.
- СДРЯХІ–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV веков / под ред. Р. И. Аванесова. Т. 1–6. М., 1988–2000.
- Сказ. о расск. жит. — Сказание о раскошномъ житие и веселье.
- Скарб. кн. Метр. Лит. — *Довнар-Запольскій М.* Литовскія упоминки татарскимъ ордамъ. Скарбовья книга метрики Литовской 1502–1509 гг. Симферополь, 1898.
- Сл. перм. XVI–XVIII — Словарь пермскихъ памятниковъ XVI–XVIII вв. / сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1–4. Пермь, 1993–1998.
- СлРЯХІ–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–25. М., 1975–2000.
- Смол. грам. XIII–XIV — Смоленские грамоты XIII — начала XIV в. / под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1. СПб., 2004.
- Срезн. — *Срезневскій И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по памятникамъ XI–XIV веков: в 3 т. СПб., 1893–1903.
- СРНДР — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991.
- Там. кн. Вол. 1634–1635 — Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг.: в 3 т. М., 1983.
- Хожд. Аф. Ник. — «Хождение за три моря» Афанасія Никитина.

А. А. Сандуца

ВЛИЯНИЕ ЖАНРА ДЕЛОВОГО ДОКУМЕНТА XVIII в. НА ЕГО ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ

Аннотация

Статья посвящена исследованию функционирования разговорных и просторечных элементов в памятниках тюменской деловой письменности XVIII века, степени их обусловленности контекстом и жанровой принадлежностью текста.

Ключевые слова: разговорная речь, просторечие, деловая письменность XVIII в.

INFLUENCE OF A GENRE OF BUSINESS TEXTS OF XVIIIth CENTURY TO ITS LEXICS

Summary

Author researches the influence of the colloquial and low colloquial elements to the Tyumen literary business texts of XVIIIth century, the extent to which context and genre of the text influence on the choice of their using frequency.

Key words: informal speech, low informal speech, literary business texts of XVIIIth century.

Вопрос о критериях разграничения книжных и разговорных элементов в текстах XVIII в., несмотря на постоянно увеличивающееся количество работ по исторической лексикологии, до сих пор относится к нерешенным. Исследователи (Г. П. Князькова, М. С. Выхрыстюк)¹ отмечают, что к общим разговорным элементам XVIII в. можно отнести: 1) общерусские слова из бытовой сферы общения (преимущественно названия предметов, бытовых процессов); 2) слова, которые

¹ Князькова Г. П. Русское просторечие второй половины XVIII века. Л., 1974. 253 с.; Выхрыстюк М. С. О языковых критериях книжности и разговорности в исторической русистике // Проблемы истории и филологии. Тобольск, 2001. С. 132.

приобретают бытовой, иногда просторечный характер за счет употребления в переносном значении; 3) эмоционально-оценочные слова с суффиксами субъективной оценки; 4) типичные просторечные словообразовательные модели и аффиксы (типа *-ач-*, *-тяй-*, *-ило-*). К книжным элементам относят: 1) славянизмы; 2) слова, связанные с религией, морально-этическими установлениями; 3) слова с аффиксами отвлеченной семантики (типа *-ость-*, *-ние-*, *-ство-*); 4) заимствованные слова.

Четкому выявлению критериев препятствует несколько коммуникативных барьеров, как собственно языковых, так и экстралингвистических. Первым из них является временной барьер, разделяющий современного читателя-исследователя (и его языковое чутье) и ту ситуацию, которую воспроизводит документ. Для неподготовленного читателя без историко-лингвистического комментария эти тексты остаются «закрытыми» для понимания.

Второй — динамичность процессов, происходящих в языке, в том числе изменчивость в стилистической характеристике слова. Например, слово *жаїдничать* ‘непомерно желать чего-л.’ в «Словаре русского языка XVIII века» (СлРЯXVIII 7, с. 90) дается без каких-либо ограничивающих помет (слово общеупотребительное), при нем есть знак >, обозначающий, что данное слово в XVIII в. только входило в обиход. В настоящее время «Толковый словарь» С. И. Ожегова фиксирует слово в значении ‘проявлять жадность, скупиться’, и при нем стоит помета «разг.» (Сл. Ож., с. 153).

Третьим и достаточно серьезным барьером является личность самого «автора» документа. Что движет «автором» при отборе языковых средств? Обусловлен ли выбор наличием определенного формуляра документа и насколько этот формуляр соотносится с тем или иным жанром документа? Как отражаются в тексте языковой вкус и предпочтения? Насколько легко могут проникать в тексты элементы словотворчества? Ответить на эти вопросы не всегда возможно еще и потому, что в документах нередко «соавторство», когда в составлении документа участвуют «автор-говорящий» и «автор-писец», и это зачастую совершенно разные люди, относящиеся к разным социальным и профессиональным группам, с различным уровнем владения навыком письменной речи.

В данной статье ставится цель проследить обусловленность выбора языковых средств принадлежностью текста к тому или иному жанру деловой письменности XVIII в. Материалом исследования послужили три текста разной жанровой принадлежности, описываю-

щие одну и ту же экстралингвистическую ситуацию (в них рассматривается дело отставного прапорщика Текутьева, который обвиняется в том, что похоронил без церковного отпевания принадлежащую ему крестьянку, девушку Анисью) из сборника «Памятники тюменской деловой письменности. 1762–1796 гг.» (ПТДП).

1. Текст «Сообщение из Тюменского духовного правления о погребении в поскотине слуги отставного прапорщика Текутьева Анисьи» (ПТДП, с. 468–469). Сообщения (сменили в 80-х гг. XVIII в. промемории) как жанр носили достаточно официальный характер и, как отмечает А. П. Майоров², являлись документами уведомительного характера, применяемыми в переписке между равными по административной значимости учреждениями. Исследуемый нами документ подписан копиистом Андреем Богомоловым, который составил его на основании репорта, поданного священником Екатерининской церкви Федором Баженовым. Этот документ мы считаем первичным по отношению к остальным двум, во-первых, по дате составления (20 ноября 1790 г.), во-вторых, поскольку в следующем тексте объяснения дается отсылка к нему: *1790 году ноября 21 дня в Тюменском нижнемъ земскомъ суде по сообщению ис Тюменского духовного правления.*

2. Текст «Объяснение отставного прапорщика Ивана Текутьева о погребении его слуги девки Анисьи в поскотине» (ПТДП, с. 244–247). Объяснения относят к документации судебно-следственных дел, документы этого жанра содержат некие свидетельские показания от первого лица, непосредственного участника событий³. Автор исследуемого текста, скорее всего, сам участник событий — отставной прапорщик Иван Текутьев, однако текст записан с его слов (так как по ходу изложения обозначение самого прапорщика идет в 3-м лице: *ево Текутева, к нему Текутеву*), но указания на составителя-писца в тексте нет.

3. Текст «Допросы о погребении в поскотине крепостной девки прапорщика Текутьева Анисьи и других умерших» (ПТДП, с. 136–139). Допросы — это документы судебно-следственного делопроизводства, связанные с опросом участников какого-либо дела, а также с производством следствия по нему. При опросе требовалось как можно подробнее и точнее зафиксировать показания лиц, проходящих

² Майоров А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006. С. 29.

³ Там же. С. 67.

по тому или иному делу⁴. Исследователи отмечают: «Записывая текст, писец одновременно является и его редактором <...> в результате чего текст документа предстает как пространство поиска составителем формы, адекватной жанровому и языковому стандарту»⁵. Текст допросов является вторичным по отношению к тексту объяснения. Дата написания: *1790 года декабря 3 дня в Тюменскомъ нижнемъ земскомъ суде противъ поданного от отставного прапорщика Ивана Текутьева объяснения*. Исследуемый текст содержит допросные речи следующих людей:

- 1) Аксиньи Михайловой — к тексту «руку приложил мещанин Иван Грушевской» (писчик Липчинского волостного суда);
- 2) дворового Михаила Максимова — к документу «руку приложил отставной канцелярист Егор Милкеев»;
- 3) крестьянина д. Борки Кондратия Карасова — к тексту «руку приложил отставной канцелярист Егор Милкеев»;
- 4) крестьянина Василия Куниловского — «руку приложил отставной канцелярист Егор Милкеев»;
- 5) дворянина Алексея Текутьева — «руку приложил» он же;
- 6) отставного дворянина Семена Текутьева — «руку приложил» он же.

Всю лексику в анализируемых текстах⁶ можно условно разделить на несколько стилистических групп: 1) книжная лексика (сюда можно отнести, помимо общеславянских, церковнославянские лексемы): *священник, покаяние, могила, округ*; 2) канцеляризмы, термины делопроизводства XVIII в. В выявлении данных единиц может помочь «Словарь русского языка XVIII века», в котором даются пометы — *Канц.* (канцелярское), *Приказн.* (приказное), *Дипл.* (дипломатическое), *Юр.* (юридическое): *допрос, земской суд*.

При характеристике отобранных языковых элементов мы ориентировались в первую очередь на данные следующих словарей: 1) «Словарь русского языка XVIII века» (СлРЯXVIII); 2) «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (Сл. Д.); 3) «Словарь

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Трофимова О. В. Пространство поиска смысла и формы (текст рукописного допроса XVIII в.) // Пространство и время в языке, язык в пространстве и времени: Сб. ст. Тюмень, 2005. С. 59.

⁶ К анализу не были привлечены «начальные» и «конечные» формулярные элементы текстов, так как их присутствие и оформление было обусловлено прежде всего жанровой принадлежностью текста, а не его содержанием или субъективным выбором составителя.

русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в.» Л. Г. Панина (Сл. Пан.); 4) «Словарь русских говоров Сибири», сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров (СРГС); 5) «Словарь русских народных говоров», под ред. Ф. П. Филина (СРНГ); 6) «Материалы для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (МСДЯ); 7) этимологические словари М. Фасмера, Н. М. Шанского, П. Я. Черных.

В зависимости от жанра документа в их начале присутствует глагол, называющий специфику речевой деятельности каждого из участников дела. В сообщении священник Федор Баженов через репорт докладывает ('Канц. Предложить какое-л. дело на разрешение высшей власти; изложить материалы дела для членов суда' (СлРЯXVIII 6, с. 199)). В объяснении прапорщик Текутьев объяснением показал, в 1–2 допросах говорящие допрашиваны и показали, в 3–6-м показали (слово используется в современном юридическом значении 'дать показания; ответ на допросе' (Сл. Ож., с. 445)).

В текстах наблюдаем вариативность наименования обвиняемого лица — отставного прапорщика Ивана Текутьева. В сообщении сначала указано полное официальное именование — *отставной прапорщик Иван Текутьев*, затем «неофициальная» синонимическая замена с уточнением *смотря на его Текутьева*, затем, в «канцелярской фразе» *Тюменской нижней земской судъ благословил господину прапорщику Текутьеву подтвердить*, наиболее этикетная форма, и последнее название — *того Текутьева слуги*. Выбор именованья, во-первых, зависит от степени официальности и общего семантического наполнения фразы, во-вторых, используется как текстовый прием. В объяснении ссылка на прапорщика Ивана Текутьева дается в 3-м лице, и всегда в сокращенных формах типа: *его Текутева, у него Текутьева, онъ Текутевъ* и т. д.; полная форма именованья *отставной прапорщик Иван Текутьев* используется дважды — в самом начале документа и в самом конце — в тех частях, где наиболее высока степень формулярности и официальности документа. В допросах крестьян зафиксированы формы *прапорщик Текутьев* или *означенный прапорщик Текутьев*, тогда как в допросах дворянина Алексея Текутьева и дворянина Семена Текутьева использована официальная форма *отставной прапорщик Иван Текутьев*.

Изменяется в текстах и именование умершей девушки. В сообщении она обозначена как *слуга прапорщика Ивана Текутьева* или *его умершая слуга*. В объяснении несколько разных названий: *природная*

слуги девка Анисья Михайлова дочь Ларионова; покойной дворовой ево девки; умершой девки; то мертвое тело; слуги своей девки мертвое тело; умершую и погребенную слугу; того тела; дворовой девки мертвое тело. Явных разговорных элементов в данных именовании нами не выявлено. Слово *девка* имело в то время нейтральное, общепотребительное значение 'Нейтр. Молодая незамужняя крестьянка' (СлРЯXVIII 6, с. 66), причастия *умерший*, *погребенный* имеют оттенок книжности. Сочетание *мертвое тело* дано в «Словаре русского языка XVIII века» как устойчивое общепотребительное словосочетание (СлРЯXVIII 12, с. 141). В допросах также представлены разные виды именовании: *прапорщика Текутьева крепостная девка / а еи Аксинье сестра родная Анисья Михайлова; за темъ умершим теломъ; то мертвое тело; умершее сестры ее тело; умершая господина ево девка Анисья Михайлова; умершей; той умершей; умершая прапорщика Текутьева девка Анисья Михайлова; девка Михайлова*. Стоит отметить, что именно здесь чаще, чем в других текстах, представлено имя собственное (краткое *Анисья* или полное *Анисья Михайлова*), присутствует также субстантивированное причастие *умершая* (в других текстах слово используется именно как причастие), что можно расценить как следствие экономии языковых средств; вероятно, писец хотел избежать постоянных повторов *умершее тело, умершая девка*.

Лексема *померла*, отмеченная в словаре Л. Г. Панина как диалектная (Сл. Пан., с. 115), использована в сообщении и объяснении; в допросах наряду с данным словом (3 раза) используется и слово *умерла* (2 раза), повтор причастия *умершая* дает основание предполагать, что оба глагола воспринимались стилистически равноценными.

При сравнении документов «возник» синонимический ряд *похоронить* 'хоронить, погребать, предавать земле' (Сл. Д. IV, с. 367) // *погрести* 'предавать земле, закапывать, хоронить' (Сл. Д. IV, с. 157) // *зарыть*. Слово *зарыть* (*зарывать*) в исследуемых нами текстах имеет несколько иное значение, чем зафиксированное в «Словаре русского языка XVIII века» и «Толковом словаре» В. И. Даля, — 'закопать в землю, в песок и т. п.' (СлРЯXVIII 8, с. 82), (Сл. Д. I, с. 630). В доступных нам этимологических словарях и в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского такое приставочное образование не отмечено; зафиксировано только *рыть* 'копать, выкапывать из земли' (МСДЯ, с. 211). Словари Л. Г. Панина, А. И. Федорова и «Словарь русского языка XI–XVII вв.» это слово не фиксируют, в тюменских сообщениях и допросах оно использует-

ся в значении ‘похоронить человека’, т. е. к основному значению присоединяется новое. Пример: «*а кемъ то умершее сестры ее тело зарыто в поскотину [выгон для скота] равно и протчие умершие были л в той поскотины зарыты она Аксинья не знаетъ, и в семъ допросе показала суцую правду*». В сообщении слово чередуется с лексемой *погрести* (нет *похоронить*), в допросах — с лексемой *похоронить* (нет *погрести*). Положение в синонимическом ряду слов с аналогичным значением (*похоронить, погрести*) позволяет сделать вывод о просторечном употреблении слова *зарыть*; в обоих случаях контекст не влияет на характер замены. В объяснении, где слово *зарыть* чередуется с *погрести*, отмечаем *зарыть* один раз, и только тогда, когда речь идет о захоронении скота; во всех остальных случаях, когда говорится о захоронении людей, используется *погрести* или отглагольное существительное *погребение*.

В текстах сообщения и объяснения используется только одна лексема для обозначения места, в котором была похоронена девушка, — слово *яръ* ‘глубокий овраг’ (Сл. Пан., с. 174); употребляется оно именно в таком значении, подтверждаемом употреблением словосочетания, указывающего на противоположное значение, — *на ровной земле*. В допросах у него появляется контекстуальный синоним — *поскотина*. Эта лексема во всех толковых словарях дается без особых помет, как общеупотребительная; в словарях говоров слово фиксируется с общим значением ‘отгороженное место для скота’ или ‘изгородь вокруг пастбища’ (Сл. Пан., с. 119). Синонимия поддерживается при сопоставлении заголовка документа и самого текста: *Сообщение из Тюменского духовного правления о погребении в поскотине слуги отставного прапорщика Текутьева Анисьи и померла бес покая/ня которой онъ из той в помянутую деревню Борков/скую привесъ и без всякого позволенія погреб в яръ // в которомъ месте за/рываютъ свалившуюся от заразы скотину*. На фоне этого противопоставления слово *поскотина* приобретает новое значение ‘место, в котором хоронят умерший от болезней скот’ и, как представляется, явный негативный оценочный характер.

Слово *зараза* в допросах не отмечено, в сообщении и объяснении оно используется в словосочетании *свалившийся от заразы скот*. Слово употреблено в его первичном значении ‘заразная болезнь (обычно чума, оспа); эпидемия’ (СлРЯХVIII 8, с. 74) и не имеет стилистических помет.

В объяснении и допросах зафиксированы слова, носящие явный разговорный характер:

захарчатъ — СРГС и СРНГ дают слово в значении ‘захрипеть’ (СРГС, с. 292), которое подтверждают тюменские документы: *вдруг упала на пол и необычно захарчала; в вечерни упала на полъ и необычайно захарчивъ умерла*. В обоих случаях слово употребляется в сочетании с наречием *необычно*, тем самым подчеркивается неожиданность и интенсивность действия;

небытность — в диалектных словарях (Сл. Пан., СРНГ) без каких-либо помет, в «Словаре русского языка XVIII века» слово приводится со значением ‘отсутствие; пребывание в другом месте’ (СлРЯXVIII, вып. 14). В тюменских допросах слово зафиксировано три раза в этом же значении: *похоронена при / той деревне Боркахъ в небытность священника без отъпетия; в небытности его / в доме*. Кроме того, слово отмечено в пяти других тюменских документах XVIII в. Данные словарей приводят к выводу о том, что слово со временем из разряда диалектных перешло в разряд общеупотребительных, а затем утратилось.

К новообразованиям в текстах выбранных деловых документов можно отнести такие слова, как *отпетие, умертвие*. Об их отнесенности к словам книжным можно судить по характерным для книжной речи суффиксам отглагольных существительных -ниј-, -ј-. Они имеют современный общеупотребительный синоним *отпетие // отпевание; умертвие // умертвление*.

В тексте объяснения зафиксировано слово *церковночиноположение* (не отмеченное в «Полном церковно-славянском словаре»⁷), которое многократно заменяет словосочетание *церковное чиноположение*. Проникновение новообразований в деловые документы XVIII в. свидетельствует о достаточно «открытом» характере данных текстов и о постоянно возникающей ситуации языкового выбора и поиска нового «удобного» слова.

Как видно из проанализированного материала, исследованные тексты разных жанров неравноценны по лексико-стилистическому составу. Так, в сообщении наибольшее количество слов церковнославянской принадлежности, слов высокого книжного стиля и общеупотребительных, что проявляется и на словообразовательном (наличие суффиксов -ниј-, -ениј- и др.), и на грамматическом (наличие причастий и отглагольных существительных) уровнях, и мало разговорных слов. Объяснение и особенно допросы содержат достаточно мно-

⁷ Полный церковно-славянский словарь: с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений / сост. протоиерей Григорий Дьяченко. М., 2005. 1120 с.

го следов живой устной речи, что такой «закрытой» сфере, как деловая письменность, на современном этапе ее языка не свойственно. В XVIII в. подобное явление было вполне естественным. Так, А. П. Майоров пишет, что в результате интенсивного в последнее время изучения памятников делового письма XVIII в. уже стало очевидным, что такие документы, как челобитные, прошения, рапорты, приходо-расходные книги, отражают разговорную речь именно в области лексики⁸. Наличие элементов устной речи в таких жанрах, как допросы, очные ставки, объяснения, отражает их особую открытость.

Сокращения

- МСДЯ — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. III: Л-П. М., 1958. 1684 + 272 стлб.
- ПТДП — *Трофимова О. В.* Тюменская деловая письменность: 1762–1796 гг. Кн. 2. Памятники тюменской деловой письменности: из фондов государственного архива Тюменской области. Тюмень, 2002. 828 с.
- Сл. Д. I — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А-З. М., 1989. 699 с.
- Сл. Д. IV — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Р-Я. М., 1991. 683 с.
- Сл. Ож. — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: ок. 57 000 слов. 20-е изд., стереотип. М., 1989. 749 с.
- Сл. Пан. — *Панин П. Г.* Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991. 181 с.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири / сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Т. 1. Ч. 2. Новосибирск, 1999. 292 с.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 11. Зароситься — Зубренка. Л., 1976. 363 с.
- СлРЯXVIII 6 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Грызться — Древный. Л., 1991. 256 с.
- СлРЯXVIII 7 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. Древо — Залезь. СПб., 1992. 256 с.
- СлРЯXVIII 8 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8. Залезть — Ижоры. СПб., 1995. 256 с.
- СлРЯXVIII 12 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 12. Льстец — Молвотворство. СПб., 2001. 256 с.
- СлРЯXVIII 14 — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 14. Напролет — Непоцелование. СПб., 2004.

⁸ *Майоров А. П.* Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. С. 45.

А. В. Косивцова

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПОЛЬЗА»
В ПИСЬМАХ Н. А. ДЕМИДОВА**

Аннотация

Антропоцентрический подход к исследованию деловых текстов XVIII в. играет важную роль при реконструкции образа исторической языковой личности. Лексический уровень языка позволяет наиболее адекватно представить индивидуальные языковые предпочтения говорящего. Работа выполнена на материале эпистолярных текстов 1774–1777 гг. уральского заводовладельца Никиты Акинфиевича Демидова, предоставленных в наше распоряжение Демидовским институтом (г. Екатеринбург).

Ключевые слова: деловая письменность XVIII в., текст, эпистолярный стиль, лексикология.

**THE FUNCTIONING OF WORDS LEXICAL AND SEMANTICAL GROUP
«PROFIT» IN LETTERS OF N. A. DEMIDOV**

Summary

The anthropocentric approach to research of business texts of XVIIIth century is very important for reconstruction of image of historical language person. The lexical level of language allows introducing the most adequately individual language preferences of a speaker. The article is written on the material of epistolary texts of 1774–1777 years by Ural industrialist Nikita Akinfievich Demidov, given to us by Demidov institute (t. Ekaterinburg).

Key words: business texts of XVIIIth century, text, epistolary text, lexicology.

Исследование когнитивного уровня языковой личности через анализ ключевых (значимых) лексических единиц позволяет раскрыть отдельные черты характера носителя языка, его ценностные

представления о мире. Цель статьи — проследить употребление слов лексико-семантической группы «польза, выгода» и их сочетаемость в контексте частно-деловой переписки Н. А. Демидова. Объект исследования — лексико-семантическая группа (ЛСГ) со значением ‘польза, выгода для кого-, чего-нибудь’, представленная в материале исследования лексемами *польза, выгода, интерес, прибыль, доход*. Выбор объекта обусловлен рядом экстралингвистических факторов: значимостью личности Н. А. Демидова в истории России, характером коммуникативной ситуации, целеустановками говорящего, характером адресанта и адресата, спецификой их сферы деятельности, предполагающей тематическое наполнение писем. Материалом исследования послужили частно-деловые письма заводовладельца Никиты Акинфиевича Демидова, адресованные из Москвы или Санкт-Петербурга Нижнетагильской и Петербургской заводским конторам 1774–1777 гг., а также приказчику Григорию Белому «с товарищи», хранящиеся в Демидовском институте в Екатеринбурге. Из 193 рассмотренных нами писем в 51 письме зафиксировано употребление слов, входящих в ЛСГ «польза».

Никита Акинфиевич Демидов (1724–1787) — первый владелец Нижнетагильского горнозаводского округа. Любимец отца, он неотлучно находился при нем, живя в Невьянском заводе, и с детства приучил себя обстоятельно вникать в заводское дело. В итоге из него получился весьма предприимчивый и удачливый горнозаводчик. Получив нижнетагильскую часть наследства, в которую входило шесть уральских заводов (прочие достались его братьям — Прокофию и Григорию), Никита Акинфиевич сумел значительно приумножить доставшееся ему состояние. В частности, он построил три новых завода (Нижнесалдинский, Висимо-Уткинский, Верхнесалдинский)¹.

Анализируемые письма носят частно-деловой характер: они содержат разного рода сведения и распоряжения Н. А. Демидова (являющиеся ценным источником по истории горного дела в России и, в частности, Нижнетагильских заводов, второй половины XVIII в.), представленные «сквозь призму» ярко выраженного субъективного начала индивидуальной воли адресанта. Тематика писем обусловлена, во-первых, решением таких производственных вопросов, как изготовление разных сортов железа и выгодная его продажа, выплата денег по векселям, отвод лесов к Салдинским заводам, постройка

¹ Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова. Екатеринбург, 2005. С. 3–4.

нового доменного и молотового заводов; во-вторых, решением «кадровых» вопросов, связанных с обучением и содержанием детей слугителей, а также с прибавкой семейным слугителям жалованья.

Прецедентным исследованием репрезентации концепта «польза» в письменных текстах адресанта, выполняющего государственные функции, является диссертация Н. А. Бурмакиной, изучавшей сочинения енисейского губернатора А. П. Степанова (1781–1837)². В структуре суперфрейма «Польза» были выявлены следующие слоты: 1. Идеально выраженная польза; 2. Материально выраженная польза; 3. Польза как прибыль; 4. Польза как прок, смысл³. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» слово *польза* зафиксировано в трех значениях: '1. Польза, благо; положительный результат, успех <...> // То, что имеет пользу для души; душеполезное; 2. (Материальная) выгода; интересы; 3. Расположение'⁴. В словаре В. И. Даля *польза* имеет значение 'льгота, облегчение; помощь, прок, подспорье, улучшение; выгода, прибыль, барыш, нажива'⁵. В «Словаре русских говоров Среднего Урала» употребляются слова *польга*, *пользя* в значении 'польза'⁶. Отсутствие диалектных форм выражения анализируемого значения в рассматриваемых письмах может свидетельствовать о литературном характере языка писем Н. А. Демидова. В современном русском языке сохраняются 1-е и 2-е значения слова, отмеченные в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», причем 2-е детализируется: 1) 'интересы, нужды кого-, чего-либо'; 2) 'материальные блага, выгода для кого-, чего-либо'⁷. В анализируемых демидовских письмах реализуются значения 'польза, благо; положительный результат, успех' и 'материальная выгода, интересы'. Приведем примеры⁸: 1) «*и́буде ничемъ не́отзовѣтца в́ такомъ случаѣ по́ево советамъ: ежели оныѣ точно *служить могутъ ќ моей ползе*: исполнять...»»; 2) «*пóразмот-**

² Бурмакина Н. А. Лингвокогнитивный и прагматический уровни языковой личности А. П. Степанова: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2007.

³ Там же. С. 98.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 284.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: в 4 т. Т. III. М., 2001. С. 444.

⁶ Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. IV. Перевернуть — Присталь. Свердловск, 1983. С. 87.

⁷ Словарь современного русского литературного языка. Т. 10. По — Поясочек. М.; Л., 1960. С. 1138–1139.

⁸ При цитировании фрагментов писем используется современная графика, сохраняется написание ъ, ь, ѣ. Слитное написание предлогов, союзов, частиц со знаменательными словами передается посредством апострофа.

ренийжъ мною, иисчислении Фокинского конского заводу оказалось, что отъ него мне вместо *пользы* напрасной убытокъ происходить...». Здесь пользе как материальной выгоде противопоставлен убыток.

В зависимости от того, чьи интересы отражаются в письмах, можно дифференцировать: 1. личную пользу; 2. пользу для заводского производства; 3. пользу для служащих; 4. общественную пользу.

1. Личная польза непосредственно отражает интересы заводладельца; ее выражением является притяжательное местоимение *мой* в препозиции и постпозиции (реже), например: «что иостається натамошнемъ попечении ираспоряжении в неупущение *моей пользы*»; «ивсе чтоб из того *дóпользы* *моей* никасалось возложено ивозлагаю наоную Нижнотагилскую кантору».

2. Польза на благо заводского производства предполагает единство интересов хозяина заводов и подчиненных ему контор. Так, в письме от 23 февраля 1777 г. в Петербургскую домовую контору речь идет о поставке железа в Петербургское адмиралтейство и в Архангелогородский порт. Н. А. Демидов употребляет форму мн. ч. притяжательного местоимения *наш*, имея в виду пользу свою и Петербургской домовой конторы: «óсем сколь можно старатца чтобъ прежние справки слѣдующия к *нашей пользе* нѣбыли пропущены, нóточно объяснены...». По отношению к вышестоящим инстанциям — Адмиралтейской коллегии и Берг коллегии — субъектам волеизъявления («Адмиралтейская коллегия *требовала* отъ насъ поставокъ в томъ числе недоставленнаго желѣза...», «инапрозбу нашу Бергъ коллегия присланнымъ кóмне августа отъ 31-го ч<исла> прошлаго 1776-го году указомъ *предписала*...»), Н. А. Демидов и Петербургская контора являются объектами волеисполнения. Под *нашей пользой* Никита Акинфиевич, вероятно, подразумевает также интересы определенных лиц, например своих племянников: «чтобъ обще с племянниками Александръ иПетромъ Григорьевичами посенату в *нашу пользу* стараниемъ упущено нѣбыло».

3. Польза для конкретных людей предполагает учет Н. А. Демидовым интересов своих служащих. Она выражается сочетанием лексемы *польза* с личными местоимениями 3-го лица, притяжательными местоимениями *свой*: 1) «причемъ лекарские ученики содержатся намоемъ коште адля лутчей вóвсемъ томъ практики нарочно обученъ здесь иаптекаарскому искусству Потапъ Беловъ, зáuчение коего единствѣнно *для ихъ пользы* заплатить я нѣжалелъ дáйпосудую снабдить приказаль, для чего имъ *свою пользу* пренебрегать, ипочти óпустомъ хлопотать кажется нѣдолжно»; 2) «аотъ меня в расходъ ихъ

записывать не признаю за надлежащее дело, потому что оной расход последовал вообщею всех их пользу»; 3) «ив сходность оного Петербургской моей канторе старатца приказано дабы тот репорт в пользу ево <о>с<но>дина Скоробогатова был апробован». В первом примере Н. А. Демидов как хозяин проявляет материально выраженную заботу по отношению к лекарским ученикам. Польза для служащих составляет приобретение для хозяина, который прежде всего ценит в своих рабочих людях мастерство и знание.

4. Предметом общественной (казенной) пользы являются деньги, закон. Данный вид пользы реализуется при помощи прилагательных *казенная, общественная*: «авместо оных наотправление каравана принять в Фокине, потому что в Фокине к тому времени <е>н<е>гь наберется тысячь допятнатцети, чрезь что *иказенная полза* будеть...»; «дабы, оной канторы оть правящих могь видеть прямой плод иничегоб бьспутно ибъз востановленных препорцей никемь употребляемо небыло, каковой законь *для общественной пользы* нужно сохраненъ быть долженъ...». Соединительный союз *и* в первом примере указывает на то, что к пользе Н. А. Демидова прибавляется польза казенная, т. е. для заводчика на первом месте остаются собственные интересы.

В письмах Демидова представлены такие однокоренные слова, как *полезный, полезность* ('свойство, качество'), *пользовать, пользование, выпользовать* ('лечить'), *воспользовать* ('употребить'), например: «Я довольно уверьнъ опрежнѣмъ вашѣмъ неоставлении прикащиковъ моихъ разбирательствомъ ихъ раздорчивости, *ипользными* вашими в заводскихъ моихъ делахъ *совѣтами*»; «чтобъ для меня весьма часовъ ево нужнѣ было икакъ оной ест ли засию *полезную машинку* приметца то ему учинить испоможение...»; «обтаковыхъ молотахъ иприказаль я зделать толко пробу с`темъ ест ли небудуть способны то иоставить сию *мнимую полезность*»; «Что лѣкарские ученики Потапъ Бѣловъ и Афанасей Анединъ заводскихъ моихъ людей какъ из`репорта ихъ видно *ползуютъ* то изрядно иполучасие объявить имъ чтобъ они ивпредь отом старались»; «Когда же исие, в`таковыхъ скоту подобныхъ головахъ, кобращению ч<е>л<о>в<е>ческихъ чувствъ, *невосползуетъ*, таковыхъ нимало нечадя отдавать в рекруты».

Прилагательное *полезный* употребляется также в сравнительной степени, в краткой форме, в предложении выполняет функцию определения (чаще) и сказуемого: «особливо в`закаливании ирастaplивании стали зделать апробацию небудет ли в`самомъ деле оная

закалка *полезна*, и́что окажетца ко́мне отрепортовать»; «Итакъ получа сие оной канторѣ приказываю, соображая вышеписанное взять предварительные меры извѣдавъ что *полезнея быть можетъ*»; «идабы они к`детямъ своимъ писали чтоб они и́впредь входя в`дела отцовъ своихъ были к`деламъ моимъ *полезными* а́ближе для себя, верными и́способными находились».

Анализ синтагматических связей слова *польза* позволил выявить в письмах глагольные сочетания *сохранять пользу, приложить усердие для пользы, послужить в пользу, получить пользу, неупущение пользы, лишаться пользы*: 1) «чтобъ во́всехъ частяхъ заводскаго производства *сохраняема была моя полза* без`отягощения людей»; 2) «и́чтоб мои жители всехъ заводов к сохранению себя от`злодейскаго ихъ нападения *приложили единодушное усердие, нѣдля единой моей ползы* ноболше охраняя от`точного погубления себя з`женами и́детми и́имениями своими» [речь идет о «злодейской толпе» под руководством Е. Пугачева. — А. К.]; 3) «а́прислучае нѣтолько мне ноб́для ихъ самихъ и́детей ихъ то *знание в`пользу послужить*»; 4) «и́впредь в`таковые молотовые смотрители определять из`старших мастеровъ совершенно то дело знающих о́которых я болѣе надеюсь *получить пользы* нежели от`незнающихъ молодыхъ рябятъ»; 5) «но́здесь того знать невозможно что и́остаеца натамошнемъ попечении и́распряжении в`*неупущение моей ползы*»; 6) «и́хотя в`отметке нাপовеление мое оная кантора о́немъ Терехове и́обясняетъ что онъ ничего *полезного нѣзделалъ* однако сомнительно мне нѣзамешанолъ тутъ какой междуусобной прикащицей страсти темъ болше что Ипатъ Конановъ там`же былъ и́знание ево мне рекомендовалъ а́другие опровергая то бывши тамъ ево притесняли, из`того и́вышла одна ихъ междуусобная ссора а́я чрезъ то принужденъ *лишатца желаемой* от`знания людскова *пользы*. Судя по контекстам, о *пользе* только как об исчисляемом материальном достатке можно говорить в случаях типа 1, 2. Указанное значение «поддерживается» здесь словами *отягощение, имения* (т. е. имущество). Употребление в ближайшем контексте слова *знание (знающих дело)* позволяет, вероятно, обнаружить значение, присутствующее в устойчивом сочетании *польза для дела* «хороший результат, благоприятные последствия для кого-, чего-л.»⁹, которое в анализируемом материале нами не обнаружено.

Интересно сопоставить выявленную сочетаемость с контекстами в письмах других Демидовых. Так, в письмах к приказчикам Никиты

⁹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. С. 277.

Никитича Демидова, брата Н. А. Демидова, отражается польза на благо производства. Слово *польза* употребляется в сочетании с прилагательным *лучшая, заводская*: «шгобъ они къ *лутчеи ползе* чинили и старалис бы къ выго^{де} делать...», «ибо куплень [хлеб. — А. К.] для *ползы жъ заводской*» (здесь польза в значении ‘развитие’), а также образует ряд однородных членов предложения: «и однимъ словомъ в томъ вместо лишнихъ дров с приписными менятца в чемъ боля необходимая нужда и *выгода* в цене = есть с *лутчею ползою и дешевизною* <...> што к *лутчеи прибыли дешевизне пользе и выгоде* такъ и чинить»¹⁰.

В письмах племянника Н. А. Демидова, Петра Григорьевича, путешествовавшего вместе с братьями Павлом и Александром по Европе, пользой становятся получаемые ими знания. Он пишет о своем пребывании в Париже: «Мы от бытия в Париже *мало ползы* имели, ибо в никаких компаниях почти с учеными людьми не находились, выключая толко одного раза, с професором Делиль <...> Что же о езде в Англию касается, то уповаем от оной *более иметь ползы*, как во Франци»¹¹ (здесь под пользой понимается ‘прок, ожидаемый результат’). Для него также важно благополучие родителей. Так, в письме к батюшке Григорию Акинфиевичу и матушке Анастасии Павловне от 2 июня 1758 г. Петр Демидов проявляет заботу по отношению к ним: «Мы не упустили поговорить и просить Федора Ивановича Чернева о перемене нашего гофмейстера, котораго мы весьма *для собственной вашей ползы и прибыли* желаем»¹². Сопоставление употребления ЛСГ «польза» в письмах Н. А. Демидова, Н. Н. Демидова и П. Г. Демидова показывает, что для Никиты Акинфиевича ценностью является частная польза, для Никиты Никитича — заводская польза, для Петра Григорьевича важны родительские и собственные интересы.

Сопоставительный анализ показал, что в тюменских, забайкальских и южноуральских деловых текстах второй половины XVIII в., относящихся к докладной или уведомительной (промемория, известие), распорядительной (указ) документации, документации судебно-

¹⁰ Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. I. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII века / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. Челябинск, 2000. С. 56, 69, 108, 66.

¹¹ Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. II. 2-е изд. Екатеринбург, 2008. С. 421–422.

¹² Там же. С. 420.

следственных дел (объяснение)¹³, *польза* в большинстве случаев представлена как общественная, направленная на благо общества, государства, например: «а протчие припасы какъ есть в томъ *общая гражданская полза* <...> зделать положено в самоскорейшемъ времени тюменскому купечеству и мещанам»¹⁴ (1778 г.); «и прежде раза два посылалъ в ту роццу для топленія въ экспедиціи печи к *пользе общественнои*»¹⁵ (1793 г.); «что јмянно ј какое *ползѣ Ея JB интереса* приращенія исполненія уяснено»¹⁶ (1764 г.); «какъ для личнаго приобрѣтенія каждаго дѣши, такъ и *для ползы госидарственной* старатся приводить...»¹⁷ (1783 г.). В тюменских документах нами зафиксирован единичный случай употребления слова *польза* со значением 'личная материальная польза' в копии с контракта от 11 января 1796 г.: «и *откупу* моему подрыву не делать *под опасениемъ* со усмотренного мною въ даче другимъ възысканія за каждой пудъ в *ползу мою* по десяти копеекъ»¹⁸.

Анализ синтагматических отношений лексемы *польза* в письмах Н. А. Демидова позволяет сделать вывод о доминировании в его производственной деятельности собственных интересов. Интересы конкретных служащих для заводовладельца важны постольку, поскольку они отражают его интересы.

¹³ См. классификацию жанров деловой письменности: Трофимова О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века (на материале тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.): автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2002. 42 с.; Майорова А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006. С. 28.

¹⁴ Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг. Кн. 2. Памятники тюменской деловой письменности: из фондов Государственного архива Тюменской области. Тюмень, 2002. С. 379.

¹⁵ Документы Тюменского нижнего земского суда (1782–1796): в 2 кн. / автор-сост. О. И. Голованова; под общ. ред. О. В. Трофимовой. Кн. первая. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области. Тексты. Тюмень, 2008. С. 163.

¹⁶ Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / под ред. А. П. Майорова; сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005. С. 55.

¹⁷ Челябинская старина: Документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII века, содержащие сведения о старообрядцах Челябинской округи / сост. Е. Н. Сухина (Воронкова). Ч. 4. Челябинск, 2005. С. 60.

¹⁸ Трофимова О. В. Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг. Кн. 2. Памятники тюменской деловой письменности: из фондов Государственного архива Тюменской области. С. 179.

Синонимичными лексеме *польза* словами являются *выгода*, *интерес*. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» слово *выгода* имеет три значения: ‘1. Положительный результат, благоприятные последствия чего-л.; польза <...> 2. Преимущество, превосходство <...> 3. Приспособленность к удобному использованию; удобство’¹⁹. В письмах Н. А. Демидова это слово употребляется в первых двух значениях, приведем примеры: 1) «йкакая имянно от`постройки того завода *выгода* мне быть может полагаая в`то число йпровозъ с`Тагила чугуна чему всему зделать короткую но ясную меморию», 2) «что те названные г<o>с<u>д<a>ръственными крестьяне находятся приодъныхъ заводскихъ работахъ ймастерствахъ, неимея таковыхъ *выгодъ* какими доволствуются приписные крестьяне в`чемъ йпомогать обнадеживаютъ». Производными единицами данного слова являются *выгодность* (‘1. Качество, свойство выгодного. 2. Выгода, польза, преимущество’²⁰), *выгодный*, например: «каковы в`то время йзаводчику получить сходны были когда всякое заводское производство приразныхъ *выгодностяхъ* противъ н<ы>нѣшняго гораздо дешевле обходилось»; «апритомъ второе то, что йлюдей понадобится гораздо менѣе то есть одинъ человекъ можетъ исправлять потому правилу какъ собственно для своей *выгодности* задвоихъ»; «акакъ полоснова ординарнова железа ўменя будетъ мѣнѣе, то йцену держать ему можно *выгодную*»; «для чего оной канторе зделать свое примечание что из`онаго *выгоднѣе* домнўль перѣвестъ нановое мѣсто <...> или перенестъ куда несколько молотовъ илижъ изъ отъдаленности возить на Нижней Тагилъ уголь».

Слово *интерес* в значении ‘польза, выгода’²¹ сочетается с притяжательным местоимением *мой*, личным местоимением 3-го лица мн. ч. Проиллюстрируем эти сочетания: «к`свѣдению моему дошло что гордыя ленивыя и замашистыя поступки прикащика Ефтифѣя Матвѣева составляютъ вред *моимъ интересамъ*»; «к`чему с`такowymъ расположениемъ йплаты возстановлены дабы заводские жители никакой тягости нечувствовали, айсправлялиб все поихъ собственному желанию чтоб *ихъ интересъ* связанность имелъ с`моимъ». В последнем примере Н. А. Демидов проявляет заботу по отношению к жителям заводов, поскольку заводчик понимает, что от их благополучия зависит успех его дела. Прилагательное *интересный* сочетается только

¹⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. Л., 1988. С. 206.

²⁰ Там же.

²¹ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. Из — Каста. СПб., 1997. С. 103.

со словом дело, например: «а́что принадле́житъ дѡ Антонова ѡ Логинова то ихъ за́извѣстными здѣсь непорядочными ѡ пьянственными прѡотправлѣнни бывшаго с`ними каравана поступками какъ тамо къ`интереснымъ деламъ неопределять»; «автораго Самойлова за́приписку в`расходѣ дватцати рублевъ сверхъ учиненнаго ему наказанія, держанія в`цепи дву недель, впредѣ къ`интереснымъ деламъ неопределять». Под словосочетанием *интересные дела*, вероятно, следует понимать дела, которые имеют отношение к деньгам и которые можно доверить только ответственным работным людям.

Контекстуальными синонимами ЛСГ «польза» являются слова *успех, доход, прибыль*. Приведем примеры: «а́что катальная фабрика построена ѡдействуетъ съ`успехомъ ѡ печкою сталь калитца недурно то изрядно»; «ѡбо я никогда нежелателенъ умножать *мои доходы* от`прискорбнаго жителямъ утесненія, но́от`благословенія божія»; «я́же уповалъ всемъ вамъ доказать человеколюбивую благодарность но́отнюдъ не́ползоватца сею малостью дѣля какой либо *возгривой прибыли*». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово *возгривый* имеет значение «не утирающий себе носа»²², в «Словаре русских народных говоров» данное слово зафиксировано в двух значениях: «1. Сопливый. 2. Неопрятный, нечистоплотный»²³. В данном контексте *возгривый* употребляется, вероятно, в переносном значении «незначительный, небольшой», что позволяет рассматривать его в качестве индивидуально-авторского образования.

Данные лексические единицы могут образовывать в тексте антонимические пары: «По́повѣленію моему ѡ`прибыли ѡ`убыли прѡзаводахъ моихъ людей были присыланы годовые вѣдомости...»; «ѡ́что по́натуралности полезнѣе найдетца ѡ́томъ съ`яснымъ показаніемъ *выгодъ ѡ`убытковъ* ка <ж> дого из`оныхъ разположеніевъ прислать ко мне свое мненіе с`чертежами растоянню ѡ`пом <е>стамъ высоту ѡ`силу падежей водяныхъ».

Таким образом, исследование ЛСГ со значением «польза, выгода» и ее производных позволяет характеризовать Н. А. Демидова как хозяина заводов, для которого на первом месте стоят личные интересы, желание решить тот или иной производственный вопрос с наибольшей, в том числе материальной, выгодой, пользой для себя.

²² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 2001. С. 383.

²³ Словарь русских народных говоров. Вып. 5. Военство — Выростковий. Л., 1970. С. 19–20.

Я. Ю. Коваленко

ЛЕКСИКА «АКТОВ ИВЕРСКОГО СВЯТООЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ» (1582–1706 гг.): ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые элементы лексического состава деловых документов Иверского монастыря на Валдае, отражающие процесс образования единого национального русского языка в XVII в.; исследуется взаимодействие литературного языка с русскими народными говорами и другими славянскими языками.

Ключевые слова: региональная деловая письменность, историография, лексический состав, семантика.

LEXICON OF THE «CERTIFICATES OF IVERSKY SVYATOOZERSKY MONASTERY» (1582-1706) AS A REFLECTION OF THE PROCESS OF ADOPTING A UNIFORM RUSSIAN NATIONAL LANGUAGE

Summary

The article gives the view of the lexicon of business documents of Iversky Svyatoozersky Monastery in Valdai as an example of the swift formation process of the uniform national Russian language in XVIIth century. Interaction and interrelation of the literary language with Russian national dialects and other Slavic languages is investigated in this article as well.

Key words: regional business writing, historiography, vocabulary, semantics.

Период с конца XVI по начало XVIII в. был особым в истории России. Это период образования и становления единого русского национального языка. Как писал Б. А. Ларин, «в это время шел интенсивный процесс централизации Московского государства, и роль приказного делопроизводства, которое обслуживало все сферы

социально-экономической жизни России этого периода, была особенно важной»¹.

В XVII в. усиливаются экономические и политические связи России с Западной Европой. Увеличивается количество иностранцев, посещающих Москву и другие города. В России начинают ближе знакомиться с западноевропейскими обычаями и просвещением. Особо важным был факт присоединения Украины к России в 50-х гг. XVII в., ведь благодаря этому получили распространение церковнославянские книги, издаваемые там в значительном количестве. Именно в этот период «приказный деловой язык становится центром системы формирующегося нового национального литературного языка»², так как «он отражал и закреплял в письменности явления, которые создавались и развивались в устах его носителей»³.

«Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706)» представляют собой различные по характеру деловые документы XVII–начала XVIII в., касающиеся строительства знаменитого Иверского монастыря на Валдае, и являются материальным свидетельством процессов, происходящих в то время в русском языке. Они дают богатый материал для исследования взаимодействия различных форм национального языка: литературного, просторечия и диалектов.

В 1652 г. патриарх Никон, с одобрения царя Алексея Михайловича, начал строительство большого монастыря на Валдайском озере по образцу Иверского монастыря на Афоне в Греции. Этим Никон желал осуществить преемственность Россией византийского наследия. На строительство из государственной казны были выделены огромные средства, было послано большое количество самых искусных мастеров из разных губерний.

Через два года из-за притеснений со стороны католиков-униатов в строящийся Иверский монастырь полностью переселилась братия белорусского Кутеинского монастыря на Орше. Среди монахов были выходцы из Белоруссии, Украины и Литвы. Вот что писал в своем дневнике посетивший Иверский монастырь в 1665 г. голландец Николаас Витсен: «Среди монахов здесь только двое русских, остальные все перекрещенные: белорусы, поляки, литовцы, татары и немцы...

¹ Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 25.

² Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 43.

³ Соколова М. А. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957. С. 4.

Здесь я даже встретил одного перекрещенного силезца»⁴. Монахи привезли с собой свою типографию, что было новшеством для России, так как до этого в стране существовала только одна типография — Государев печатный двор в Москве. Патриарх Никон считал причиной многих проблем в современной ему церковной жизни недостаток грамотности духовенства и прихожан, отсутствие духовного просвещения... И за первые 8 лет белорусскими монахами было напечатано несколько церковных произведений. Кроме искусных мастеров-печатников в окрестности монастыря переселились жители белорусских городов Мстиславля и Копыся — мест, которые издавна славились производством кафеля, т. е. изразцов. Тогда же в монастыре была организована лучшая в стране изразцовая мастерская, ставшая поставщиком царского двора. Спустя 10 лет на Большом Церковном Соборе 1666–1667 гг. Никон был осужден, лишен сана патриарха и сослан в Ферапонтово, но созданный им Иверский монастырь еще долгое время оставался одним из центров духовного просвещения страны и местом, где зарождались и развивались ремесла.

Первые грамоты в «Актах» относятся ко времени правления царей Ивана Грозного и Федора Иоанновича, но число их незначительно. Основные документы, составляющие этот памятник, датируются серединой XVII в. — 1653–1666 гг. Это был так называемый патриарший период существования монастыря. И именно на этот период приходится появление в монастырских деловых документах большого числа диалектных слов, заимствованной южнославянской и иностранной лексики, неологизмов. Причем специфика данного памятника письменности заключается в том, что наряду с общерусской лексикой в нем обнаруживаются уникальные случаи употребления отдельных слов, своеобразие их значений и фиксацию можно проследить только в этом памятнике.

Например, в «Актах», в указанный период, можно найти много украинских и белорусских по происхождению слов, так как именно с Украины и Белоруссии, как уже упоминалось, приехало много мастеров на строительство Иверского монастыря. *«А хлопца Антошку, поговоря мы межъ себя съ отцемъ Максимомъ и отцемъ Деогеномъ, изъ Горжску отпустили на волю, потому что во всемъ его познали, что онъ плутъ, и въ дорогъ бѣ иные пакости не учинилъ, а дали ему платья: курту суконную лазоревую, да жупанъ сер-*

⁴ Извлечение из дневника Николааса Витсена «Путешествие в Московию». 1664–1665. СПб., 1996. С. 195–198.

мяжной бѣлой» (А. Ивер. м., с. 408, 1662 г.). Украинско-белорусское слово «**хлопец**» заимствовано из польского chłopiec ‘мальчик’ (Фасмер, т. 4, с. 245). Слово «**курта**» или «**куртка**» заимствовано через польское kurta, kurtra из латинского curtus ‘короткий’ (Фасмер, т. 2, с. 429). Слово «**жупан**» ‘короткий теплый верхний кафтан; теплая верхняя одежда, шуба, тулуп’ пришло в украинский и белорусский языки из чешского župan ‘халат’ и польск. żupan ‘род сюртука’ (Фасмер, т. 2, с. 66).

Или же другой пример присутствия украинско-белорусской лексики в «Иверских актах» — цитата из письма священника-белоруса, служившего в одной из церквей, приписанных к Иверскому монастырю (это письмо сохранилось среди монастырских деловых документов): *«Прошу васъ [архимандрита Антония и братию], сыны мое милая, не забивайте меня старага [Мелентия Богдановского], и на пана Степана [стряпчего] буте особливе ласкави; а панъ Степанъ устнѣ вамъ покаже о всемъ. А за тимъ самаго себе ласкамъ вашимъ одаю. Значи мѣсяца ноебря 27 дна, року 1694»* (А. Ивер. м., с. 947, 1694 г.). Лексема «**пан**» ‘господин’ — западнославянское слово, занесенное благодаря староверам далеко на север России (Фасмер, т. 3, с. 195). Старославянская форма «**ласкати**», «**ласка**» в значении ‘милость, благоденствие; быть милостивым, благосклонным, снисходительным’ широко использовалась в украинском и белорусском наречиях так же, как и в польском языке łaskati, łaskawy ‘милость’, но на основной русской территории она не была употребительна, хотя и понятна (Фасмер, т. 2, с. 461; СлРЯХІ–ХVII, вып. 8, с. 173–174). Лексема «**рок**» в значении ‘год, срок’ использовалась только в языке Юго-Западной Руси (украинская форма «**рік**», белорусская форма «**рок**» (Фасмер, т. 3, с. 497)).

Много в «Актах» заимствованных слов из западноевропейских языков. Особо любопытной оказалась история слов «**камин**» и «**орация**». Этимологический словарь М. Фасмера отмечает первую фиксацию в русском языке этих заимствованных слов с эпохи царствования Петра I: «**камин**» — через нем. Kamin из лат. caminus ‘очаг’ (Фасмер, т. 2, с. 174); «**орация**» ‘длинная речь’ через польское. oracja из лат. orātiō (Фасмер, т. 3, с. 149)». Но в «Актах Иверского монастыря» эти слова встретились гораздо раньше петровского времени... В 1657 г.! *«Пожалуй, великий государь [Никон], вели пожалованье прислати къ намъ каменщиковъ человекъ съ 20, для ради церковные починки и въ кельяхъ для **коминовъ**»* (А. Ивер. м., с. 258, 1657 г.); *«Да вамъ же бы Иверского монастыря изъ братьи убрать 12 братовъ, предъ царемъ*

и предъ нами [Никоном] **орацию** говорить, краткую и богословную и похвальную, за его къ вамъ царское посъщение» (А. Ивер. м., с. 292, 1657 г.).

То же можно сказать и о слове «**кафля**». «**Кафля**» — это ‘кирпич, облитый с лицевой стороны глазурью; изразец’ (через польск. kafla, kachla из нем. Kachel ‘изразец, плитка’ от лат. sassalus ‘горшок, посуда’ (Фасмер, т. 2, с. 212). Историко-этимологический словарь П. Черных отмечает, что «слово это появилось в языке лишь в петровскую эпоху, причем сначала преимущественно в форме ж. р. и с ‘х’ вместо нынешнего ‘ф’ — т. е. «кахля»⁵. Однако «Акты» свидетельствуют о том, что слово появилось в русском языке гораздо раньше — в середине XVII в. (!) — в то время, когда в монастыре было налажено первое отечественное изразцовое производство (СлРЯХІ–XVII, т. 7, с. 94]. «И мы [архимандрит Дионисий с братией]... отпустили къ тебѣ великому государю [Никону], на твой государевъ станъ во Тверь... двѣ печи мурамленныхъ съ розными красками, а числомъ въ тѣхъ печахъ 410 кафель, да три печи зеленыхъ кафель» (А. Ивер. м., с. 209, 1656 г.); «Се язъ... Илья Козминъ Сапаревъ, принялъ есми Пречистые Богородицы Иверского монастыря у властей... печныхъ... бѣлыхъ кафиль на одну печь, въ томъ имъ властемъ я Илья и отпись далъ» (А. Ивер. м., с. 1041, 1666 г.).

Так как белорусская братия перевезла с собой свою типографию, закономерно, что в «Актах» нашла отражение и лексика типографского дела. Например, слово «**пунсон**» (из французского poinçon ‘резное изображение, условный знак; клеймо; вырезанная ребром на стали буква, для отчеканки ее в меди (матрица)’ (Фасмер, т. 3, с. 406): «Печатный станокъ со всякимъ печатнымъ заводомъ и **пунсоны**» (А. Ивер. м., с. 692, 1667 г.). Стоит отметить, что наряду со словосочетанием «печатный станок» в тексте «Актов Иверского монастыря» равноправно функционирует и его юго-западный синоним «**друкарский стан**» (от укр. друк ‘рычаг, шест, жердь’, болг. дръг, чеш. drouh ‘рычаг, плечо рычага’ (Фасмер, т. 1, с. 543): «Въ твоей, великого господина [Никона], грамотѣ писано къ намъ богомолцомъ твоимъ, а вельно: буде есть у насъ два **друкарские станы**, или одинъ станъ и щюрунъ и азбуки, чимъ книги печатаютъ, и слова, прислатъ къ тебѣ» (А. Ивер. м., с. 560, 1665 г.). Словообразовательное же гнездо «**друкаръ — друкарня — друкарский**» по данным СлРЯХІ–XVII

⁵Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1994. С. 388.

[вып. 4, с. 365] зафиксировано только в документах, касающихся деятельности Иверского монастыря.

В «Актах» содержится значительное количество диалектной лексики, представляющей собой московский говор, т. е. средневеликорусский, смешанный южный и северный говор. Например, лексема «**студенец**» ‘колодец; ключ из земли, родник’ (Даль, т. 4, с. 347) была употребительна как на территории Северной, так и на территории Южной Руси: «*Есть де часовня, построена на текущем студенце, новая; и намъ, пресвященному митрополиту, пожаловати бѣ ихъ, архимандрита съ братьею, велѣти на томъ источникѣ къ той часовни придѣлатъ олтарь*» (А. Ивер. м., с. 929, 1693 г.).

Но есть лексика и собственно севернорусская. Например, слова «**реж** (**режа**)» ‘бревенчатая решетка под строение, плотину, бревенчатый сруб под строение’ (СлРЯХІ–ХVII, вып. 15, с. 138] и «**повальша** (**повалуша**)» ‘неотапливаемое помещение, холодная горница (на подклете) различного назначения’ (Даль, т. 4, с. 120; СлРЯХІ–ХVII, вып. 22, с. 33): «*А хоромъ на дворѣ: двѣ горницы на подклетахъ съ сѣнми ветчаны, а кровли огнили, да у тѣхъ же сѣней **повальша** ветчана, кровля огнила, да баня на **режахъ** ветчана*» (А. Ивер. м., с. 112, 1654 г.). Кроме того, слово «**пова**’**льша**» еще употреблялось в Новгородской губернии в значении ‘кладовая’ (СРНГ, вып. 27, с. 218].

Материалы памятника и «Словаря русского языка ХІ–ХVII вв.» показывают, что большинство диалектной лексики начинает попадать в деловые источники именно в ХVII в. Например, в текстах «Актгов» отмечена лексема «**напрасница**» ‘ложное обвинение, клевета, наговор’: «*Платилъ [поп Никита Афанасьев] Ржевского уѣзду сыну боярскому Леонтию Доможирову, а по поличному приказного слуги Григорья Иванова платилъ я **напрасницы** 70 рублевъ денегъ*» (А. Ивер. м., с. 389, 1662 г.). «Словарь русского языка ХІ–ХVII вв.» (вып. 10, с. 192) показывает только известную нам форму «напраслина». А вот «Словарь русских народных говоров» (вып. 20, с. 96) отмечает, что на территории исконно новгородских земель, — т. е. в Псковской, Осташковской, Тверской, Петербургской и Олонецкой губерний — в народной речи одновременно использовалось три формы: «**напрасница**», «**напраслица**» и «**напраслина**».

Особенность «Актгов Иверского монастыря» как памятника деловой письменности состоит в том, что в нем отразились многие процессы образования и становления русского национального языка. Даже беглый обзор лексики памятника позволяет сделать заключение, что русский национальный язык в ХVII и начале ХVIII в.

действительно складывался на основе смешения славяно-русского языка и народно-диалектной речи с московским государственным языком и с западноевропейскими языками. В свою очередь, историческое исследование значений слов помогает глубже осознать лексико-семантические связи и взаимодействия литературного языка с русскими народно-областными говорами и другими славянскими языками.

Сокращения

- А. Ивер. м. — Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706), изд. архимандритом Леонидом (Кавелиным) // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 5.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880–1886. Т. 1–4.
- СлРЯХІ–ХVІІ — Словарь русского языка ХІ–ХVІІ вв. М., 1975–2008. Вып. 1–28.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л.–СПб., 1965–2007. — Вып. 1–41.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.

А. В. Загребельный

**ВИДОВЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ФОРМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В ДОКУМЕНТАХ
РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НАЧАЛА XX в.**

Аннотация

В статье рассматриваются видовые наименования форм государственного устройства на примере анализа употреблений 6 терминов и терминологических наименований: монархия, монархическое устройство, самодержавие, царское самодержавие, русское народное самодержавие, самодержавный режим. Анализ вышеуказанных наименований проводится в рамках семасиологического и культурно-исторического аспектов.

Ключевые слова: общественно-политическая терминология, форма государственного устройства, монархия, самодержавие, царское самодержавие.

**KIND NAMES OF THE STATE SYSTEM FORMS
IN THE DOCUMENTS OF THE RUSSIAN POLITICAL PARTIES
AT THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY**

Summary

The article presents the investigation of kind names of the state system forms. The scientific research was carried out on the example of analysis of 6 terms and term combinations usage. These are the following terms: monarchy, monarchy system, autocracy, the tsarist autocracy, the russian national autocracy, the autocracion regime. Analysis of all above-mentioned terms was carried out in the frames of semasiological, cultural and historical aspects.

Key words: social and political terminology, State system form, monarchy, autocracy, the tsarist autocracy.

Обострение политической ситуации в России начала XX в. явилось следствием длительного противостояния прогрессивной интеллиген-

ции и консервативной власти. Активная деятельность разнообразных подпольных политических организаций прослеживается уже с начала XIX в. Функционирование данных политических сил имело своим результатом не только воздействие на социально-политическую ситуацию в стране, но и на развитие языка. В своей концепции социальной обусловленности языкового развития Е. Д. Поливанов¹ отмечал, что наиболее проницаемыми в плане влияния общественного развития на язык являются лексика и фразеология. Носителями передовых идей развития России были, как правило, представители интеллигенции, люди высокообразованные, зачастую владевшие несколькими иностранными языками. Во многом благодаря им «в 40–60-е гг. XIX в. приобретает большую актуальность, а в связи с этим и широкое распространение, общественно-политическая терминология, в том числе и интернационализмы общественно-политического содержания»².

Языковая ситуация в конце XIX–начале XX в. начинает качественно изменяться. Причиной этому послужило формирование и активное функционирование многопартийной политической системы в России; достигшее небывалых высот противодействие власти и мыслящей интеллигенции, власти и народа в целом; разобщенность политических сил, приводившая к погромам, вооруженным восстаниям, массовым беспорядкам, забастовкам, столкновениям с полицией и военизированными частями³.

Главный предмет политической дискуссии начала XX в. составлял комплекс вопросов, касавшихся будущего политического и общественного устройства России. Правые монархические, левые социал-революционные и центристские партии совершенно по-разному видели пути решения этих проблем. Благодаря деятельности данных политических сил в языке рассматриваемого временного периода утвердились слова разных тематических групп.

Предметом исследования в данной статье являются видовые наименования форм государственного устройства в русском языке начала XX в. Источниками послужили разнообразные документы российских политических партий (программы, воззвания, открытые письма, обращения и др.), воспоминания политических деятелей

¹ Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

² Бельчиков Ю. А. Интернациональная терминология в русском языке. М., 1959. С. 29.

³ Программы политических партий и организаций России конца XIX — начала XX века. Ростов-на-Дону, 1992. С. 4.

первых десятилетий XX в., стенографические отчеты выступлений депутатов в Государственной Думе и др. (Ковалевский М. М.; Листовка СРД 1906; Листовка СРН 1905; Прог. полит. парт. к. XIX–нач. XX в.; Прог. парт. С.-Р. и др.). Всего было выделено 34 видовых наименования (*монархия, конституционно-монархический строй, самодержавный режим, народовластие, парламентарный строй, пролетарская республика, тиранья, конституционная тиранья, революционная диктатура* и др.). Объем статьи не позволяет рассмотреть все выявленные наименования, поэтому остановимся на анализе наиболее, на наш взгляд, интересных терминов: *монархия, монархическое устройство, самодержавие, царское самодержавие, русское народное самодержавие, самодержавный режим*.

В анализируемых текстах термин *монархия* имеет следующее значение: ‘форма государственного устройства, при которой вся полнота власти принадлежит одному лицу’: *Будучи демократией, Россия в то же время монархия. Ее монархическое устройство вызвано было ходом истории, необходимостью сплотиться под главенством сильной центральной власти...* (Ковалевский М. М., с. 32). В рассматриваемом примере терминологическое сочетание *монархическое устройство* состоит из двух слов: прилагательного *монархический*, которое определяется как ‘единодержавный, самодержавный, заключающий верховную власть в одном лице’ (СЦРЯ, т. 2, с. 674), и существительного *устройство*, имеющего в данном контексте следующее значение: ‘организация, упорядочение чего-либо’. Следовательно, терминологическое сочетание *монархическое устройство*, имея идентичное термину *монархия* денотативное содержание, находится с последним в отношениях синонимии.

Анализ выявленных единиц показал наличие варьирования микрокомпонентного состава коннотативного блока в структуре значения слова *монархия* и его синонимов. Так, в программных документах монархических, либеральных и центристских партий термин *монархия* имеет либо положительную оценку и ‘одобрение’ как сему эмотивного макрокомпонента значения, либо нейтральную оценку: *Монархия именно при настоящих условиях призвана осуществить свое предназначение явиться умиротворяющим началом в той резкой борьбе, борьбе политической, национальной и социальной, для которой открывается ныне широкий простор провозглашением политической и гражданской свободы* (Прог. Союза 17 окт., с. 95). Актуализация позитивных коннотативных сем в структуре значения слова *монархия* в рассматриваемом примере становится

возможна под воздействием контекстного окружения: политический строй, являющийся «умиротворяющим началом» в период политической борьбы, не может не вызывать положительной оценки и одобрения.

Совершенно иные коннотации термин *монархия* приобретает в программных документах крайне левых революционных партий. Так, члены партии социалистов-революционеров видели главный источник бедственного положения трудового народа в самом существовании монархического строя в России: *В интересах самозащиты монархия и ее союзники прибегают к усиленному угнетению покоренных императорской Россией национальностей, насаждая национальный, расовый и религиозный антагонизм...* (Прог. парт. соц.-революц., с. 62). Под воздействием контекстного окружения (понятийные семы негативного характера слов *угнетение, насаждение национального, расового и религиозного антагонизма*) термин *монархия* приобретает резко отрицательную оценку и 'неодобрение' как сему эмотивного компонента значения.

Таким образом, сама по себе оценка амбивалентна, то есть способна менять знак с «+» на «-» в зависимости от ценностных ориентиров говорящих. Изменения в оценочном макрокомпоненте неизбежно ведут к перераспределению сем в эмотивном блоке значения. Из этого следует, что ценностная картина мира говорящего детерминирует микрокомпонентный состав того или иного слова. Этим и объясняется тот факт, что «понимание терминов может различаться в противоположных политических лагерях»⁴.

В анализируемых текстах был выявлен также термин *самодержавие*: *Вот настоящее, русское, народное самодержавие, и именно такая система управления государством и нужна для России и в настоящее время* (Листовка СРН 1905, с. 79). Как видно из данного примера, слово *самодержавие* имеет значение 'форма правления, при которой монарх является носителем всей верховной власти' (СИСП, с. 1047). Термин характеризуется наличием нейтральной оценки, какие-либо другие коннотации в структуре его значения отсутствуют. В целом же, функционируя в программных документах и материалах правых партий, рассматриваемый термин характеризовался либо наличием нейтральных сознания (как видно из выше-

⁴ *Москович В.* Заметки о современной русской политической терминологии // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. I / ред. кол.: Т. А. Агапкина, А. Ф. Журавлев, С. М. Толстая. М., 1998. С. 185

приведенного примера), либо под воздействием контекстного окружения приобретал положительную оценку и 'одобрение' как сему эмотивного компонента значения, что наблюдается, например, в избирательной программе Союза русского народа: *Самодержавие русских царей, Православную Церковью искони освященное, по воле Государя Императора осталось и после 17-го Октября незыблемым, каким было и встарь, и должно всегда оставаться таковым для блага и процветания России* (Избир. прог., с. 190). Как видно из приведенного примера, форма управления государством, которая освящена православной церковью и которая несет благо и процветание России, не может не вызывать одобрения и положительной оценки. Отсюда и возникают положительные коннотации в структуре значения данного термина.

Анализ синтагматических связей термина *самодержавие* показал преобладание в качестве присловных распространителей прилагательных *русский, народный и царский*: *Дарованное нам волею Царскою положение о Государственной Думе и представляет собою такую новую форму русского народного самодержавия* (Листовка СРН 1905, с. 79); *Посягательство на Царское Самодержавие со стороны врагов России равносильно посягательству на главенство в Русском Государстве Русского Народа* (Обращение, с. 138); *Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата* (Прог. РСДРП, с. 55). В первом примере наличие двух определений (*русский* и *народный*) при термине *самодержавие* приводит к расширению денотативного содержания анализируемого слова. В понятийном макрокомпоненте его значения актуализируются семы национальной принадлежности 'русский', 'народный'. Во втором примере определение *царский*, не внося никаких новых микрокомпонентов в значение термина *самодержавие*, приводит к сверхактуализации уже имеющихся сем 'власть', 'правление' 'самодержца' (СЦРЯ, т. 4, с. 184). Третий пример демонстрирует употребление рассматриваемого терминологического сочетания в документах левых, антимонархических партий. Форма управления государством, враждебная «всякому общественному движению», вызывает лишь отрицательные эмоции. Этим и объясняется наличие отрицательных коннотаций в значении терминологического сочетания *царское самодержавие* в последнем примере.

Еще одна причина употребления определения *царский* могла заключаться в стремлении авторов документа дифференцировать разные значения слова *самодержавие*. Так, в документах правых партий встречается употребление анализируемого слова в значении 'власть, правление самодержца' (СЦРЯ, т. 4, с. 184): *Истолковывать Манифест о Государственной думе и Манифест 17 октября как введение конституции (парламентского строя) для России и отказ Государя от Самодержавия могут только люди, желающие взять власть Государственную в свои руки* (Листовка СРЛ 1906, с. 110); *Вслед за сим председатель произнес речь, указавшую на важное историческое значение всемилостивейших слов Государя Императора, сказанных 16 февраля депутациям из Иваново-Вознесенска. По окончании этой речи снята была завеса с подножия находившегося в аудитории портрета Государя, и вся собравшаяся масса народа огласила огромную залу кликами «ура», прочитав открывшиеся ее глазам Царские слова: «Самодержавие мое останется таким, каким оно было встарь»...* (Втор. общ. собр. монарх. партии, с. 136). Подобное значение слова *самодержавие* словарями начала XX в. не фиксируется (СНТ, с. 734; СИСП, с. 1047 и др.), что может свидетельствовать об архаизации анализируемого слова в отмеченном выше значении. В программе же партии социалистов-революционеров встречаем употребление термина *самодержавие* в значении 'форма государственного устройства, при которой вся полнота власти сосредоточена в руках определенных классов общества': *Взаимоприспособление форм патриархального дворянско-чиновничьего самодержавия и новейшей буржуазной эксплуатации обостряет постановку социального вопроса в России* (Прог. парт. С.-Р., с. 46).

Исследование общественно-политической терминологии анализируемых источников показало преобладание термина *самодержавие* по сравнению с термином *монархия* в программных документах правых проправительственных партий и партий центра. Причина, вероятно, кроется в идеологической основе функционирования этих партий. Взгляды консерваторов-монархистов на общественно-политическое устройство России по большей части восходят к идеям славянофилов о единстве царя, народа и церкви⁵. Славянофилы

⁵ Из воспоминаний С. Е. Крыжановского, товарища министра внутренних дел в 1906–1911 гг. // Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 626–630.

ратовали за все русское, в том числе и язык. Они выступали против иноязычных заимствований, считая, что понятийное наполнение любого иностранного слова может быть передано лексико-словообразовательными средствами русского языка. Как известно, термин *монархия* греческого происхождения (НПС, с. 294). По иному обстоит дело с термином *самодержавие*, которое известно в русском языке уже с XVII в. (СлРЯХI–XVII, вып. 23, с. 37). По наблюдениям В. В. Виноградова, «сложение с местоимением *само* отвлеченных имен действия и состояния... принадлежит к числу старославянских моделей словосложения»⁶. В качестве примера В. В. Виноградов приводит слово *самодержство*, более архаичное по происхождению, чем *самодержавие*. Сам термин *самодержавие*, вероятно, был образован на базе двух слов: местоимения *сам* и существительного *держава*. В новообразованном слове *самодержавие* первый корень не утрачивает своей семантической значимости, его функция заключается в модификации значения второго корня — в переадресации свойства, выраженного словом *держава* на самого субъекта действия. Слово *держава* определяется как ‘владычество, могущество, крепость, сила’ (СЦРЯ, т. 1, с. 663). Исходя из этого, описательное значение термина *самодержавие* может быть сформулировано следующим образом: ‘владычество, могущество, сосредоточенное в руках одного человека’.

Таким образом, термин *самодержавие*, являясь исконно русским, обладает прозрачной внутренней формой (в отличие от термина *монархия*), что соответствовало идейным установкам консервативных и отчасти либеральных партий. Такой тщательный отбор языковых средств членами вышеуказанных партий объяснялся двумя причинами: 1) стремлением быть понятыми потенциальными сторонниками — малообразованными либо вовсе неграмотными людьми — крестьянами, отчасти рабочими и 2) желанием продемонстрировать консерватизм своих взглядов полным игнорированием заимствованной терминологии, упорно насаждавшейся передовой интеллигенцией.

В ходе анализа источников было также выявлено составное терминологическое наименование *самодержавный режим*: *Рабочее движение вынуждено развиваться в условиях самодержавного режима, основанного на всеохватывающей полицейской опеке и подавлении личной и общественной инициативы* (Прог. парт. С.-Р.,

⁶ Виноградов В. В. История слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1994. С. 620

с. 47). Рассматриваемое терминологическое сочетание было образовано посредством конкретизации (при помощи прилагательного *самодержавный*) родового наименования формы государственного устройства (термин *режим*). Термин *режим* имеет значение 'образ правления, правительство' (СНТ, с. 711). Таким образом, терминологическое сочетание *самодержавный режим* может быть определено как 'образ правления, при котором вся власть сосредоточена в руках монарха'. К тому же в структуре оценочного и эмотивного компонентов значения анализируемого наименования под воздействием негативной семантики контекста (понятийные семы негативного характера слов «полицейская опека», «подавление личной и общественной инициативы») наблюдается актуализация сем отрицательной оценки и 'неодобрения'.

В итоге можно заключить, что острые политические дискуссии в России начала XX в. по вопросам выбора будущего пути развития страны нашли свое отражение в системе языка в виде оформления и активного функционирования терминов видовых наименований форм государственного устройства. Данные термины, являясь орудием политической пропаганды, характеризовались потенциальной амбивалентностью семного состава коннотативного блока значения, то есть могли иметь как положительные созначения, так и отрицательные в зависимости от ценностных ориентиров и идеологических установок политических сил, в документах которых эти термины употреблялись.

Сокращения

- Втор. общ. собр. монарх. партии — Второе общее собрание монархической партии. [26 февраля 1906 г.] // Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 135–137.
- Избир. прог. — Избирательная программа (в связи с выборами в Государственную думу), принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН и обязательная для всех отделов. 2 сентября 1906 г. // Там же. С. 190–197.
- Ковалевский М. М. — *Ковалевский М. М.* Политическая программа нового союза народного благоденствия (речь на собрании членов клуба независимых) // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. С. 31–40.
- Листовка СРЛ 1906 — [Листовка союза русских людей]. Самодержавие или конституция? 11 января 1906 г. // Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. С. 108–110.

- Листовка СРН 1905 — [Листовка союза русского народа]. Самодержавие и абсолютизм. [11 ноября 1905 г.] // Там же. С. 78–79.
- НПС — Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртене. М., 1911.
- Обращение — [Обращение союза русских людей к своим сторонникам накануне выборов в I государственную думу]. [Февраль–март (?) 1906 г.] // Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1905–1910 гг. С. 138–139.
- Прог. парт. соц.-революц. — Программа партии социалистов-революционеров // Программы политических партий и организаций России конца XIX–начала XX века. Ростов-на-Дону, 1992. С. 59–66.
- Прог. парт. С.-Р. — Программа партии социалистов-революционеров // Программы политических партий в России. Репринтное воспроизведение издания 1917 года. Воронеж, 1991. С. 41–53.
- Прог. полит. парт. к. XIX–нач. XX в. — Программы политических партий и организаций России конца XIX–начала XX века. Ростов-на-Дону, 1992.
- Прог. РСДРП — Программа Российской социал-демократической рабочей партии // Программы политических партий и организаций России конца XIX–начала XX века. Ростов-на-Дону, 1992. С. 53–58.
- Прог. Союза 17 окт. — Программа «Союза 17 октября» // Там же. С. 92–99.
- СИСП — Словарь исторический и социально-политический / под ред. В. В. Битнера. СПб., 1906.
- СНТ — Словарь научных терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык / под ред. В. В. Битнера. СПб., 1905.
- СлРЯXI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–26. М., 1975–2002.
- СЦРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка: в 4 т. М., 1867.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахина Людмила Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук.

Блинова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

Волков Святослав Семенович (1921–1996) — доктор филологических наук, профессор Ленинградского государственного университета.

Генералова Елена Владимировна — кандидат филологических наук, сотрудник Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.

Герд Александр Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук.

Голиков Леонид Михайлович — старший преподаватель кафедры русского языка и иностранных языков Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Демидов Дмитрий Григорьевич — доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.

Загребельный Артур Владимирович — аспирант кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета.

Коваленко Яна Юрьевна — сотрудник Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.

Косивцова Анастасия Владимировна — заведующая учебно-методическим кабинетом филологического факультета Тюменского государственного университета, соискатель кафедры русского языка.

Костючук Лариса Яковлевна — доктор филологических наук, профессор Псковского государственного педагогического университета.

Мальшева Ирина Алексеевна — ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской академии наук.

Мжельская Ольга Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, сотрудник Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.

Пименова Марина Васильевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Владимирского государственного гуманитарного университета.

Праведников Сергей Павлович — доцент кафедры русского языка Курского государственного университета.

Сандуца Анастасия Анатольевна — ассистент кафедры русского языка Тюменского государственного университета.

Смирнова Галина Юрьевна — докторант кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.

Судаков Гурий Васильевич — доктор филологических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.

Чендекова Екатерина Владимировна — преподаватель Частного образовательного учреждения педагогических новаций и технологий Учебного центра «Престо».

Черепанова Ольга Александровна — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Щекин Алексей Сергеевич — старший лаборант филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, сотрудник Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-летию со дня рождения С. С. Волкова	5
С. С. Волков. Эмоционально-экспрессивные средства частной переписки XVII в. (Подготовка к публикации О. С. Мжельской)	7
Г. В. Судаков. Рукописная азбука XVII в.	15
А. С. Герд. К типологии исторических словарей	22
Г. Ю. Смирнова. Представление числительных в историческом словаре русского языка в свете современного математического знания	33
С. П. Праведников. Территориальная дифференциация былинной лексики (на примере кластера «Еда и питье»).....	42
Л. М. Голиков. О проекте «Словаря терминологии уголовного права XVIII века»	53
Л. Я. Костючук. Лингвистические и экстралингвистические сведения в помощь пониманию древнего текста	61
А. С. Щекин. Лексическая вариативность при передаче библейского текста в произведениях древнерусской церковно-учительной литературы	73
И. А. Мальшева. Региональные памятники деловой письменности XVIII в. как новые источники «Словаря русского языка XVIII века»	86
О. С. Мжельская. Из названий товаров на псковском рынке (XVI–XVII вв.)	99
М. Вас. Пименова. К истории названий и описаний растений (на материале «простонародных» травников)	118
Е. В. Генералова. Лексико-семантические группы субстантивированных прилагательных в истории языка	128

<i>О. А. Черепанова.</i> Пинежский летописец XVII в.: к изучению лексики памятника	139
<i>Л. Ю. Астахина.</i> К вопросу об изучении лексических описок и ошибок в лексикографической практике	148
<i>Д. Г. Демидов.</i> Индикация имен указательными местоимениями в эпиграфике, приписках и деловой письменности XI–XVII вв.	159
<i>О. В. Блинова.</i> Воспроизводимые сочетания с участием лексемы «место» в пространственном, временном и количественном значении(на материале грамоток XVII — начала XVIII в.)	176
<i>Е. В. Чендекова.</i> Наименования тканей в русском языке XI–XVII вв.: функциональный аспект	183
<i>А. А. Сандуца.</i> Влияние жанра делового документа XVIII в. на его лексический состав	195
<i>А. В. Косивцова.</i> Функционирование слов лексико-семантической группы «польза» в письмах Н. А. Демидова	204
<i>Я. Ю. Коваленко.</i> Лексика «Актон Иверского Святоозерского монастыря» (1582–1706 гг.): отражение процесса становления русского национального языка	214
<i>А. В. Загребельный.</i> Видовые наименования форм государственного устройства в документах российских политических партий начала XX в.	221
Сведения об авторах	230

CONTENTS

To 90-year anniversary of S. S. Volkov	5
<i>Volkov S. S.</i> Emotionally expressive means of private correspondence of the 17th century	7
<i>Sudakov G. V.</i> Manuscript ABC-book of the XVIIth century as a linguistic source	15
<i>Gerd A. S.</i> Types of the historical Dictionaries	22
<i>Smirnova G. Y.</i> Representation of Numerals in the historical Dictionary of Russian language in the light of modern mathematical knowledge	33
<i>Pravednikov S. P.</i> Territorial differentiation of epic lexicon (on example cluster «Meal and drink»)	42
<i>Golikov L. M.</i> About a project of Criminal Terminology Dictionary of the XVIIIth century	53
<i>Kostyuchuk L. Y.</i> Linguistic and extralinguistic data helping to understand the ancient text	61
<i>Shchyokin A. S.</i> Lexical variability in translations of the biblical text in some works of the Old Russian literature	73
<i>Malysheva I. A.</i> Regional monuments of the XVIIIth century business writing as new sources for the «Russian Language of the XVIIIth Century Dictionary»	86
<i>Mzhelskaya O. S.</i> Some product names in the Pskov market (XVIth–XVIIth centuries)	99
<i>Pimenova M. Vas.</i> To the history of the names and descriptions of herbs (on the basis of people's herbs' books)	118
<i>Generalova E. V.</i> Lexical-semantic groups of substantivized adjectives in the history of language	128
<i>Cherepanova O. A.</i> Regional chronicle of the XVIIth century «Pinezsky letopisecz»: research some lexical topics	139

<i>Astakhina L. Y.</i> On the study of lexical slips and errors in lexicographical practice	148
<i>Demidov D. G.</i> Indication of names by demonstrative pronouns in epigraphy, postscripts and business writing language in the XI–XVIIth centuries	159
<i>Blinova O. V.</i> Word-groups with lexeme «мечро»: meanings of space, time, number (on a material of Russian household letters XVIIth — the beginnings of XVIIIth century)	176
<i>Chendekova E. V.</i> Word-group “names of fabrics” in Russian language of the XI–XVIIth centuries: functional aspect	183
<i>Sandutsa A. A.</i> Influence of a genre of business texts of XVIIIth century to its lexics	195
<i>Kosivtsova A. V.</i> The functioning of words lexical and semantical group «profit» in letteres of N. A. Demidov	204
<i>Kovalenko Y. Y.</i> Lexicon of the «Certificates of Iversky Svyatoozersky Monastery» (1582–1706) as a reflection of the process of adopting a uniform Russian national language.....	214
<i>Zagrebelniy A. V.</i> Kind names of the state system forms in the documents of the russian political parties at the beginning of the XXth century.....	221
Information about the authors	230

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Издается с 1972 года

Выпуск 8

Ответственный редактор *О. А. Черепанова*

Редактор *Л. Н. Мурзенкова*

Корректор *Л. А. Макеева*

Технический редактор *Е. М. Денисова*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99.

Подписано в печать 24.11.2010. Формат 60 × 84 1/16. Усл. печ. л. 14,75.

Тираж 100 экз. Заказ № .

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета.

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Лаборатория оперативной печати

факультета журналистики СПбГУ,

199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26